

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893.a

Vihik 310 Выпуск

ОСНОВАНЫ В 1893.г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XXII

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Из истории русского языкознания

ТАРТУ 1973

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893.a

Vihik 310 Выпуск

ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XXII

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Из истории русского языкознания

TARTU 1973

Редакционная коллегия:

А. Метса (отв. редактор), Х. Пак, С. Смирнов, Х. Хейтер.

О РАЗВИТИИ ТЕОРИИ ПОРОЖДАЮЩИХ МОДЕЛЕЙ ЯЗЫКА

П. Сгалл

Даже столь молодая область лингвистики, какой являются порождающие модели языка, уже имеет свою историю, заслуживающую того, чтобы над ней задуматься. Мы хотели бы здесь остановиться на некоторых аспектах развития порождающих моделей. Как известно, участие советских лингвистов в разработке этих проблем очень значительно: С.К.Шаумян, И.И.Ревзин, И.А.Мельчук, А.В.Гладкий и целый ряд других советских специалистов, включая математиков, внесли ценный вклад в алгебраическую лингвистику. Однако, мы предполагаем, что их работы достаточно хорошо известны, и поэтому в данной статье хотим остановиться на развитии этой области лингвистики за пределами Советского Союза.

Существующее до сих пор генеративное описание языка можно в общем разделить на три периода, для каждого из которых характерны свои особенности. Первый из них - до середины пятидесятих годов - период подготовительный, в который были заложены основы эксплицитного конструктивного описания структуры естественных языков - пока еще не в форме генеративного (порождающего) описания, а в форме распознающей процедуры; этот период связан с именами логиков К.Айдукевича и И.Бар-Хиллела. Второй период - приблизительно от середины пятидесятих годов до середины шестидесятых - можно считать периодом возникновения трансформационной грамматики Н.Хомского, целью которой является перечисление множества предложений описываемого языка и приписания каждому из них структурной характеристики, включающей все релевантные факты от синтаксиса до фонетики. Наряду с этим принципом описания, который очень быстро распространился и нашел многочисленных последователей среди лингвистов и математиков, в этот период возникает и другие концепции алгебраической лингвистики, большинство из которых более или менее тесно связано с прак-

тической целью составления алгоритмов для машинного перевода, и которые на основании критики некоторых приемов школы Н. Хомского приходят к существенно иному пониманию внутренней структуры генеративного описания. (Здесь можно отнести большинство методов описания советских лингвистов, далее стратификационную лингвистику С.М. Лэмба в США, некоторые направления западноевропейской лингвистики, а также точку зрения пражской группы алгебраической лингвистики.) Для третьего периода характерно прежде всего то, что трансформационное описание языка в разных аспектах, в общем связанных с ролью семантики в модели языка, сближается с базой, на которой уже и ранее было основано большинство остальных подходов к генеративному описанию языка. И в самой трансформационной школе анализируются возможности разрешения проблем, связанных с описанием семантики; основная исходная точка зрения (изложенная в 1964-65 гг. прежде всего Д.А. Кацом, П.М. Посталом и Н. Хомским) не избежала критики и внутри самой школы. С одной стороны, здесь возникает тенденция дополнить и приспособить ее так, чтобы она давала реальную возможность адекватного отображения структуры естественного языка (это касается главным образом работ Фильмора, Джекендоффа, Бака и многих других), а с другой стороны, формулируется новая точка зрения, которая еще более приближается к упомянутым нетрансформационным направлениям (речь идет о генеративной семантике, принципы которой были сформулированы Дж. Лакоффом, о некоторых работах МакКоли, отчасти П.М. Постала и Д.Р. Росса). В то же время развиваются и другие принципы генеративного описания, разрабатывается много конкретных вопросов синтаксиса, а особенно семантики естественных языков, возникают новые направления, особенно в тех европейских странах, где собственное решение теоретических проблем алгебраической лингвистики ранее отсутствовало (Франция, Западная Германия и т.д.). Особенно интересно, что в этот третий период значительная часть дискуссий сосредоточивается на вопросах, касающихся таких явлений, как порядок квантификаторов и других операторов, пресуппозиция и так

наз. фокус, тема и рема, короче говоря явлений, включаемых в чехословацком и советском языковедении в понятие актуально-го членения предложения.

Если в первый (подготовительный) период ученые занимались прежде всего самым формальным аппаратом описания синтаксиса, но еще без конкретного эмпирического изучения естественных языков, то в центре внимания второго периода стоит именно синтаксис (и морфология) этих языков, а формальный аппарат (в математическом изучении которого были достигнуты значительные результаты) теперь уже служит своему собственному назначению — он используется для формулировки результатов лингвистического исследования; соответствующие области лингвистики получают таким образом возможность избавиться от существующих до сих пор неточностей в своих дефинициях, и в то же время формальный аппарат выполняет важную роль эвристического стимула, поскольку своей строгостью заставляет исследователей задуматься над целым рядом вопросов, которые ранее оставались вне их поля зрения. Наряду с интересом к синтаксису, значительное внимание в этот период уделяется семантике естественных языков в порождающей модели. Однако, семантика пока еще остается без конкретной разработки, а интерес к ней проникает в собственную школу Н. Хомского лишь в конце второго периода. И только в течение третьего периода вопросы семантики и ее отношения к синтаксису (также отношения к логической семантике) становятся предметом систематического интереса в различных типах порождающих моделей.

I. Как уже было сказано, в первый период (до середины пятидесятих годов) разработка порождающих моделей языка находилась в стадии подготовки. До этого времени лингвисты, за исключением отдельных случаев, не использовали систематически методы, разработанные математикой и логикой в области изучения отношений (хотя уже ряд десятилетий осознавали, что для изучения языка как системы существенны именно отношения между языковыми явлениями), и не понимали важности проблематики, связанной с тем, что система языка обладает рекурсивными свойствами, т.е. что знание языка следует понимать как не-

что, что позволяет его носителям создавать все новые и новые предложения, которые до этого они никогда не слышали и которые теоретически могут быть произвольно длинными (не смотря на практические ограничения возможностей реализации) и произвольно сложными, и что дает возможность также понимать такие предложения, хотя человек их слышит впервые.

Для описания системы с подобными свойствами, когда с помощью некоторой процедуры (значит, конечного набора правил) можно описать произвольно сложные структуры, традиционное понимание системы как классификации явлений языка и списка отношений между ними недостаточно. Для описания такой "открытой" системы с рекурсивными свойствами лучше всего годится модель алгоритмического характера, т.е. модель, имеющая форму "действующего устройства", обрабатывающего определенные входные данные с применением избранной процедуры или выдающего на выходе данные, полученные с помощью такой процедуры. Однако, приведенное понимание системы существовало уже целые десятилетия; более того, уже в тридцатых годах существовала идея использовать его для научного описания синтаксической структуры естественного языка. Это предложение было внесено польским логиком К. Айдукевичем¹, который разработал распознающую процедуру в связи с требованиями формальной логики, а именно для установления, является ли данная цепочка символов правильно построенной формулой (т.е. для рекурсивного определения правильно построенной формулы). При этом автор предполагает, что с помощью такого аппарата, т.е. категориальной грамматики, можно описать и синтаксическую структуру естественного языка. Эту точку зрения развивает Бар-Хиллел², предложивший в 1953 году классификацию отдельных классов слов (словоформ) по их синтаксической валентности (он исходит из категории субстантива, а адъектив характеризует как элемент, который вместе с субстантивом, стоящим вправо от него, создает опять элемент субстантивного синтаксического характера, в то время как глагол вместе с субстантивом-подлежащим создает целое, имеющее характер предложения). На этом Бар-Хиллел основывает исчисление, определя-

ющее, является ли данная цепочка символов правильно построенным предложением описываемого языка. Категориальная грамматика³ стала, таким образом, первой формальной рамкой для эксплицитного описания языка, первым вариантом понятийного аппарата, который - в соответствии с требованием современной методологии наук - оперировал бы только понятиями заранее определенными (включая и те, которые для разбора отношений были разработаны в рамках логики). Речь идет о процедуре, которая каждой словоформе входного языка может приписать определенную валентностную характеристику, а потом, с помощью анализа полученной таким образом цепочки характеристик, устанавливает, является ли входная цепочка (грамматически правильным) предложением описываемого языка.

Однако с лингвистической точки зрения этот метод был недостаточно разработан; и только постепенно выяснилось, какие трудности возникают в связи с тем, что порядок слов в естественных языках во многих случаях не связан непосредственно с синтаксическими функциями этих слов в предложении, а также в связи с тем, что большинство частей речи (и падежей, глагольных наклонений и т.д.) не имеет однозначной роли с точки зрения своей синтаксической валентности. Так, например, адъектив может выполнять в предложении функцию именной части составного сказуемого, а не только определения; будучи же определением, он в ряде языков может находиться и вправо от своего субстантива (не только влево), а все это требует сложных изменений в рамках категориальной грамматики.

Необходимо также заметить, что идея описания структуры естественного языка в виде "действующего устройства" (в данном случае распознающей процедуры) была в то время у Бар-Хиллела связана прежде всего с требованиями, предъявляемыми практическими задачами анализа языка; Бар-Хиллел в начале пятидесятих годов работал в области машинного перевода, и его категориальная грамматика должна была служить в качестве основы автоматического анализа текстов входного языка при переводе. Сложность структуры естественного языка, которая именно здесь оказалась слишком большой по сравнению с

теми ожиданиями, с которыми логик подходил к ее разбору, стала позднее одним из факторов, приведших его к известному пессимизму относительно перспектив машинного перевода.

Новый тип описания синтаксиса понимался в то время скорее как предмет лингвистических применений, и в нем еще не усматривалась новая методологическая основа теоретической лингвистики. Его теоретическое изучение осталось в то время в руках логиков, среди лингвистов оно еще не получило широкого распространения.

2.1. Существенный переворот наступил в середине 50-х годов, когда, во-первых, работы Н.Хомского показали, какое огромное значение для теоретической лингвистики может иметь соответствующее применение математико-логического аппарата для описания системы с рекурсивными свойствами, а, во-вторых, первые успехи опытов с машинным переводом обратили внимание целого ряда лингвистов на вопросы автоматизации, а, значит, и формализации некоторых основных элементов описания естественного языка.

Процедура, выделяющая множество всех (грамматически правильных) предложений описываемого языка, понимается Н.Хомским как процедура порождающая, т.е. как совокупность правил, применение которых начинается от исходного символа S (вообще может быть и более одного символа, при случае и цепочка, содержащая конечное количество символов), который соответствует понятию предложения; применяя правила, получим определенную цепочку символов, которую можно понимать как одно из предложений данного языка. Одним из условий адекватности генеративной процедуры является то, что с помощью этого метода можно получить любое предложение описываемого языка и что применение правил никогда не кончается у цепочки, которая не соответствует грамматически правильному предложению этого языка.

Существенное различие между процедурой (в нашем случае, когда речь идет об описании языка, говорим о грамматиках) порождающей и распознающей состоит в том, что распознающая процедура более сильная: при этой процедуре мы

исходим из объекта, о котором нам следует решить, является ли он элементом множества, выделяемого этой процедурой (у языков следует решить — соответствует ли данная цепочка грамматически правильному предложению, или короче — является ли она предложением описываемого языка), и, применяя правила, после конечного количества шагов придем к положительному или отрицательному результату. В генеративной грамматике совершается обратный процесс: предложение является только результатом применения правил, а в определенный момент всегда существуют цепочки, о которых, на данном этапе порождения, нельзя сказать, являются они предложениями или нет; если мы выберем одну такую цепочку, то нельзя с уверенностью сказать, что после конечного количества шагов она будет порождена этими правилами, хотя вполне возможно, что она является предложением⁴.

Генеративная грамматика в понимании Н. Хомского, однако, не ограничивается только перечислением множества предложений описываемого языка. Одновременно она приписывает каждому предложению структурное описание, которое должно (у адекватно избранной грамматики) отобразить всю лингвистическую характеристику этого предложения, описать все его структурные черты и все черты всех его составляющих, включая также отношения синонимии и омонимии между предложениями⁵.

Структурное описание предложения можно получить, записав историю его деривации, т.е. отдельных превращений, которым подвергается порождаемая цепочка при применении правил грамматики. При этом можно отбросить некоторые несущественные варианты в порядке применения отдельных правил, и таким образом историю деривации можно изобразить в виде графа, называемого фразовым указателем.

Приведем простой пример:

Правила грамматики

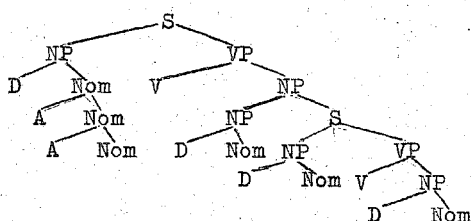
1.	S	→	NP	VP
2.	VP	→	V	NP
3.	NP	→	D	Nom

4.	NP	---	NP	S
5.	Nom	---	A	Nom

Примененные правила

Фразовый указатель

- 1
3, 2
5, 4
5, 3, 1
3, 2
3

Приведенный пример нельзя было бы еще считать адекватной грамматикой, кроме прочего и потому, что (даже после дополнения правил выбора отдельных лексических единиц, которые бы позволили показать, что порожденная структура соответствует, напр., предложению 'Мой милый младший брат написал какое-то письмо, которое принесло некую пользу') он касается только синтаксической структуры и оставляет в стороне структуры самих лексических единиц.

2.2. Как известно, в связи со сложностью системы языка лингвистика подходит к ее описанию так, что весь процесс делит на несколько уровней. При описании и анализе языка традиционно говорится, напр., о фонетике, фонологии, морфонологии, морфологии, синтаксисе, семантике, иногда о стилистике, лексикологии и т.д. Речь идет здесь об определенной более или менее полной классификации явлений языка; обычно более точное определение языкового уровня не дается, или же такие опре-

деления опираются на понятия, которые сами не определены достаточно точно⁶. Но поскольку здесь дело касается принципиальных проблем, необходимо настаивать на точной формулировке, ибо без нее осталась бы неясной вся структура лингвистической работы и ее результатов. Главной чертой отношений между уровнями часто считается то, что единицы высшего уровня составлены из единиц низшего уровня (морфемы из фонем и т.д.)⁷; но, как уже говорилось, принимать это утверждение за исходную точку при построении системы уровней не совсем выгодно⁸.

Н.Хомский уже в середине 50-х годов избрал другую отправную точку и дал абстрактное и формальное определение уровня описания языка⁹. Он определяет уровень как математический аппарат (символы, отношения между ними, операции), который необходим для описания данных явлений языка (к записи предложений на соответствующем уровне), и делит уровни в зависимости от характера требуемого аппарата. Выяснилось, что для перевода синтаксической записи предложения на фонетический уровень достаточно использовать аппарат с математической точки зрения простой (морфонологические и фонетические явления можно выделить на основании ограниченного окружения; это значит, что достаточно использовать аппарат, эквивалентный с конечным автоматом) и что для теории грамматики важен прежде всего синтаксис. (Однако, это не значит, что лингвистическое описание морфологии и фонетики действительно так просто; свидетельством того, что и здесь генеративный принцип связан с множеством методологических проблем, являются новейшие взгляды на описание этих уровней в рамках школы Н.Хомского)¹⁰. Н.Хомский не считает морфологию особым уровнем, тем самым теоретическая проблематика уровней языка сосредоточивается на синтаксисе. Математическая разработка теории грамматик, связанная с иерархией разных типов формальных грамматик (автоматные грамматики, фразовые грамматики бесконтекстные и контекстно-связанные, затем некоторые типы в определенном смысле эквивалентные с бесконтекстными грамматиками, как напр., категориальные грамматики, упомянутые в абз. I, грамматики зависимости; среди систем, возникших в СССР, — особенно грамматики конфигураций

и грамматики валентностей)¹¹, привела к выяснению того, что для описания синтаксиса естественного языка не годится ни один из этих типов и что необходимо использовать комплексные системы.

В этом случае существуют две принципиальные возможности: первая из них предполагает использовать процедуру, порождающую синтаксические структуры не всех типов предложений описываемого языка, а только некоторые элементарные структуры, т.е. некоторое ядро множества всех предложений; к этой первой ступени можно присоединить следующую процедуру, которая приведенные элементарные структуры превращает в более сложные. Вторая возможность — соединить две или несколько процедур (напр., эквивалентных с бесконтекстной грамматикой) одну за другой так, что первая из них порождает структуры, соответствующие всем предложениям данного языка, но не придает им вид, прямо соответствующий конкретной форме данных предложений; эту задачу выполняют только последующие процедуры. В связи с этим можно сказать, что в данный период (до середины 60-х гг.) возникли два разных направления в разработке порождающих моделей, в зависимости от одной из принятых возможностей¹².

Первая из приведенных возможностей представлена трансформационной грамматикой Н.Хомского в своем первоначальном варианте (известна из его книги "Синтаксические структуры"). Здесь предполагается, что система языка обладает рекурсивными свойствами, что множество предложений естественного языка бесконечно (ибо нельзя установить, сколько слов или морфем имеет самое длинное предложение данного языка; любое слово в предложении можно распространить каким-либо другим словом или присоединить сочинительную конструкцию). Трансформационная грамматика, как она тогда понималась, имела в качестве своего первого компонента бесконтекстную грамматику, которая порождала только множество так наз. ядерных предложений (предполагалось, что это множество может быть конечным); и только второй компонент, трансформационный, содержал рекурсивные свойства и переводил исходные записи

ядерных предложений так, что несколько ядерных предложений (неограниченное количество) могло быть объединено в одну трансформированную структуру.

Трансформации у Хомского понимаются как преобразование множества фразовых указателей в то же множество, т.е. это операция, при которой фразовый указатель переводится на другой, кроме того, использовались и так наз. обобщенные трансформации, которые обычно исходили не из одного, а из двух (или более) фразовых указателей и переводили их на один производный фразовый указатель.

Вторая из приведенных принципиальных возможностей была в первой половине 60-х годов представлена несколькими типами генеративного описания, большинство из которых возникло, как мы уже упоминали, в связи с подготовкой машинного перевода. Процесс синтеза перевода можно понимать как операцию, переводящую смысловые записи предложений на их графическую запись (фонетическую); при расчленении этой сложной операции на несколько этапов возникает последовательность операций, каждая из которых переводит запись предложения с данного уровня на уровень непосредственно низший (если принять семантическую запись за наивысший уровень, а фонетическую или графематическую за наинизший). Там, где были явно сформулированы требования, предъявляемые к отдельным ступеням таким образом расчлененной операции, возникали системы с несколькими процедурами (автоматы, множества правил и т.д.), следующими одна за другой в смысле второй из приведенных возможностей.

В СССР к ним относятся некоторые системы, возникшие уже в конце 50-х годов, напр., система Шаумяна (с различением генотипа, фенотипа и разных уровней), модель "смысл-текст", а в определенном смысле и целый ряд других типов моделей языка¹³. В Западной Европе, в середине 60-х годов, значительных успехов достигла группа проф. Б.Воква (Гренобль). В США главным представителем этого второго направления является стратификационная лингвистика С.М.Лэмба (хотя она и не была явно сформулирована как генеративная система в пол-

ном смысле слова)¹⁴. В Чехословакии сюда относится так наз. функциональное описание языка¹⁵.

2.3. Трансформационная грамматика Хомского исходит во многих отношениях из принципов описания языка Хэрриса, где также различаются ядерные конструкции и их дериваты и где также говорится о трансформациях (однако понимаемых скорее как отношения между классами предложений, а не операции, как у Хомского)¹⁶. В данной статье мы не будем анализировать отношения между трансформациями в понимании Хомского и Хэрриса, однако хотели бы обратить внимание на различия этих двух направлений, каждое из которых нашло своих продолжателей и сторонников в разных областях лингвистики и в разных частях мира. Обе школы — Хомского и Хэрриса — в определенном смысле исходят из американской дескриптивной лингвистики, методология которой и главные критерии основывались на дистрибуции явлений языка в тексте¹⁷. Для развития теории Хомского характерно именно то, что она постепенно отклоняется от методов дескриптивизма, отходит от его методологических принципов и находит новое решение эмпирических вопросов.

В первый период существования трансформационной грамматики к моментам, свидетельствующим об отклонении Хомского от методологии дескриптивной школы, относится прежде всего отход от некоторых основных принципов, связанных с психологией бихейвиоризма (ср. его рецензию на книгу Скинера, которая оказала большое влияние на развитие лингвистики и психологии в США). Конкретно это отклонение проявилось в том, что Хомский отверг один из основных принципов метода лингвистического анализа, как он понимался в дескриптивизме, а именно стремление сформулировать эксплицитную процедуру, ведущую от текста к грамматике, т.е. описание научно обоснованного процесса, который дал бы возможность на основании дистрибуции языковых явлений в тексте сформулировать модель данной системы языка. Хомский показал, что эта цель в настоящих условиях нереальна и что она не относится к собственным задачам лингвистики. Задачей, стоящей перед линг-

вистикой, он считает не описание процессов возникновения грамматических систем (моделей), а изучение этих систем, их формальных свойств, их адекватности (точнее — меры адекватности во взаимном сравнении двух или нескольких из них) и т.д.

Одной из существенных черт, общих для работ Хомского этого периода и дескриптивной школы, является отрицательное отношение к использованию семантических критериев при описании языка и стремление непосредственно анализировать семантические явления языка. Хомский, хотя и не исключает семантику из лингвистики, но (см. абз. 2.3. в его докладе на 9-ом съезде лингвистов) выражает убеждение, что достаточно подробное синтаксическое описание приведет, наконец, к регистрации столь тонких различий, что в них проявятся и семантические явления, которые прямо описать (согласно существовавшим тогда в США "анти-менталистическим" взглядам) невозможно.

Но уже в то время появляются взгляды, обращающие внимание на то, что описание системы языка без непосредственного обращения к семантике не совсем плодотворно. Это были взгляды не только лингвистов, которые прямо не занимались точными методами описания языка и просто требовали, чтобы семантическим явлениям уделялось соответствующее внимание, но и взгляды тех ученых, которые работали над генеративным описанием второго типа. Сюда следует отнести уже упомянутое различие генотипа и фенотипа у Шаумяна, уровень семем у Лэмба, различие тектограмматики и фенограмматики¹⁸ Карри, а также наши замечания о том,¹⁹ что включение семантики в генеративное описание потребует изменений в его структуре и что необходимо учитывать также такой вариант, при котором первый компонент генеративного описания перечислял бы множество всех семантических записей предложений (переводимых постепенно остальными компонентами на низшие уровни до уровня фонетического), и что сосредоточение рекурсивных свойств модели в трансформационном компоненте, очевидно, не является окончательным решением. В 1963-64 гг. состоялись

первые дискуссии о возможности включения генеративной семантики в описание языка.

Как увидим далее, новые взгляды внутри школы Хомского, характерные для третьего этапа развития алгебраической лингвистики, во многих отношениях означали более тесное сближение со вторым из упомянутых здесь направлений (к которому относится большая часть советских лингвистов, пражская группа и др.).

3.1. В середине шестидесятых годов в теории трансформационных грамматик произошли существенные изменения, которые означали новый период в ее развитии и в развитии алгебраической лингвистики вообще. Речь идет об изменениях, связанных прежде всего с выходом в свет двух книг, авторами первой из которых были Кац и Постал, а второй — Хомский²⁰. В отличие от предыдущего, настоящий вариант предполагает включение семантики в качестве особого компонента генеративного описания языка (поэтому далее говорится о генеративном или трансформационном описании, а не о генеративной грамматике). Однако, включение этого нового компонента вскоре стало предметом дискуссии. В своих первых статьях Д.Д. Кац и Д.А.Фодор предлагали присоединить семантический компонент за компонентом синтаксическим. Но теперь выяснилось, что это привело бы к излишним сложностям, и что было бы намного целесообразнее, если бы семантический компонент, понимаемый как совокупность правил для семантической интерпретации синтаксических структур, имел на своем входе не множество синтаксических структур поверхностных (после применения трансформаций), а множество структур глубинных так, как они были порождены первым компонентом, т.е. синтаксическим базисом. Трансформационный компонент в таком случае служит фильтром, который пропускает только некоторые из глубинных структур, в то время как остальные задерживает (так, напр., задерживаются все глубинные структуры, содержащие относительное придаточное предложение, в которое не включена копия субстантива, от которого зависит это придаточное предложение). Семантическую интерпретацию могут по-

лучить только те из глубинных структур, которые не были задержаны фильтром. Семантический компонент также понимается как фильтр, задерживающий те структуры, которые хотя синтаксически и построены правильно, но с точки зрения семантической бессмысленны.

Наиболее существенным моментом этих изменений является то, что рекурсивные свойства всего описания сосредоточены в его первом порождающем компоненте, т.е. в синтаксическом базисе, а не в трансформационном компоненте, как это было ранее. Это существенный шаг к сближению трансформационного описания с методом, принятым в Европе (и у Лэмба), сущность которого состоит в том, что все описание имеет вид нескольких компонентов, первый из которых порождает структуры, соответствующие всем предложениям описываемого языка (следовательно, должен иметь рекурсивные свойства, чтобы перечислить бесконечное множество структур). Одновременно это значит, что на семантическую интерпретацию предложений не может влиять то, содержится ли в структурном описании этих предложений применение того или иного трансформационного правила: отправной точкой семантической интерпретации предложения является ее глубинная, а не поверхностная структура. Короче говоря, можно сказать, что трансформация не меняет значения. Кац и Постал в упомянутой книге приводят целый ряд синтаксически обоснованных аргументов в пользу этого решения, при котором, напр., отрицательная или вопросительная конструкция является не результатом трансформаций, а имеет свое место прежде всего в базисе: это значит, что их наличие указано уже в глубинных структурах соответствующих предложений. (Однако, структуры, содержащие отрицание или вопрос, при описании английского языка должны обязательно пройти через трансформации, касающиеся, напр., наличия глагола *do*; тем самым будет проведено различие двух разных явлений языка, которые ранее объединялись в одном трансформационном правиле, на что обратила внимание уже Л. Угличкова²¹.)

Эту новую точку зрения Н. Хомский разрабатывает в упо-

минавшейся книге (1965 г.) и показывает, какие могут быть варианты решения отдельных вопросов трансформационного описания, особенно вопроса об отношениях между синтаксисом и словарем (субкатегоризация; различие категориальной части синтаксического базиса, который и далее понимается как бесконтекстная грамматика фразовых структур, и правил лексического заполнения, которые принадлежат также к базису, но имеют трансформационный характер, что касается их формы). Для комплексных предложений (содержащих несколько элементарных ядерных предложений в терминологии предшествующего этапа трансформационной грамматики, или "предикаций" в европейской терминологии), которые ранее описывались с помощью так наз. обобщенных трансформаций (у которых на левой стороне правила имеется более одного фразового указателя), теперь употребляется так наз. обобщенный базисный фразовый указатель. Это значит, что структура всего комплексного предложения порождается уже первым компонентом, в то время как ранее порождались структуры отдельных ядерных предложений, которые объединялись только в трансформационном компоненте. Этот новый метод описания сложных предложений является как раз результатом того, что рекурсивные свойства описания языка были перенесены из трансформационного компонента в синтаксический базис.

3.2. Обе вышеупомянутые книги свидетельствуют о том, что в середине 60-х годов внутри школы Н.Хомского происходят серьезные дискуссии, касающиеся самой структуры трансформационной грамматики. Этот момент чрезвычайно важен для общего характера работ по трансформационной грамматике. Следует сказать, что первый период не был лишен некоторых догматических аспектов и исходил из структуры описания языка (охарактеризованной в "Синт.структурах" Хомского) как из твердо заданной точки зрения, которую отдельные представители школы Хомского разрабатывали только в деталях и которую они применяли к описанию разных эмпирических явлений языка, не подвергая ее критическому анализу. С середины 60-х годов и внутри школы Хомского возникает споры об

основном характере описания языка, появляются противоположные взгляды, а все это, разумеется, создает лучшие условия для развития научного познания языков, так как заставляет членов школы сравнивать разные взгляды на отдельные эмпирические явления и пересматривать основные точки зрения, связанные с этими взглядами. Можно предполагать, что в будущем это развитие приведет также к ослаблению определенных явлений, которые можно назвать сектантскими (и которые характерны для многих других школ в современной лингвистике), и что трансформационалисты будут проявлять больший интерес к дискуссии с представителями других направлений. Пока, однако, можно констатировать только некоторые попытки в этом направлении; напр., Постал в своей книге "Constituent Structures", хотя и старается занять определенную точку зрения к некоторым другим методам описания языка, но в то же время допускает некоторую односторонность, особенно в том, что главное внимание уделяет возможностям, как сформулировать некоторые теоретические положения других лингвистов в виде бесконтекстной грамматики фразовых структур. Иногда в трансформационном описании языка используются достижения других школ, но часто это делается без ссылки на подлинных авторов, не говоря уже об анализе их взглядов; этот факт можно проиллюстрировать на примере того, как Хомский включил в свои работы определенный принцип, известный в Европе под названием актуального членения предложения²².

Наконец, и идея генеративной семантики, как мы уже упоминали, возникла вне теории трансформационного описания языка. Из трансформационалистов раньше других стали говорить о способностях первого компонента генеративного описания перечислять множество семантических записей предложений (без особой глубинной структуры и ее семантической интерпретации) Д.Лакофф и Д.Р.Росс в размноженном меморандуме 1966 г.; кроме того, почти одновременно об этой возможности упоминает Фильмор²³. Эти работы, а позднее особенно статьи Лакоффа, Постала и МакКоли показали, что так называемая стандартная теория (т.е. трансформационная теория в

том виде, как она дана в "Аспектах" Хомского) в своем синтаксическом компоненте содержит ряд элементов, относящихся к семантическому уровню (условия сочетаемости разных слов, напр., глагола, требующего субъекта из определенного подмножества существительных, т.е. имен одушевленных, личных, женских). Кроме того, и другие обстоятельства свидетельствуют против отделения глубинной структуры предложения от его семантической записи (напр., согласно их взглядам, в рамках трансформационного описания языка нельзя сосредоточивать правила для выбора лексических единиц на одном уровне, т.е. на уровне глубинной структуры). Новый вид трансформационного описания языка, предлагаемый Лакоффом, имеет первый (порождающий компонент, перечисляющий множество семантических структур предложений, затем трансформационный компонент, который путем постепенного применения трансформационных правил переводит эти записи (имеющие вид обобщенных базисных указателей) на уровень поверхностной структуры, а та (как и у Хомского) является входом для фонологического компонента. Следовательно, новая концепция трансформационного описания языка полностью переходит от первой из вышеприведенных основных концепций ко второй; она предполагает линейное упорядочение уровней, как это было уже ранее в некоторых европейских концепциях (Мельчук, Шаумян, Вокуа, Сталл) или у Лэмба.

В своих работах конца 60-х годов Н.Хомский (так же, как Д.Д.Кац, П.Джекендофф и др.) старается подчеркнуть преимущества интерпретативной семантики по сравнению с генеративной²⁴. Последняя, на его взгляд, не дает возможностей описать эмпирические явления, при моделировании которых стандартная теория встречается с трудностями. Он показывает, что аргументы, касающиеся выбора лексических единиц, остаются спорными. Наибольшего внимания заслуживает дискуссия между Хомским и Лакоффом относительно гипотезы о том, меняет ли трансформация значение предложений²⁵. Эмпирическим основанием для этой дискуссии послужили вопросы вокруг так наз. пресуппозиций и фокуса, т.е. прежде всего проблемы актуаль-

ного членения предложения, на которое трансформационная лингвистика обратила внимание, как уже было сказано, только во второй половине 60-х годов, не без влияния М.А.К.Халлидея (ср. замечание 22). Сущность вопроса заключается в том, что два предложения, различающиеся только актуальным членением, в трансформационном описании имеют одинаковую глубинную структуру, но их значения не всегда совпадают. (Этот факт в советском языкознании хорошо известен; очень интересный подход к данным вопросам разработан, напр., Ю.С.Мартеняновым; здесь мы эти проблемы детально не рассматриваем, ср. однако, абз. 4.2.). Д.Лакофф не выделяет особый уровень глубинной структуры и решает этот вопрос с помощью т.наз. глобальных ограничений, что можно объяснить на простом примере. Предложения типа (1) и (2) не являются синонимичными; в их семантических записях Лакофф предполагает, что квантификаторы будут выделены как высшие предикаты; это значит, что базисный фразовый указатель предложения (1) будет тот же самый, как и для (3), а предложение (2) будет иметь ту же запись, как и (4); предполагается, что приведенные пары предложений (конечно, всегда с нормальной интонацией) синонимичны.

- (1) Many men read few books
(Много людей читает мало книг)
- (2) Few books are read by many men
(Мало книг много людей читает)
- (3) There are many men who read few books
(Много людей таких, что они читают мало книг)
- (4) There are few books that many men read
(Мало книг таких, что много людей их читает)

Глобальные ограничения должны обеспечить, чтобы в течение деривации, исходящей из семантической записи предложений (1) и (3), не могла быть применена пассивная трансформация, точнее говоря, чтобы при этой деривации не менялся порядок квантификаторов. Подобные ограничения (как показывают эти и другие примеры предложений, о которых идет дискуссия между сторонниками генеративной и интерпретатив-

ной семантики) касаются не только квантификаторов, но и таких операторов, как отрицание (негация).

Глобальные ограничения нельзя формулировать в рамках трансформационных правил, поскольку эти ограничения касаются не только преобразования одного определенного фразового указателя в другой (одного звена в деривации предложения), а всей последовательности фразовых указателей, которая является частью деривации предложения. Это значит, что необходимо использовать более сильный формальный аппарат, чем тот, на который рассчитывала трансформационная теория. Именно это является одним из слабых мест в теории Лакоффа, на которое обращает внимание Хомский. После введения такого обобщения формальная грамматика утрачивает свою специфичность, а тем самым и становится менее интересной с формальной точки зрения. Если описание языка требует столь сильного формального аппарата, то это значит, что мы не можем определить специфические ограничения, которые были бы удовлетворительны для структуры каждого естественного языка. Поэтому Хомский избирает другой путь, а именно — остается у интерпретативной семантики; но в тех случаях, когда предложения одинаковы по глубинной структуре, а различны по значению, он допускает, что и поверхностная структура может быть релевантной для семантической интерпретации предложения. Тем самым он отходит от гипотезы, утверждающей, что трансформации не меняют значения, и расширяет рамки своей стандартной теории, допуская, что глубинная структура предложения определяет его значение в области синтаксических отношений между его членами, а не в других областях (напр., разделение предложения на фокус и пресуппозицию, или, в терминологии чешских работ об актуальном членении, — на часть контекстуально определенную и неопределенную; к необходимому уточнению этого "или" вернемся в абз. 4.2., где постараемся показать, что существует тип генеративного описания языка, который избегает обеих указанных трудностей, т.е. не нуждается ни в глобальных ограничениях, ни в предпосылке, что трансформации могут менять значение).

3.3. В других вопросах также можно констатировать значительный прогресс в теории трансформационного описания языка, начиная с середины 60-х годов. Н.Хомский и его со-трудники решили целый ряд технических вопросов, касающихся трансформационного компонента описания²⁶. Прежде всего это касается общих ограничений, накладываемых на применение правил трансформации, а затем целого ряда проблем, в кото-рых не всегда ясно, насколько они относятся к описанию ан-глийского языка, а насколько имеют характер общелингвисти-ческий.

Подробно был разработан фонологический компонент опи-сания языка, особенно в обширной монографии Н.Хомского и М.Халле; ср. также книгу П.М.Постала.

Однако, основной чертой нового развития трансформаци-онной теории является значительное внимание, которое уделя-ется вопросам семантической структуры предложения. Здесь следует упомянуть новейшие работы Каца²⁷, затем очень важные для дальнейшей разработки лингвистической теории работы Ч. Фильмора (в журнале "Синтез" и др.), посвященные анализу се-мантических членов предложения (неудачно названных "паде-жами") и других сложных вопросов отношения синтаксиса и се-мантики (напр., различие между собственным значением пред-ложения и его пресуппозициями, т.е. теми компонентами семан-тики предложения, которые остаются без изменения при нега-ции предложения²⁸). Эти исследования, так же как и работы сторонников генеративной семантики (обширный труд Лакоффа о "естественной логике", затем работы Гармана, МакКоли и т. д.) вносят значительный вклад в разработку пока еще мало объясненных связей между семантикой естественных языков и семантикой в логическом смысле. Много проблем в этой обла-сти пока остается предметом обсуждения, но лишь теорети-чески обоснованная дискуссия способна помочь созданию экс-плицитной теории семантики естественных языков. Только так может возникнуть теория, которая дает возможность формаль-но описать и семантические отношения между предложениями (т.е. формально, а позднее и технически, с использованием

вычислительных машин, определить, когда одно предложение вытекает из второго, когда два предложения противоречивы и т.д.). Именно такая эксплицитная теория семантики необходима для плодотворного применения лингвистики в автоматизации информационных процессов.

4.1. Значительный прогресс именно в вопросах семантики с середины 60-х годов был достигнут и вне школы Н.Хомского (сторонники Лакоффа в некотором смысле все еще относятся к этой школе). Кратко остановимся на главных результатах в этой области. Прежде всего мы имеем в виду некоторые группы в ГДР (группу К.Гейдольфа и М.Бирвиша в Берлине и группу Р. Ружички в Лейпциге²⁹, которая занимается порождающим описанием русского языка). В США к наиболее значительным достижениям в алгебраической лингвистике, кроме школы Н.Хомского, относятся работы Хэрриса и его сотрудников, далее П.Гарвина и Д.Хейса, стратификационная грамматика Лэмба (у которой есть сторонники и в Англии, свидетельством чего является книга Хатчинса) и, наконец, работы, посвященные грамматике зависимостей по отношению к трансформационной модели, опубликованные Д.Робинсон.

Много внимания уделяется вопросам семантической структуры предложения и в Западной Европе, где в последние годы алгебраическая лингвистика развивается особенно быстро. Трансформационной моделью занимаются прежде всего Гросс и Рюве во Франции. Семантическая группа в Гренобле (сейчас под руководством Руо) исследует семантику ядра предложения с помощью формальной логики; вопросами семантики в ее отношении к синтаксису занимаются также многие лингвисты в ФРГ, напр., Г.Е.Брекле (автор нового подхода к использованию формальной логики в описании семантики естественного языка), Х. Рорер и Д.Вундерлих, который исходит из трансформационной грамматики и ориентируется на вопросы семантики и прагматики. Из британской лингвистики следует прежде всего упомянуть основные работы Халлидея и Лайнса; много нового для порождающих моделей языка вносят П.М.Серен (особенно для изучения семантики негации и других операторов и различных

членов предложения) и Андерсон (главным образом, в рассмотрение структуры ядра предложения, т.е. партиципантов в терминологии Халлидея и "падежей" в терминологии Фильмора). Много интересных моментов в освещении актуального членения и пресуппозиций находим в работах молодого шведского лингвиста Э.Даля. Семантикой структуры предложения и операторов занимается И.Беллерт из Варшавского университета; Ю.Кунце из Берлина (ГДР) работает прежде всего над синтаксисом зависимостей и над структурой сочинительных конструкций.

4.2. Группа алгебраической лингвистики Карлова университета в Праге продолжает работу над так наз. функциональным генеративным описанием языка, основные теоретические рамки которого были разработаны в первой половине шестидесятых годов³⁰. Главными чертами этого типа описания уже с самого начала являются, во-первых, линейное упорядочение уровней от семантики к фонетике, а, во-вторых, сосредоточение рекурсивных свойств в первом компоненте модели. Данный тип описания языка во многих отношениях близок к генеративной семантике Лакоффа, но он не нуждается в столь сильных ограничениях, какими являются его глобальные правила. Актуальное членение предложения (а, значит, и проблематика, связанная с порядком квантификаторов) в функциональном описании, согласно достижениям чешской лингвистики от В.Матезиуса до Фр.Данеша, Я.Фирбаса, П.Адамца и других, решается посредством порядка лексических единиц в семантической записи предложения. Этот порядок следования (интерпретируемый как иерархия коммуникативной динамичности по Фирбасу) понимается как семантически релевантный и отражается (посредством порядка слов и интонации) также на низших уровнях; поэтому здесь не возникает трудностей, связанных (в стандартной теории Н.Хомского) с тем, что два предложения с разной иерархией коммуникативной динамичности могут иметь одинаковую глубинную структуру. Что касается формальной стороны, то функциональное описание имеет вид последовательности математических процедур (первая из них – грамматика, остальные – автоматы), каждая из которых слабо эквивалентна бесконтек-

стной грамматике фразовых структур (первый компонент имеет вид грамматики, описывающей зависимостную структуру предложения; переводящие компоненты моделируются с помощью автоматов с магазинной памятью, которые переводят запись предложения с одного уровня на другой - предложение всегда проходит в определенном направлении, а для каждого слова или для синтаксически связанной пары слов осуществляется поиск соответствующего правила, которое может быть применено; трансформационная грамматика работает в обратном направлении - читается список правил, а у каждого правила определяется, может ли оно быть применено в предложении); для низших уровней возможно будет использовать конечные автоматы, как и в трансформационной модели.

Эмпирическая разработка функциональной модели касается прежде всего чешского языка, для которого были подробно исследованы вопросы значения глагольного времени (Паневова) и модальности (Бенешова), затем отдельных членов предложения: обстоятельства причины (Махова), времени (Паневова), места (Питьга). Далее изучались некоторые типы местоимений (Вайсгайтелова - Сгалл), координация (Питьга, Питьга-Сгалл); исследуются также отношения между словообразованием глаголов и их синтаксической валентностью (Бемова о приставочных глаголах), семантика посессивности и близких к ней отношений (Питьга) и прежде всего вопросы актуального членения (Бенешова, Гаичова, Сгалл). Вопросы семантики глагольного времени, ядра предложения, а в последнее время также актуального членения, с точки зрения функционального типа описания, рассматриваются и на материале английского языка (Гаичова). Выяснилось, напр., что наряду с собственным значением и пресуппозициями необходимо выделить третий тип семантических явлений, так наз. алегацию, которая в отрицательном предложении не отрицается прямо (как собственное значение) и не остается незатронутой отрицанием (как пресуппозиция), а включена в содержание предложения в качестве возможности (см. кандидатскую диссертацию Е. Гаичовой, где указанные явления подробно исследуются с точки зрения

семантики отрицания и сферы его действия как оператора, а также в связи с семантически релевантными явлениями из области актуального членения предложения).

4.3. К сказанному следует добавить, что возрастающий интерес к эксплицитному описанию семантики естественного языка особенно в последнее время проявляют и логики. Некоторые их работы создают надежные предпосылки для постоянного контакта между семантикой логической и лингвистической. Как в СССР, так и в США уже состоялись совместные конференции логиков и лингвистов, посвященные семантике, появляются дискуссии в журналах, участие в которых принимают обе стороны, и т.д. В связи с этим следует обратить внимание на итоги такой конференции, состоявшейся в августе 1969 года в Калифорнии в Университете им. Стэнфорда, а также на некоторые работы, занимающиеся, напр., квантификацией действий (см. дискуссию, начатую Д. Давидсоном)³¹. Как мы уже упомянули выше, именно отношение между семантикой лингвистической и логической является решающим для дальнейшего развития теоретической лингвистики. Если удастся найти такой способ формальной записи предложений естественного языка, который был бы достаточно близок к структуре естественного языка, но в то же время (напр., с помощью правил перевода на формулы исчисления предикатов) позволил бы использовать существующие достижения логической семантики для эксплицитного описания семантики естественного языка, то это означало бы значительный прогресс в лингвистической теории. Несомненно, это будет способствовать и тому, чтобы исследование отношений между предложениями связного текста также проводилось на необходимом теоретическом уровне.

4.4. Эксплицитное описание семантики является также условием для успешного разрешения основных вопросов, касающихся приложений алгебраической лингвистики. С самого начала существуют противоположные взгляды на реальность машинного перевода, на автоматизацию поисковых систем и других информатических процессов. Некоторые исследователи после волны оптимизма впадали в излишний скептицизм; намного

трезвее были с самого начала взгляды тех, которые осознавали, насколько сложна система естественного языка и как трудно ее описать эксплицитно без достаточно обширного эмпирического исследования. Однако и для практического применения³² возникают новые перспективы, во-первых, потому, что теоретические предпосылки изучены в настоящее время намного лучше, чем в предшествующий период (в советской лингвистике об этом свидетельствуют, напр., работы над теоретической моделью "смысл-текст" и над семантическим словарем; о том, что делается за пределами СССР, мы попытались дать краткий обзор); во-вторых, хотя бы потому, что в некоторых группах намного глубже разработаны их собственные системы прикладного характера. В связи с этим необходимо отметить достижения французской и канадской групп машинного перевода (Воква, Колмеро, Б.Хэррис, Дюга); наряду с этим значительные успехи были достигнуты (прежде всего в СССР) в области информационных языков³³. В заключение можно сказать, что перспектива применения лингвистических результатов в автоматизированных системах, в значении которых с точки зрения экономики нельзя сомневаться, далеко не так безнадежна, как это могло бы показаться тем, кто не следит за теоретическим развитием и прогрессом современной лингвистики.

Примечания

1) См. также статью К.Берки (Библиографические данные см. в приложении; в тексте статьи мы для краткости напомним только авторов, во всех случаях, где это достаточно для идентификации работ, приведенных в библиографии).

2) Ср. его статью о квази-арифметической нотации.

3) Позднее этим типом описания языка занимался также Ламбек; математические вопросы категориальной грамматики анализируются в нескольких статьях Бар-Хиллела и его сотрудников (см. прежде всего его первую книгу по лингвистике). В Европе вопросами категориальной грамматики занимается именно Х.Карлгрен со своей группой (KVAL).

4) См. русскую статью Р.Лиза. В нашей работе нет возможности заниматься математическими вопросами порождающих моделей, теории автоматов и т.д., хотя без их тщательного анализа нельзя плодотворно развивать алгебраическую лингвистику; книга Гладкого и Мельчука показывает, как полезно и интересно может быть их изучение.

5) См. "Синтаксические структуры" Хомского и его статью о понятии грамматического правила.

6) Это видно и в таких публикациях, как, напр., московский сборник о единицах разных уровней грамматического строя.

7) См., напр., статью Данеша и Гаузенбласа в упомянутом сборнике или же статьи Гормейшего и Трнки.

8) Различение двух типов основных отношений между единицами языковой системы известно уже из статьи Хокетта о языковых элементах (1961), далее из работ Лэмба (ср. также его статью о стратификационной лингвистике и машинном переводе, где он напоминает, что много трудностей возникло в связи с тем, что эти два типа отношений - 'реализация' и 'композиция, - не различались); ср. также нашу статью об уровнях языковой системы (1964) и книгу Сгалла, Небеского, Горалчиковой и Гаичовой, стр. 4, 9-II, 14-29.

9) Полная формулировка этого определения имеется в его диссертации; см. также стр. 57 сл. в книге Бака.

10) См. книгу М.Халле о русской фонологии; новые взгляды трансформационалистов на проблематику фонологии изложены прежде всего в книге Н.Хомского и М.Халле (в более краткой форме в книге Посталя); о вопросах исторической фонологии см. статью Кипарского.

11) См. работы Хомского о формальных свойствах грамматик, далее работы Бар-Хиллела, Гайфмана, Фитиалова, Гладкого.

12) См. статью Д.Хейса о грамматике зависимостей, где (стр. 522) впервые приводится характеристика этих двух главных направлений.

13) Сюда относятся прежде всего работы Жолковского, Мельчука и Апресяна; в основном к этому направлению принад-

лежит и большинство других советских работ по алгебраической лингвистике (рассматривающих язык как последовательность уровней), включая таких авторов, как Ревзин или ленинградскую группу Цейтина и Лейкиной.

14) См. также работы Беннетта и Сэмпсона.

15) Это описание основано на расчленении отношений между значением и выражением на несколько отношений (между соседними уровнями) и соответствующих им операций (с помощью которых можно анализировать те явления, которые в Прагской школе назывались "отношением формы и функции").

16) К сторонникам этого направления принадлежит также Г. Хиг.

17) См. известную книгу Хэрриса о методах структурной лингвистики; к выдающимся представителям этого направления принадлежит и Хоккетт, который в 60-х годах начал заниматься основными вопросами алгебраической лингвистики, но в своей последней книге снова занял критическое отношение к ней.

18) Речь идет о различении самих синтаксических отношений и средств их выражения, которое нужно и для формальных языков логики.

19) См. работы автора данной статьи 1963-1965 гг.

20) Имеются в виду его Аспекты теории синтаксиса.

21) См. стр. 162 ее статьи.

22) См. об этом в работе Лакоффа о генеративной семантике.

23) См. его статью о "падежах", стр. 88.

24) Прежде всего это касается его работ о глубинной и поверхностной структуре и об эмпирических вопросах теории трансформации.

25) Важность этой гипотезы объясняется прежде всего в статье Барбары Х. Парти.

26) Ср. работу Хомского о номинализациях и диссертацию Д.Р.Росса (или его статьи по диссертации), а сейчас также новую статью Хомского об условиях трансформаций.

27) В своих новых статьях по интерпретативной семанти-

ке он высказывает мнение, что будет возможно соединить его семантический компонент с гипотезой о том, что трансформации не меняют значения предложения.

28) Здесь этот термин употребляется в другом значении, чем у Хомского (ср. статьи Е. Гаичовой о пресуппозициях).

29) Бирвиш является автором генеративного описания синтаксиса немецкого глагола, далее он занимается между прочим предпосылками для эксплицитного моделирования категории определенности; Гейдолф разрабатывает вопросы связности текста, семантики негации и др. Рухичка занимается генеративным описанием русского языка с точки зрения синтаксиса и семантики; кроме его книги, целый ряд ценных результатов, касающихся отдельных семантических и грамматических подсистем русского и других языков, был опубликован работниками его группы в серии *Linguistische Arbeitsberichte*.

В своем докладе на пражской конференции в 1972 г. он рассматривал вопросы эксплицитной теории семантики естественного языка (на примере русских предложений с деепричастными оборотами).

30) Характеристика этой модели приводится в книге Сталла-Небеского-Горалчиковой-Гаичовой; ср. также статью Сталла и Гаичовой о функциональной модели.

31) См. статью Давидсона и сборник, изданный Давидсоном и Харманом.

32) Против скептицизма, появившегося, напр., в сборнике Пирса, ср., напр., итоги новых дискуссий в университете в Остине, изданные Леманом и Стаховицем.

33) Ср., напр., работы Иванова, Ильина и др., Леонтьевой, Шрейдера.

П р и л о ж е н и е

Библиография избранных работ по порождающим моделям

А) Книги и статьи на русском языке:

- Адамец П., Порядок слов в современном русском языке, Прага, 1966.
- Апресян Ю.Д., Экспериментальное исследование семантики русского глагола, Москва, 1967.
- Апресян Ю.Д., Мельчук И.А., Толковский А.К., О системе семантического синтеза III. Образцы словарных статей, НТИ, серия 2, № II, 1968, 8-22.
- Апресян Ю.Д., Мельчук И.А., Толковский А.К., Semantics and lexicography: towards a new type of unilingual dictionary, Studies in Syntax and Semantics, Dordrecht-Holland, 1969, 1-54.
- Бенешова Е., Некоторые вопросы описания модальности, Prague Studies in Mathematical Linguistics 3, 1972, 213-227.
- Гладкий А.В., Об описании синтаксической структуры предложения, Computational Linguistics, 7, 1968, 21-44.
- Гладкий А.В., Мельчук И.А., Элементы математической лингвистики, Москва, 1969.
- Данеш Ф., Гаузенблас К., Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств, сб. Единицы разных уровней..., Москва, 1969, 7-20.
- Дорофеев Т.В., Мартемьянов Ю.С., Логический вывод и выявление связей между предложениями в тексте. Машинный перевод и прикладная лингвистика 12, 1969, 36-59.
- Дорофеев Т.В., Мартемьянов Ю.С., К описанию смысла слов для целей вывода. Машинный перевод и прикладная лингвистика 12, 1969, 60-66.
- Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, Москва, 1969.
- Толковский А.К., Мельчук И.А., О системе аналогического синтеза I, НТИ, № II, 1966, 48-55.
- Толковский А.К., Мельчук И.А., О семантическом синтезе, Проблемы кибернетики 19, 1967, 177-239.
- Толковский А.К., Мельчук И.А., О системе семантического синтеза II, НТИ, серия 2, № 2, 1967, 17-27.

- Болковский А.К., Мельчук И.А., К построению действующей модели языка смысл - текст, Машинный перевод и прикладная лингвистика II, 1969, 5-35.
- Иванов В.В., Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины, Материалы по машинному переводу, сб. I, Ленинград, 1958, 10-39.
- Иванов В.В., О построении информационного языка для текстов по дескриптивной лингвистике, Доклады КОИМ-ПАУТ, № 7, Москва, 1961.
- Иванов В.В., Машинный перевод и установление соответствий между языковыми системами, Машинный перевод, Москва, 1961, 47-69.
- Ильин Т.М., Лейкина Б.М., Никитина Т.Н. и др., Модель семантики текста и система "вопрос-ответ", НТИ, серия 2, № 1, 1969, 10-14.
- Кулагина О.С., Мельчук И.А., Розенцвейг В.Ю., Еще раз к вопросу о реализации автоматического перевода, НТИ, серия 2, № 11, 1969, 28-32.
- Кулагина О.С., Мельчук И.А., Эрастов К.О., Об одной возможной системе машинного перевода, Предварительные публикации Института русского языка АН СССР, вып. 21, Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике.
- Лейкина Б.М., Никитина Т.Н., Откупщикова М.И., Система автоматического перевода, разрабатываемая в группе математической лингвистики ВЦ ЛТУ, НТИ, № 1, 1966, 40-50.
- Леонтьева Н.Н., О смысловой неполноте текста (в связи с семантическим анализом), Машинный перевод и прикладная лингвистика 12, 1969, 96-114.
- Леонтьева Н.Н., Создание информационного языка на базе семантического анализа текстов, НТИ, серия 2, № 8, 1971, 8-18.
- Лиз Р.Б. О возможностях проверки лингвистических положений, ВЯ II, 1962, № 4, 47-55.
- Махова С., К установлению дистрибуции некоторых языковых средств, служащих для выражения обстоятельства собственной причины в чешском языке, Prague Studies in Mathematical Linguistics 3, 1972, 229-240.
- Матвеев В.А., Материалы для автоматического распознавания логических акцентов, Машинный перевод и прикладная лингвистика II, 1969, 153-176.
- Мельчук И.А., Порядок слов при автоматическом синтезе русского текста, НТИ, № 12, 1965, 36-44.
- Мельчук И.А., Модель спряжения в испанском языке, Машинный перевод и прикладная лингвистика 10, 1967, 21-53.

- Мельчук И.А., Порождающая грамматика или модель смысл-текст, *Keele modelleerimise probleem* 3.2, Tartu, 1969.
- Откупщикова М.И., Правила позиций в конструкциях со связками (позиционный синтез), НТИ, № 5, 1965, 29-34.
- Падучева Е.В., О понятии конфигурации, ВЯ 14, 1965, №1, 56-68.
- Падучева Е.В., Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке, Машинный перевод и прикладная лингвистика 12, 1969, 5-35.
- Паневова Я., Зависимая предикация со значением времени в генеративном описании чешского языка, *Prague Bulletin of Mathematical Linguistics* 7, 1967, 30-51.
- Паневова Я., Описание обстоятельства времени в генеративной системе с несколькими уровнями, *Prague Bulletin of Mathematical Linguistics* 15, 1970, 19-40.
- Питыга П., Замечания к обработке морфологии обстоятельства места в генеративном описании чешского языка с несколькими уровнями, *Prague Studies in Mathematical Linguistics* 3, 1972, 241-257.
- Ревзин И.И., Метод моделирования и типология славянских языков, Москва, 1967.
- Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю., Основы общего и машинного перевода, Москва, 1964.
- Розенцвейг В.Ю., Машинный перевод, Теоретические вопросы советского языкознания, Москва, 1968, 171-191.
- Сгалл П., Порядок слов и актуальное членение предложения в генеративном описании славянских языков, *Čs. přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů*, Praha 1968, 61-65.
- Фирбас Я., Функция вопроса в процессе коммуникации, ВЯ, 1972, № 2, 55-65.
- Фитиалов С.Я., О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике, Проблемы структурной лингвистики, Москва, 1962, 100-114.
- Цейтин Р.С., К вопросу о построении математических моделей языка, Доклады КОИМПАУТ, №3, Москва, 1961.
- Цейтин Р.С., О промежуточном этапе при переводе с естественного языка на язык исчисления предикатов, Тезисы КОИМПАУТ, Москва, 1961, 107-111.
- Шаумян С.К., Структурная лингвистика, Москва, 1965.
- Шаумян С.К., Семиотика и теория порождающих грамматик, Проблемы структурной лингвистики, Москва, 1967, 5-17.
- Шаумян С.К., Соболева П.А., Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке,

Москва, 1963.

Шаумян С.К., Соболева П.А., Основания порождающей грамматики русского языка, Москва, 1968.

Шрейдер Ю.С., Информация о структурах с отношениями, Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам, Москва, 1972, 147-158.

Шрейдер Ю.А., К определению системы, НТИ, серия 2, № 7, 1971, 5-8.

Б) Русские переводы иноязычных работ:

Бар-Хиллел, Некоторые новые результаты в теоретической лингвистике, Математическая логика и ее применения, Москва, 1965, 273-281.

Бар-Хиллел И., Разрешающие процедуры для структуры естественных языков, Математическая лингвистика, Москва, 1964, 108-121.

Гинзбург С., Грейбах Ш., Об инвариантности класса НС-языков относительно некоторых отображений, Кибернетический сборник, новая серия 5, 1968, 167-187.

Ингве В., Гипотеза глубины, Новое в лингвистике, № 4, Москва, 1965, 126-138.

Карри Г., Некоторые логические аспекты грамматической структуры, Новое в лингвистике, № 4, 1965, 97-117.

Ламбек И., Математическое исследование структуры предложений, Математическая лингвистика, Москва, 1964, 47-68.

Мастерман М., Тезаурус в синтаксисе и семантике, Математическая лингвистика, Москва, 1964, 160-177.

Мастерман М., Изучение семантической структуры места для машинного перевода с помощью языка-посредника, Математическая лингвистика, Москва, 1964, 177-214.

Матезиус В., О так называемом актуальном членении предложения, сб. Пражский лингвистический кружок, Москва, 1967, 239-245.

Матезиус В., Основная функция порядка слов в чешском языке, сб. Пражский лингвистический кружок, Москва, 1967, 246-265.

Матезиус В., Язык и стиль, сб. Пражский лингвистический кружок, Москва, 1967, 444-523.

Мэттьюз Д.Г., Разрывность и асимметрия в грамматиках непосредственно составляющих, Математическая лингвистика, Москва, 1964, 150-160.

- Паркер-Роудс А.Ф., Уордли С., Применение тезаурусного метода при машинном переводе с помощью существующей вычислительной техники, Математическая лингвистика, Москва, 1964, 214-229.
- Плат У., Математическая лингвистика, Новое в лингвистике, № 4, 1965, 201-246.
- Путнам Х., Некоторые спорные вопросы теории грамматики, Новое в лингвистике, № 4, 1965, 66-97.
- Халле М., О роли простоты в лингвистических описаниях, Новое в лингвистике, № 4, 1965, 117-126.
- Хомский Н., Синтаксические структуры, Новое в лингвистике, № 2, 1962, 412-527.
- Хомский Н., О некоторых формальных свойствах грамматик, Кибернетический сборник, № 5, 1962, 279-312.
- Хомский Н., О понятии "правило грамматики", Новое в лингвистике, № 4, 1965, 34-65.
- Хомский Н., Объяснительные модели в лингвистике, Математическая логика и ее применение, Москва, 1965, 245-273.
- Хомский Н., Логические основы лингвистической теории, Новое в лингвистике, № 4, 1965, 465-575.
- Хомский Н., Формальные свойства грамматик, Кибернетический сборник, Новая серия, № 2, 1966, 121-230.
- Хэррис З.С., Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, Новое в лингвистике, № 2, 1962, 526-636.

В) Работы на других языках:

- Ajdukiewicz K., Die syntaktische Konnexität, *Studia Philologica* I, 1935, 1-27; transl. in *Język i poznanie* I, Warszawa 1960, 222-242
- Anderson J.M., Ergative and Nominative in English, *Journal of Linguistics* 4, 1968, 1-32
- Anderson J.M., Adjectives, Datives and Ergativization, *Foundations of Language* 5, 1969, 301-323
- Anderson J.M., Dependency and Grammatical Functions, *Foundations of Language* 7, 1971, 30-37
- Anderson J.M., *The Grammar of Case*, Cambridge 1971
- Bach E., *An Introduction to Transformational Grammars*, New York 1964
- Bach E., Have and Be in English Syntax, *Language* 43, 1967, 462-485
- Bach E., Nouns and Noun Phrases, in: E. Bach, R.T. Harms /eds./, *Universals in Linguistic Theory*, New York 1968, 91-122

- Bach E., Harms R. /eds./, *Universals in Linguistic Theory*, New York 1968
- Bar-Hillel Y., *A Quasi-Arithmetical Notation for Syntactic Description*, *Language* 29, 1953, 47-58; also in Y. Bar-Hillel, *Language and Information*, Reading /Mass./-Jerusalem 1964, 61-74
- Bar-Hillel Y., *Language and Information*, Reading /Mass./-Jerusalem 1964
- Bar-Hillel Y., *Aspects of Language*, Jerusalem 1970
- Bellert I., *On the Semantic Interpretation of Subject - Predicate Relations in Sentences of Particular Reference*, in: K.E. Heidolph, M. Bierwisch /eds./, *Progress in Linguistics*, The Hague 1970
- Bellert I., *On the Logico-Semantic Structure of Utterances*, Wrocław 1972
- Bellert I., *On a Possible Formal Description of Semantic Interpretative Rules Applicable to a Subsystem of a Natural Language*, presented at the Conf. in Prague 1972
- Bémová A., *Slovesné předpony z hlediska syntaktického*, *Naše řeč* 51, 1968, 219-224
- Benešová E., *Predicate Modality in the Generative Description of Czech*, *Prague Bulletin of Mathematical Linguistics* 13, 1970, 43-63
- Benešová E., *Některé otázky aktuálního členění a slovosled v češtině*, *AUC-Philologica* 2-3, *Slavica Pragensia* XIII, Praha 1971, 179-198
- Benešová E., *On Semantic Description of Verbal Modality*, *Prague Studies in Mathematical Linguistics* 4
- Bennett D.C., *English Prepositions: A Stratificational Approach*, *Journal of Linguistics* 4, 1968, 153-172
- Bennett D.C., *Some Observations Concerning the Locative-Directional Distinction*, *Semiotica* V, 1972, 58-88
- Berka K., *Logik o jazyce*, *Slovo a slovesnost* 23, 1962, 273-276
- Bierwisch M., *Grammatik des deutschen Verbs*, *Studia Grammatica* II, Berlin 1963
- Bierwisch M., *On Classifying Semantic Features*, in: D. D. Steinberg, I.A. Jakobovits /eds./, *Semantics*, Cambridge 1971, 410-435
- Bierwisch M., Heidolph K.E. /eds./, *Progress in Linguistics*, The Hague 1970
- Brekle H.E., *Generative Semantics vs. Deep Syntax*, in: F. Kiefer (ed.), *Studies in Syntax and Semantics*, Dordrecht 1969, 80-90

- Brekke H.E., Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition, München 1970
- Chomsky N., The Logical Structure of Linguistic Theory, mimeo 1955
- Chomsky N., Syntactic Structures, The Hague 1957
- Chomsky N., On Certain Formal Properties of Grammars, Information and Control 2, 1959, 133-167
- Chomsky N., Review of B.F. Skinner's Verbal Behavior, Language 35, 1959, 26-58, also in: J.A. Fodor, J.J. Katz /eds./, The Structure of Language, Englewood Cliffs 1964, 547-598
- Chomsky N., Explanatory Models in Linguistics, in: Logic, Methodology and Philosophy of Science: Proc. of the 1960 Int. Conf., Stanford, 528-550
- Chomsky N., On the Notion 'Rule of Grammar', Proc. of the Symp. in Appl. Math., Vol. 12, 1961, 6-24
- Chomsky N., Formal Properties of Grammars, in: R. Luce, R. Bush, E. Galanter /eds./, Handbook of Mathematical Psychology II, New York 1963, 324-418
- Chomsky N., Logical Basis of Ling. Theory, in: Proceedings of the Ninth Internat. Congress of Linguists, The Hague 1964
- Chomsky N., Aspects of the Theory of Syntax, Cambridge, Mass. 1965
- Chomsky N., Some Empirical Issues in the Theory of Transformational Grammar, mimeo 1969
- Chomsky N., Remarks on Nominalization, in: R.A. Jakobs, P.S. Rosenbaum /eds./, Readings in English Transformational Grammar, Waltham, Mass., 1970, 184-221.
- Chomsky N., Deep Structure, Surface Structure and Semantic Representation, in: D.D. Steinberg, L.A. Jakobovits /eds./, Semantics, Cambridge 1971, 183-216
- Chomsky N., Conditions on Transformations, mimeo 1971
- Chomsky N., Halle M., The Sound Pattern of English, New York 1968
- Colmerauer A. et al., An English-French MT Prototype, presented at the Conf. in Debrecen 1971
- Curry H.B., Some Logical Aspects of Grammatical Structure, in: Proc. of the Symp. in Appl. Math., Vol. 12, 1961, 56-68
- Dahl Ö., Topic and Comment: A Study in Russian and General Transformational Grammar, Slavica Gothoburgensia 4, Göteborg 1969
- Dahl Ö., Some Presuppositions about Presuppositions, mimeo 1970

- Daneš F., Some Thoughts on the Semantic Structure of the Sentence, *Lingua* 21, 1968, 55-68
- Daneš F., Order of Elements and Sentence Intonation, To Honor Roman Jakobson, Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday, The Hague 1967, 499-542
- Daneš F., On Linguistic Strata /Levels/, *Travaux Linguistiques de Prague* 4, 1971, 127-143
- Davidson D., The Logical Form of Action Sentences, in: N. Rescher /ed./, *The Logic of Decision and Action*, Pittsburgh 1968
- Dugas A., Gopnik M., Harris B., Paillet J.P., Le projet de traduction automatique à l'Université de Montréal, presented at the Conf. in Sanga-Saby, Sweden 1969
- Dupraz M., Rouault J., Lexis - affirmation - négation: étude fondée sur les classes, in: F. Kiefer /ed./, *Studies in Syntax and Semantics*, Dordrecht 1969, 91-108
- Fillmore Ch.J., Case for Case, in: E. Bach, R. Harms /eds./, *Universals in Linguistic Theory*, New York 1968, 1-88
- Fillmore Ch.J., Types of Lexical Information, in: F. Kiefer /ed./, *Studies in Syntax and Semantics*, Dordrecht 1969, 109-137
- Fillmore Ch.J., Verbs of Judging: An Exercise in Semantic Description, *Papers in Linguistics* 1, 1969, 91-117; also in Ch.J. Fillmore, D.T. Langendoen /eds./, *Studies in Linguistic Semantics*, New York 1971, 273-289
- Fillmore Ch.J., Subjects, Speakers, and Roles, *Synthese* 21, 1970, 251-274
- Fillmore Ch.J., The Grammar of Hitting and Breaking, in: R.A. Jacobs, P.S. Rosenbaum /eds./, *Readings in English Transformational Grammar*, Waltham, Mass. 1970, 120-133
- Fillmore Ch.J., Langendoen D.T. /eds./, *Studies in Linguistic Semantics*, New York 1971
- Fodor J.A., Katz J.J. /eds./, *The Structure of Language*, Englewood Cliffs, New Jersey 1964
- Gaifman H., Dependency Systems and Phrase Structure Systems, *Information and Control* 8, 1965, 304-337
- Garvin P., On Linguistic Method, The Hague 1964
- Garvin P., On Machine Translation, The Hague 1972
- Gross M., On the Equivalence of Models of Language Used in the Fields of Mechanical Translation and Information Retrieval, *Informational Storage and Retrieval* II, 1964, 43-57
- Gross M., *Grammaire transformationnelle du français, syntaxe du verbe*, Paris 1968

- Hajičová E., Some Remarks on Presuppositions, presented at the Conf. in Debrecen 1971; Prague Bulletin of Mathematical Linguistics 17, 1972, 11-23
- Hajičová E., K funkčnímu generativnímu popisu angličtiny, dis., 1972
- Hajičová E., Negation and Topic vs. Comment, vyjde v Philologica Pragensia 15, 1972
- Hajičová E., Panevová J., On Semantics of Some Verbal Categories, Prague Bulletin of Mathematical Linguistics 11, 1969, 30-62
- Hajičová E., Panevová J., Sgall P., The Meaning of Tense and its Recursive Properties, Philologica Pragensia 14, 1971, 1-15, 57-64
- Hajičová E., Panevová J., Sgall P., Recursive Properties of Tense in Czech and English, Prague Bulletin of Mathematical Linguistics 13, 1970, 9-42
- Halle M., The Sound Pattern of Russian, The Hague 1959
- Halle M., On the Role of Simplicity in Linguistic Descriptions, Proc. of. Symp. in Applied Math. 12, 1961, 89-94
- Halliday M.A.K., Notes on Transitivity and Theme in English, Journal of Linguistics 3, 1967, 37-81, 199-244; 4, 1968, 179-215
- Harris Z.S., Methods in Structural Linguistics, Chicago 1951
- Harris Z.S., Co-occurrence and Transformation in Linguistic Structure, Language 33, 1957, 283-340; also in: J.A. Fodor, J.J. Katz /eds./, The Structure of Language, Englewood, Cliffs 1964, 155-210
- Harris Z.S., String Analysis of Sentence Structure, The Hague 1962
- Harris Z.S., Mathematical Structures of Language, New York 1968
- Hays D.G., Dependency Theory: A Formalism and Some Observations, Language 40, 1964, 511-525
- Hays D.G., Introduction to Computational Linguistics, New York 1967
- Heidolph Z.E., Kontextbeziehungen zwischen Sätzen in einer generativen Grammatik, Kybernetika 3, 1966, 274-281
- Hiž H., Congrammaticality, Batteries of Transformations and Grammatical Categories, Proceedings of Symposia in Applied Mathematics, Vol. 12, 1961, 43-50
- Hockett Ch.F., Linguistic Elements and Their Relations, Language 37, 1961, 29-53
- Hockett Ch.F., Language, Mathematics, and Linguistics, in: T.A. Sebeok /ed./, Current Trends in Linguistics III, The Hague 1966, 155-304

- Hockett Ch.F., The State of the Art, The Hague 1968
- Hořejší V., Les plans linguistiques et la structure de l'énoncé, *Philologica Pragensia* 4, 1961, 193-203
- Hutchins W.J., The Generation of Syntactic Structures from a Semantic Base, Amsterdam 1971
- Jackendoff R., An Interpretive Theory of Negation, *Foundations of Language* 5, 1969, 218-241
- Jackendoff R., On Some Questionable Arguments about Quantifiers and Negation, *Language* 47, 1971, 282-297
- Karlgren H., Multi-index Syntactical Calculus, *Computational Linguistics*, No. 8, 1969, 5-24
- Karlgren H., Syntactic Parasites, presented at the Conf. in Debrecen 1971
- Katz J.J., Recent Issues in Semantic Theory, *Foundations of Language* 3, 1967, 150-158
- Katz J.J., Interpretative Semantics vs. Generative Semantics, *Foundations of Language* 6, 1970, 220-259
- Katz J.J., Generative Semantics is Interpretive Semantics, *Linguistic Inquiry* 2, 1971, 303-331
- Katz J.J., Fodor J.A., Structure of a Semantic Theory, *Language* 39, 1963, 170-210
- Katz J.J., Postal P.M., An Integrated Theory of Linguistic Descriptions, Cambridge, Mass. 1964
- Kiparski P., Linguistic Universals and Linguistic Change, in: E. Bach, R.T. Harms /eds./, *Universals in Linguistic Theory*, New York 1968, 170-202
- Kiparski P., Kiparski C., Fact, in: K.E. Heidolph, M. Bierwisch /eds./, *Progress in Linguistics*, The Hague 1970, 143-173
- Kunze J., Theoretische Probleme der Automatischen Übersetzung, *Zeitschr. f. math. Logik und Grundlagen d. math.* 12, 1966, 85-130
- Kunze J., Versuch eines objektivierten Grammatikmodells, *Ztschr. f. Phon., Sprachwiss. u. Kommunik.* 20, 1967, 415-448; 21, 1968, 421-466; /mit W. Priess/ 23, 1970, 347-378
- Kunze J., Die Auslassbarkeit von Satzteilen bei koordinativen Verbindungen im Deutschen, Berlin 1972
- Lakoff G., Instrumental Adverbs and the Concept of Deep Structure, *Foundations of Language* 4, 1968, 4-29
- Lakoff G., Global Rules, *Language* 46, 1970, 627-639
- Lakoff G., Repartee, or a Reply to 'Negation, Conjunction and Quantifiers', *Foundations of Language* 6, 1970, 389-422

- Lakoff G., *Linguistics and Natural Logic*, Studies in Generative Semantics 1, The University of Michigan, Ann Arbor 1970
- Lakoff G., *Pronominalization, Negation and Analysis of Adverbs*, in: R.A. Jacobs, P.S. Rosenbaum /eds./, *Readings in English Transformational Grammar*, Waltham, Mass. 1970, 145-165
- Lakoff G., *On Generative Semantics*, in: D.D. Steinberg, L.A. Jakobovits /eds./, *Semantics*, Cambridge 1971, 232-296
- Lamb S.M., *On Alternation, Transformation, Realization and Stratification*, Monograph Series on Languages and Linguistics 17, Report of the 15th Annual Round Table Meeting 1964, 105-122
- Lamb S.M., *The Sememic Approach to Structural Semantics*, *American Anthropologist* 66, 1964, No. 3, Part 2, 57-78
- Lamb S.M., *Stratificational Linguistics as a Basis for Mechanical Translation*, mimeo, presented at the Seminar in Tokyo, 1964
- Lamb S.M., *Epilogomena to a Theory of Language*, *Romance Philology* 19, 1966, 531-573
- Lamb S.M., *Outline of Stratificational Grammar*, Georgetown University 1966
- Lambek J., *The Mathematics of Sentence Structure*, *Amer. Mathem. Monthly* 65, 1958, 154-170
- Lambek J., *On the Calculus of Syntactic Types*, in: *Proc. of Symp. in Appl. Mathem.*, Vol. 12, 1961, 166-178
- Lehman W.P., Stachowitz R. /eds./, *Feasibility Study on Fully Automatic High Quality Translation*, Univ. of Texas 1971, mimeo
- Linguistische Arbeitsberichte* 1, Leipzig 1970; 2, 1970; 3, 1970; 4, 1971
- Machová S., *Příčina v češtině, vyjde v sérii Studie*, Academia, Praha 1972
- Machová S., *Tectogrammatical Level in the Generative Description of Czech*, vyjde v *Prague Studies in Mathematical Linguistics* 5
- Machová S., *Some Realizations of the Adverbial of Cause*, *Prague Bulletin of Mathematical Linguistics* 16, 1971, 47-58
- Machová S., *The Adverbial of Cause in a Generative Description of Czech*, vyjde v *Prague Studies in Mathematical Linguistics* 4
- Mathesius V., *O tak zvaném aktuálním členění věty, Slovo a slovesnost* 5, 1939, 171-174; i V. Mathesius, *Čestina a obecný jazykozpyt*, Praha 1947, 234-242

- Mathesius V., Základní funkce pořádku slov v češtině, Slovo a slovesnost 7, 1941, 169-180; i V. Mathesius, Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947, 327-352
- Mathesius V., Řeč a sloh, ve sb. Čtení o jazyce a poesii, Praha 1942, 11-102; i samost., Praha 1966
- Mathesius V., Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947
- McCawley J.D., Concerning the Base Component of a Transformational Grammar, Foundations of Language 4, 1968, 243-269
- McCawley J.D., The Role of Semantics in a Grammar, in: E. Bach, R.T. Harms /eds./, Universals in Linguistic Theory, New York 1968, 125-169
- McCawley J.D., Meaning and the Description of Languages, Kotoha no uchu 2, 1964, 10-18, 38-48, 51-56
- McCawley J.D., Where Do Noun Phrases Come From, in: R.A. Jacobs, P.S. Rosenbaum /eds./, Readings in English Transformational Grammar, Waltham, Mass. 1970, 166-183
- McCawley J.D., English as a VSO language, Language 46, 1970, 286-299
- McCawley J.D., Semantic Representation, in: P. Garvin /ed./, Cognition: A Multiple View, New York 1970, 227-247
- McCawley J.D., Tense and Time Reference in English, in: Ch. J. Fillmore, D.T. Langendoen /eds./, Studies in Linguistic Semantics, New York 1971, 97-113
- McCawley J.D., Interpretative Semantics Meets Frankenstein, Foundations of Language 7, 1971, 285-296
- Panevová J., Vedlejší věty obsahové, Slovo a slovesnost 32, 1971, 289-300
- Panevová J., Benešová E., Sgall P., Čas a modalita v češtině, AUC - Philologica Monographia XXXIV, Praha 1971
- Panevová J., Sgall P., Relativní čas, Slovo a slovesnost 32, 1971, 140-148
- Panevová J., Sgall P., Čas a vid českého a ruského slovesa, vyjde ve sb. Čs. předn. k VII sjezdu slavistů, Varšava 1973
- Partee B.H., Negation, Conjunction and Quantifiers: Syntax vs. Semantics, Foundations of Language 6, 1970, 153-165
- Partee B.H., On the Requirement that Transformations Preserve Meaning, in: Ch.J. Fillmore, D.T. Langendoen, /eds./, Studies in Linguistic Semantics, New York 1971, 1-21
- Pierce J.R. /ed./, Language and Machines, Washington 1966
- Piřha P., On the Problem of Co-ordinate Conjunctions in the Analysis of Czech, Prague Studies of Mathematical Linguistics 1, 1966, 195-217

- Piřha P., Remarks on Possessivity, Prague Bulletin of Mathematical Linguistics 16, 1971, 33-46; 17, 1972, 25-36
- Piřha P., Sgall P., Coordination in a Generative Description, vyjde v Prague Bulletin of Mathematical Linguistics 18, 1972
- Postal P.M., Constituent Structures: A Study of Contemporary Models of Syntactic Description, The Hague 1964
- Postal P.M., Aspects of Phonological Theory, New York 1968
- Postal P.M., Anaphoric Islands, in: R.T. Binnick et al./eds./, Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, Chicago 1969, 205-239
- Postal P.M., On the Surface Verb Remind, Linguistic Inquiry 1, 1970, 37-120
- Prochazka O., Sgall P., Semantic Structure of the Sentence and Predicate Logic, vyjde v Prague Studies in Mathematical Linguistics 5
- Putnam H., Some Issues in the Theory of Grammar, in: Proc. of Symp. in Applied Math., Vol. 12, 1961, 25-42
- Robinson J.J., Case, Category, and Configuration, Journal of Linguistics 6, 1970, 57-80
- Robinson J.J., Dependency Structures and Transformational Rules, Language 46, 1970, No. 2, Part 1, 259-285
- Rohrer Ch., Funktionelle Sprachwissenschaft und transformationelle Grammatik, Munchen 1971
- Ross J.R., Constraints on Variables in Syntax, diss. 1967
- Ross J.R., Auxiliaries as Main Verbs, mimeo 1967
- Ross J.R., Guess Who, in: R. Binnick et al. /eds./, Papers from the Fifth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society, Chicago, Illinois 1969, 252-286
- Ross J.R., Gapping and the Order of Constituents, in: M. Bierwisch, K.E. Heidolph /eds./, Progress in Linguistics, The Hague 1970
- Ross J.R., On Declarative Sentences, in: R.A. Jacobs, P.S. Rosenbaum /eds./, Readings in English Transformational Grammar, Waltham, Mass 1970, 222-272
- Ross J.R., Lakoff G., Is Deep Structure Necessary?, mimeo 1967
- Rouault J., Approche formelle de problèmes liés à la sémantique des langues naturelles, Grenoble 1971
- Ruwet N., Introduction à la grammaire générative, Paris 1967
- Růžicka R., Studien zur Theorie der russischen Syntax, Berlin 1966
- Růžicka R., Integration slawischer und nicht slawischer Sprachen an der syntaktischer Peripherie, presented at the Conf. in Prague, 1972

- Sampson G., *Stratificational Grammar. A Definition and an Example*, The Hague 1970
- Seuren P.A.M., *Operators and Nucleus*, Cambridge 1969
- Sgall P., *Zur Frage der Ebenen im Sprachsystem*, presented at the Conf. in Bucharest, 1963; in: *Travaux linguistiques de Prague 1*, 1964, 95-106
- Sgall P., *Generativní systémy v lingvistice*, *Slovo a slovesnost* 25, 1964, 274-282
- Sgall P., *Ein mehrstufiges generatives System*, presented at the Conf. in Prague, 1964, in: *Kybernetika 2*, 1966, 181-190
- Sgall P., *Generative Beschreibung und die Ebenen des Sprachsystem*, presented at the Conf. in Magdeburg 1964; in: *Zeichen und System der Sprache III*, Berlin 1966, 225-239
- Sgall P., *On Generation, Production, and Translation*, presented at the Conf. in New York 1965; in: *Prague Bulletin of Mathematical Linguistics 8*, 1968, 3-13
- Sgall P., *Generativní popis jazyka a česká deklinace*, Praha 1967
- Sgall P., *Functional Sentence Perspective in a Generative Description*, *Prague Studies in Mathematical Linguistics 2*, Praha 1967, 203-225
- Sgall P., *L'ordre des mots et la sémantique*, in: F. Kiefer /ed./, *Studies in Syntax and Semantics*, Dordrecht 1969, 231-240
- Sgall P., *Status of Semantics in Generative Description*, *Teorie a metoda III*, 1971, 61-70
- Sgall P., *Topic, Focus, and the Ordering of Elements of Semantic Representations*, *Philologica Pragensia 15*, 1972, 1-14
- Sgall P., *Fillmore's Mysteries and Topic vs. Comment*, *Journal of Linguistics 8*, 1972
- Sgall P., Hajičová E., *A "Functional" Generative Description*, *Prague Bulletin of Mathematical Linguistics 14*, 1970, 3-38; printed in: *Revue roumaine de linguistique theorique et appliquee 15*, 1971, 9-37
- Sgall P., Hajičová E., *Topic - Comment Articulation and Negation in a Functional Generative Description*, *vyjde v Prague Studies in Mathematical Linguistics 5*
- Sgall P., Nebeský L., Goralčíková A., Hajičová E., *A Functional Approach to Syntax*, New York 1969
- Steinberg D.D., Jakobovits L.A. /eds./, *Semantics, An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology*, Cambridge 1971

- Trnka B., On the Linguistic Sign and the Multilevel Organization of Language, Travaux linguistiques de Prague 1, 1964, 33-40
- Uhlířová L., Some Aspects of Word Order in Categorical and Transformational Grammars, Prague Studies in Mathematical Linguistics 1, 1966, 159-166
- Vauquois B., Structures profondes et traduction automatique, Le système du C.E.T.A., Revue roumaine de linguistique 13, 1968, 105-130
- Vauquois B., Traduction automatique et traitement automatique des langues, Automatisme 14, 368-372
- Vauquois B., Veillon G., Nedobejkine N., Bourguignon C., Une notation des textes hors des contraintes morphologiques et syntaxiques de l'expression, Int.Conf. on Computational Ling., Stockholm 1969, preprint No.17
- Weisheitelová J., Sgall P., K syntaxi některých typů českých zájmen, AUC - Philologica 2-3, Slavica Pragensia XIII, Praha 1971, 167-178
- Wunderlich D., Tempus und Zeitreferenz im Deutschen, München 1970

Составители библиографии
Е.Гаичова и Я.Паневова

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СЛАВИСТЫ И ЧЕХИЯ

С.В.Смирнов

История науки, в том числе и языкознания, тесно связана с историей всей духовной культуры, периодизация которой не всегда совпадает с периодизацией социально-экономической. Как всеобщая грамматика была порождением "философского века" Просвещения, так сравнительно-историческое языкознание есть детище романтизма.

Общепризнанно, что романтизм как эпоха европейской духовной культуры конца XVIII – середины XIX вв. явился реакцией на французскую буржуазную революцию. К.Маркс в письме Ф.Энгельсу от 25 марта 1868 года отмечал: "Первая реакция на французскую революцию и связанное с ней просвещение, естественно, состояла в том, чтобы видеть все в средневековом, романтическом свете, и даже такие люди, как Гримм, не свободны от этого. Вторая же реакция, и она соответствует социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают о своей связи с ним, – заключается в том, чтобы заглянуть за пределы средневековья, в первобытную эпоху каждого народа".^I

В трудные периоды истории человечество всегда обращается к своему прошлому, стремясь найти в нем поддержку или объяснение настоящего. Огромные потрясения в общественной и духовной жизни европейских народов, связанные с переходом от одной общественно-экономической формации к другой, неудовлетворенность действительностью, тревога перед новым и стремление познать его пробуждают интерес к истории, народным преданиям, древним литературным памятникам. Самые различные явления природы и общества впервые начинают пониматься как продукты исторического развития.

Освободительные войны против французского господства в Европе вызвали обострение национально-патриотических чувств

^I К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т.32, стр.44.

в России, Германии и других странах. Если просветители исходили из понимания человечества как единого целого, то романтики противопоставили этому понятие национального государства, в котором каждый народ имеет право на национальную самобытность, самостоятельное физическое и духовное существование. Отсюда непосредственно вытекали культ народности, идеализация национальной старины.

Романтизм с его обращением к прошлому, возникновение сравнительно-исторического языкознания и расширение круга изучаемых языков и диалектов, а также пробуждение самих славянских народов, переживавших период национального возрождения, вызвали в обществе большой интерес к славянству, к изучению языков, письменности, быта и истории славян.

В России М.Т. Каченовский одним из первых заявил о нераздельности изучения отечественной истории от изучения всего славянства, изучения русского языка от изучения других славянских наречий. В своем журнале "Вестник Европы" он в течение многих лет помещал статьи, посвященные истории, литературе, языку и этнографии славян. Каченовский впервые начал знакомить публику с научной деятельностью патриарха славянской филологии И.Добровского. В частности, в 1816 г. он опубликовал известие о сборниках "Слован" и "Слованка", в 1818 г. — перевод статьи чешского ученого "О древних славянских названиях двенадцати месяцев". По инициативе Каченовского министр народного просвещения Разумовский учредил в 1811 г. в Московском университете кафедру славянской словесности. Однако занявший ее профессор Гаврилов ограничился лишь чтением псалтыри и восхищением ее красотами.

Увлечение отечественной историей, изучение древних памятников, споры между шишковистами и карамзинистами о путях развития литературного языка породили массу рассуждений о русском и церковнославянском языках, их взаимоотношении и происхождении, отношении русских письменных памятников к болгарским и сербским. В 1812 году "Общество истории и древностей российских" ставит перед учеными вопрос, является ли язык перевода Библии и других богослужебных книг коренным славянским языком. Если нет, то существует ли до сих пор ко-

ренной язык и где. В это же время "Общество любителей российской словесности" задает конкурсное сочинение о причинах изменения русского языка и влиянии на него других языков, а несколько позднее предлагает "показать изменения русского языка от древнейших времен до осемнадцатого столетия, принимая в основание памятники древней словесности: песни, сказки, предания, пословицы, надписи и другие письменные остатки". Постановка таких вопросов становилась в то время настоятельной необходимостью, ибо существовавшие представления были слишком смутными и противоречивыми. На церковнославянский язык нередко смотрели с позиций грамматики М.Смотрицкого (1619). Старославянский язык то рассматривался как отец всех славянских наречий, то отождествлялся с древнерусским. Неясны были их звуковые и формальные особенности.

Интерес к славянству, выросший первоначально на базе изучения старославянского языка, памятников южнославянской старины, древней истории, а также общественного внимания к русско-турецким войнам и освободительной борьбе сербского и болгарского народов, распространяется затем и на Чехию, которая благодаря деятельности Добровского, Юнгманна, Палацкого и других будителей становилась центром научных исследований в области славистики.

После Белогорской битвы (1620) Чехия потеряла свою самостоятельность, наступила эпоха тьмы. В стране господствовали иезуиты, принявшие ся сжигать и уничтожать чешские книги. Протестанты должны были или принять католичество, или покинуть родину. Чешским языком перестали пользоваться во всех государственных, общественных и культурных учреждениях. Обучение на родном языке разрешалось лишь в первых классах начальной школы. Без достаточного знания немецкого языка было запрещено принимать детей в гимназии. Школа поэтому превратилась в орудие германизации. В 1781 г. немецкий язык был провозглашен общегосударственным. Высшие слои общества стали смотреть на чешский язык, как на "мужицкую речь". Даже некоторые ученые, в том числе и Добровский, считали его

уже языком мертвым.

В конце XVIII — нач. XIX вв. в Чехии началось складывание капиталистических отношений и формирование чешской нации. Это вызвало к жизни новые общественные силы, которые не могли мириться с феодализмом и национальным угнетением. Во главе этого движения становится буржуазия, выступающая на первом этапе от имени всего народа. Однако в силу определенных исторических обстоятельств (незначительная классовая дифференциация общества, слабость чешской буржуазии, национальный гнет) основной вопрос эпохи — столкновение двух общественно-экономических формаций — был заслонен вопросом национально-языковым. Развитие чешского языка рассматривалось как одна из главных предпосылок для дальнейшего существования и развития чешской культуры и даже общества в целом.¹ Прежде всего необходимо было восстановить традиции литературного языка, прерванные в XVII в., и приспособить его к тем задачам, которые стояли перед национальной наукой и литературой. В конце XVIII в. в защиту чешского языка и его прав на существование выступают братья Тамы, Томса, Крамеркус, Рулик, Добнер, Пельцель, Дурих и др. Появляются первые научные труды, посвященные родному языку и литературе. Под давлением национального движения было разрешено создать в Чехии ряд просветительных организаций ("Королевское научное общество", "Общество патриотических друзей искусства" и др.). В 1792 г. была открыта кафедра чешского языка и литературы в Пражском университете, которую занял Пельцель, автор многих работ по чешской истории и языку.

Поиски доказательств древности чешского языка, прав его на существование и участие в культурной жизни вели к установлению его родства с другими славянскими языками, а затем к установлению родства племенного. Таким образом идея славянской взаимности становится союзником чешского национального движения. В начале XIX в. многие будители начинают воспринимать свою страну как составную часть "славянской родины".

¹ См. Slovanství v národním životě Čechů a Slováků, Melantrich, 1968, стр. 87 и сл.

Предпринимаются первые попытки создать общеславянскую азбуку и общеславянский язык и тем самым приблизить минуту, когда все славянские наречия сольются в единое целое. Эти романтические мечты и стремления сопровождались воспеванием славянской старины, идеализацией единства славян, их демократичности, миролюбия и благородства. Добровский был объявлен "получехом" за то, что отказался признать достоверность "Суда Либуши".

Параллельно с этим расцветает русофильство. Российская империя — после 1812 года первая держава континента — воспринималась как единственная защитница славян, единственная страна действительной свободы. Среди друзей Юнгманна зреет даже мысль о присоединении к России или создании великого славянского государства. В литературе на первый план выдвигается требование национальной самобытности, воспевание народных традиций, героического прошлого, родства славянских народов, обращение к народной поэзии. В эти годы Я. Коллар пишет "Дочь Славы", Ф. Л. Челаковский издает "Славянские народные песни", "Эхо русских песен", "Эхо чешских песен".

К этому времени относится и первое близкое знакомство русских и чехов. С ноября 1799 по февраль 1800 г. в Чехии находились русские войска во главе с Суворовым. В их лице чехи видели представителей родственного народа, в честь которых устраивались приемы, вечера, концерты. Все это не могло не способствовать расширению знаний и представлений о России. Отечественная война 1812 года, во время которой через Чехию прошло около 300 тысяч русских солдат, не только показала силу русского народа, но и способствовала росту национального самосознания чехов, породила среди них немалые надежды.¹ Впоследствии Ганка рассказывал Срезневскому: "Вот они, русские, — думали себе мы, юноши, слыша о ваших успехах в войне с Наполеоном, — стоят сами за себя, заставляют себя уважать и боятся; а нас, чехов, будто и на свете нет."

¹ См. В. А. Францев, Русские в Чехии в XVIII и в начале XIX ст., М., 1899.

У них, русских, все свое; а у нас когда-то все было, и давно уже нет. Почему же нет, когда было; почему не быть, как было!"¹

Благодаря всем этим обстоятельствам в науке на первое место были поставлены вопросы славянской истории, языков и литератур, славянских древностей. Уже патриарх славяноведения И.Добровский посвятил свои труды самым разным проблемам. Это происхождение славян, деятельность Кирилла и Мефодия, славянская письменность, старославянский язык, взаимоотношение и классификация славянских языков, истории чехов, чешская литература и язык. Тем самым он создал славянскую филологию, поставил ее на научную основу и открыл путь для последующих исследований.

На смену Добровскому пришло второе поколение чешских славистов, воспитавшееся на его ученых трудах. Йозеф Юнгманн, поэт и переводчик, лингвист, историк и литературовед, написал первую историю чешской литературы на чешском языке, перевел "Слово о полку Игореве", составил 5-томный "Чешско-немецкий словарь". Это — уникальное творение, значительно обогатившее словарный состав чешского литературного языка за счет диалектизмов и архаизмов, заимствований из других славянских языков и собственных новообразований.²

Виднейший продолжатель идей Добровского Павел Йозеф Шафарик внес неоценимый вклад в изучение истории славянских языков и литератур, древнейших исторических судеб славян,

¹ И.И.Срезневский, Воспоминание о Ганке. — ИОРЯС, т.IX, 1961, стр.218-219.

² Ср. также отзыв И.Срезневского: "Имя Юнгманна у нас известно: кто и не видел его огромного "Словаря чешского языка", то по крайней мере слышал о нем; если кто и не может дать себе отчета о его достоинствах, то по крайней мере знает, что это — самый огромный из всех словарей наречий славянских, какие были доселе изданы. Тот же, кто пользовался этим словарем, и более того, кто следил за развитием лексикологии славянской и вообще европейской, знает и то, что творение Юнгманна есть одно из очень немногих превосходных произведений учености нашего времени, что такого словаря было бы достаточно не только для славы частного человека, но и для славы целого ученого общества." Архив АН СССР, ф.216, оп.1, ед.хр.868, л.1.

исторической и современной этнографии, быта, славянской письменности, народной поэзии и т.д. Его труды оказали огромное влияние на дальнейшие судьбы славистики в большинстве стран Европы и особенно в России.

Франтишек Ладислав Челаковский — крупный чешский поэт и переводчик, поборник славянской взаимности, большой друг России — широко известен как собиратель народных песен и пословиц, исследователь сравнительной грамматики, автор пособий по практическому изучению славянских языков.

Франтишек Палацкий много сделал в области критики, литературоведения, эстетики, психологии и других наук. Но его главная и величайшая заслуга — создание многотомной "Истории чешского народа", которая сыграла огромную роль в развитии национального самосознания, учила любви к народу и его героическому прошлому.

Из других деятелей чешского возрождения нельзя не упомянуть Я.Пуркине, В.Ганку, Я.Пресля, А.Марека, Ф.Ветешника, М.Клацеля, Я.Э.Воцеля, К.Я.Эрбена, А.В.Шемберу.

Чешские слависты немало сделали и для распространения русского языка в Чехии. Начало этому было положено еще Добровским. В 1792 г. он был командирован вместе с графом Штернбергом в Швецию для разыскания и обследования чешских рукописей, увезенных шведами в Тридцатилетнюю войну. Оттуда Добровский через Финляндию направился в Петербург и Москву. Ученый хотел заняться изучением памятников древней церковнославянской письменности. В Петербурге он пробыл два месяца (17.УІІІ — 17.Х), посвятив это время ознакомлению с библиотеками и архивами. В Москве Добровский находился с 25 октября 1792 г. по 7 января 1793 г. Здесь он подробно осмотрел собрания Чудовской и Лаврской библиотек, беседовал с митрополитом Платоном о рукописях, собирал разночтения перевода нового завета. Из Москвы Добровский хотел поехать в Киев, а оттуда на Кавказ, чтобы выяснить вопрос о кавказских "чехах". Но поездка почему-то не состоялась.

Пребывание в России позволило Добровскому ближе познакомиться с русским языком и литературой. В 1792 г. он публикует "Сравнение русского языка с богемским", в 1799 г., во

время пребывания русских войск в Чехии, — краткий учебник, где приводились грамматические справки, русские слова и выражения с переводом на немецкий и чешский языки, диалоги, немецко-русский и русско-чешский словарики. В сокращенном виде пособие было переиздано в 1813 г.

Примеру Добровского последовали и другие ученые. В 1799 г. выходит "Русский переводчик" неизвестного автора, затем "Русско-чешское правописание" Я.Пухмайера и др. К 1820 году относится издание уже обстоятельной русской грамматики, составленной тем же автором по образцу чешской грамматики Добровского.

Большие успехи чешской науки в области филологии и истории славян производили огромное впечатление на русских ученых. Среди них все больше осознается необходимость установления тесных контактов с чешскими исследователями славянства. Первым ученым путешественником в славянские земли был П.И.Кеппен (1793—1864).

Петр Иванович Кеппен родился в Харькове. Отец его происходил из бранденбургского города Шведта. В 1786 г. в числе 24 медиков был приглашен в Россию и назначен губернским лекарем. После его смерти (1808) семья оказалась в трудных материальных условиях. Поэтому Петру Ивановичу уже в 14-летнем возрасте пришлось служить в губернской чертежной, где он под руководством землемеров занимался межеванием и изготовлением планов. В 1809 г. Кеппен поступил в Харьковский университет и окончил его в 1812 г. со степенью кандидата. Через два года защитил диссертацию и стал магистром прав. После этого Кеппен переселился в Петербург и поступил на службу в почтовый департамент. В 1816 г. был одним из учредителей "Вольного общества любителей российской словесности". На его труд "Историческое исследование о Югорской земле, в российско-императорском титуле упоминаемой" обратил внимание Н.П.Румянцев и привлек к работе по описанию и изучению древних памятников. В 1819 г. Кеппен издает "Обозрение источников для составления истории российской словесности", в 1822 г. — "Список русским памятникам, служащим к сос-

тавлению истории художеств и отечественной палеографии".

В 1821 г. А.С.Березин пригласил Кеппена в путешествие за границу. Кеппен знал, что славянские ученые интересуются русскими древностями. Поэтому по дороге он ознакомился с памятниками старины, хранившимися в Новгороде, Москве и Киеве, запаса научной литературой. В Вене Кеппен познакомился с Копитаром и Караджичем. Он показал Копитару русские научные новинки. Особенно большое впечатление на того произвело "Рассуждение о славянском языке" Востокова, хотя он и не поверил тогда в носовой характер юсов. О приезде Кеппена он сразу же сообщил Добровскому, звал его в Вену знакомиться с трудами русских ученых. В Пеште Кеппен встречается с Колларом и Палацким, беседует с ними о венгерских, немецких и славянских древностях. Желая лично познакомиться с Добровским, он вместе с Палацким поехал в Прагу, Чешский ученый принял его очень радушно, с большим вниманием рассматривал привезенное им собрание памятников, делал для себя выписки. В своем дневнике Кеппен записал: "Добровский лучше всех наших современников знает славянский язык. Ему известна большая часть существующих ныне наречий и взаимное их между собою отношение". И далее: "При всем том Добровский довольно скромнен в отношении к таким предметам, которые остались им еще не определенными; но от принятого однажды мнения его уклонить трудно".¹ Ганка показал нашему путешественнику коллекции Народного музея, Юнгманн много рассказывал о чешском языке и литературе. 12 июня 1823 года Кеппен писал Востокову: "Похвалюсь Вам знакомством Добровского, Линде и Ганки, знакомством, которое я почитаю для себя истинным счастьем".² Кеппен ознакомился также с достопримечательностями Праги, осмотрел церкви, монастыри, дворец Валленштейна, картинную галерею и др. 10 мая он покинул Прагу и отправился дальше.

¹ Ф.П.К е п п е н, Биография П.И.Кеппена. — Сборник ОРЯС, т.89, № 5, 1911, стр.73, 74.

² Переписка А.Х.Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И.Срезневского. — Сборник ОРЯС, т.У, вып.11, 1873, стр.55.

В Новом Саде состоялась его встреча с Шафариком. Путешествуя по Германии, Кеппен встречался с Я.Гриммом, Гете, Боппом, Фатером. В Мюнхене он списал Фрейзингенские отрывки, которые потом издал с объяснениями Востокова ("Собрание славянских памятников, находящихся вне России. Книга I. Памятники, собранные в Германии", СПб., 1827).

В апреле 1824 года Кеппен вернулся в Петербург и поступил на службу в департамент народного просвещения. А.Кочубинский, оценивая эту поездку, писал: "Путешествие энергичного Кеппена по Австрии, по ее славянским землям, составило известного рода эпоху в развитии славяноведения у нас, с многообразными последствиями в ближайшем и более отдаленном будущем. Но оно было с значением и для них, самих славян Австрии. Кеппен тощ не возвратился уже по тому одному, что открыл личные знакомства с выдающимися деятелями того времени среди австрийских славян; он стал, верный себе, энергическим посредником между молодой наукою России и славянскими учеными силами Австрии — словом и делом".¹

Действительно, после возвращения Кеппена из-за границы сношения с Прагой становятся оживленными и регулярными. Это переписка, обмен книгами, научной информацией и т.д. Особенно тесные контакты установились между Шафариком и Кеппеном. Шафарик постоянно обращается к нему с просьбой о присылке русских книг, особенно летописей. Кеппен не только сам стремится удовлетворить все его запросы, но и выступает посредником в сношениях с другими русскими учеными (Востоковым, Венелиным, Кругом), посылает книги и выписки из рукописей, объясняет значения отдельных слов. Многие литературные известия из писем Шафарика публикуются в ИМНП. Работая над "Славянским народописанием", Шафарик часто обращается к Кеппену с вопросами географического и этнографического характера. Особенно он хотел знать точные границы между русскими, финнами, татарами и турками. Кеппен был знатоком в этих вопросах, так как написал ряд исследований о разных народах

¹ А.А.Кочубинский, Начальные годы русского славяноведения, Одесса, 1887-1888, стр.199.

(особенно финно-угорских) России, собрал большой диалектный материал, работал над этнографической картой. Нередко переписка касалась не только научных вопросов, но и личной жизни.

В 1825-26 гг. Кеппен издавал "Библиографические листы" - журнал, посвященный вопросам русской и славянской литературы. В нем сообщались заглавия новых книг, краткое изложение содержания, а иногда и довольно подробные рецензии, сведения о повременных изданиях, географических картах, календарях, рукописях, новостях науки и т.д. Под впечатлением своего путешествия он хотел сделать журнал посредником между Россией и западнославянским миром. В предисловии издатель отмечал: "За то, что я преимущественно старался знакомить соотечичей моих с литературой других словенских народов, надеюсь, никто из благомыслящих не станет мне пенять".¹ Действительно, в журнале можно найти неоднократные отзывы о трудах Добровского, Юнгманна и Шафарика. "Библиографические листы" быстро завоевали популярность среди славистов. Более того, в них принимали участие все выдающиеся представители европейской науки: Востоков, Добровский, Я.Гримм, Шафарик, Копитар, Караджич, Раск, К.Калайдович и многие другие.

В Петербурге Кеппен был единственным человеком, лично знавшим славянских ученых, с которыми Шишков и Румянцев только что начали устанавливать связи. Правда, в 1813 году Шишков вместе с главным штабом русской армии в качестве государственного секретаря попал в Прагу, где заинтересовался чешскими книгами и познакомился с Добровским.² Увлеченный

¹ П. К е п п е н, Материалы для истории просвещения в России, т.2, СПб., 1826, предисловие.

² Интересны отзывы Шишкова и Добровского друг о друге. Шишков: "Иногда хаживал ко мне здешний ученый, довольно по сочинениям своим известный, аббат Добровский, с которым проводжали мы время в разговорах о славянском языке и его наречиях". В.А.Ф р а н ц е в, Русские в Чехии. 1813-1823, Прага, 1913, стр.23. Добровский в письме Копитару: "Вчера (22 июня) прибыл в Прагу Шишков... Достойный старец, знаток своего и особенно старославянского языков. Собирается снова издать академический Словарь. Он изложил свои мысли и просил высказать свои. Общего образования, как обычно-

этимологическими разысканиями, он искал здесь себе союзников и сотрудников. В 1817 г. он опубликовал "Речь Иоганна Негедли, профессора богемской словесности, говоренную им в Академии в 1801 г." ("Известия Российской академии", кн.3). В ней Неедлы воспевал богатство, выразительность, стройность и музыкальность чешского языка. Эти высказывания были очень созвучны самому Шишкову и подкрепляли его мысли применительно к русскому языку. В 1818 г., будучи президентом Российской академии, Шишков настаивает на необходимости общения со славянским ученым миром. В докладной записке он писал: "Нужно Академии со многими славянских наречий профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми сноситься. И буде кто из них исследованиями и трудами своими о славянских народах и языке их, или выписками из древних редко встречающихся книг доставит в нее какие-либо новыя, достойные любопытства открытия и сведения, таковому Академия, как попечительница обо всем подобном, долженствует дать название почетного члена с приличным, по рассмотрению ее, единовременным или всегдашним награждением". Эти идеи были зафиксированы и в новом уставе Академии (1818).^I А 6 марта 1820 года Добровский и Неедлы были избраны почетными членами. Кеппен стал правой рукой Шихкова в славянских сношениях.

В 20-е гг. XIX века возникает мысль о создании славянских кафедр в высших учебных заведениях России. Впервые эта

венно подобным людям не достает, и трудно с ними говорить об основных положениях науки. Едва я ему мог дать понять, что с в и н е ц надо производить от глагола с в и н у. Он все имел в голове с и н и й. Аппендини пришлось бы ему как раз по сердцу; и пожелал достать его труды. О моем же Entwurf e (zu einem allgemeinen Etymologikon der slaw. Sprachen, Prag, 1813) он мог только мычать". И.В. Я г и ч, Письма Добровского и Копитара в повременном порядке. - Сборник ОРЯС, т.39, 1885, стр.353-354.

^I М.И. С у х о м л и н о в, История Российской академии, вып. VIII, 1887, стр. 458 и сл.

идея появилась у Кеппена (возможно, не без влияния Ганки¹) и была высказана в письме Шишкову в декабре 1826 года. Говоря о необходимости основать кафедру славянской литературы при филологическом отделении Главного педагогического института, Кеппен в качестве аргумента приводил то, что "самое основательное знание отечественного языка и постепенное усовершенствование оного не может иметь места без знания древнего коренного языка и без понятий (хотя предварительных) о свойстве и литературе всех его многозначительных отраслей".²

Однако в то время в России еще не было достаточно подготовленных кадров славистов. Поэтому в том же письме Кеппен сообщает, что он предпринял некоторые шаги, чтобы узнать, кто из западнославянских ученых и на каких условиях согласился бы переселиться в Россию и принять звание профессора истории славянской литературы. 24 января 1827 года он извещает Шипкова, что получено согласие библиотекаря Чешского музея Вячеслава Ганки, профессора Сербской гимназии в Новом Саде Павла Иосифа Шафарика и Франтишка Ладислава Челаковского. В конце февраля в Комитет устройства учебных заведений было внесено предложение об "усилении учения словенского языка" в русских университетах и прямо говорилось о необходимости приглашения для этого трех чешских славистов: Ганку — ординарным профессором в Главный педагогический институт, Шафарика — ординарным профессором в Харьков и Челаковского — экстраординарным профессором в Москву.

Между тем в сентябре 1827 года в Комитет, где должен был решаться этот вопрос, поступил проект академика Паррота, настаивавшего на необходимости готовить собственных ученых.

¹ Ганка еще 3 мая 1822 г. писал Шишкову: "В прошедшие дни прочитал я 6 томов сочинений и переводов Росс. акад., и читая заседания, на ум мне пало, чтоб не токмо весьма пристойно, но и несравненно полезно было, когда б в заседаниях оных тоже один искусный национальный член из каждого наречия присутствовал, особливо когда Академия словари всех словян. наречий издавать намеряет, ибо таково преславное дело никто же во всем мире кроме Академии росс. способствовать не может". М.И. С у х о м л и н о в, История Российской академии, вып. VII, стр. 564.

² И. В. Я г и ч, Новые письма Добровского, Кошутара и других западных славян. — Сборник ОРЯС, т. 62, 1897, стр. 373-374.

Для этого рекомендовалось создать Профессорский институт при Дерптском университете, а также отправлять молодых людей за границу. Поскольку в Комитете мнения разошлись, то царь вынес решение в пользу проекта Царрота.

Вскоре после этого министром народного просвещения вместо Шинкова стал Ливен. Кеппен из Симферополя, где он в то время служил помощником главного инспектора по шелководству, напоминает новому министру о необходимости приглашения чешских ученых, подчеркивает важность славянского вопроса для России, хлопочет об учреждении славянской кафедры. Ливен с интересом ознакомился с письмом Кеппена, но повернул дело совсем в другую сторону. Он считал наиболее целесообразным при Российской академии и на ее средства создать славянскую библиотеку с тремя-четырьмя книгохранителями. В связи с этим Шинков в 1829 г. обратился к Академии: "В числе главнейших обязанностей сей Академии, определенных уставом ее, заключаются: 1) составление общего словаря языка и 2) исследование корней и происшедших от них ветвей. После неоднократных рассуждений о приведении сих статей в исполнение мы остаемся в полном убеждении, что ни настоящего знаменования слов, ни начала происхождения их, мы не можем определить основательно без помощи прочих славенских наречий, без внимательного обозрения, или, лучше сказать, без сличения и свода всех их. Тем менее открывается удобности, при недостатке сих пособий, составить полный словарь языка нашего, в который, как мы прежде говорили, должны по всей справедливости войти из других славенских наречий такие слова, которые суть чистые славенские, но в нашем наречии не придуманные и вместо которых употребляем мы иностранные речения. Для сих и для многих других причин необходимо иметь достаточное сведение о всех составляющих славенский язык наречиях, как-то: о польском, богемском, сербском, крайнском, словакском и прочих; знать о сочиненных и сочиняемых на оных книгах, вести о том переписку с учеными из писателей на сих наречиях и получать известия как о ходе их языков, толь сходных с нашим, так и об исторических с си-

ми народами происшествиях".¹ Российская академия по предложению своего президента приняла следующее решение: а) вызвать Ганку, Шафарика и Челаковского, предоставив первым двум права ординарных профессоров с жалованьем 4000 рублей в год, а последнему — права экстраординарного профессора с жалованьем 3000 рублей в год; б) употребить от 30 до 40 тысяч рублей на приобретение книг и рукописей для славянской библиотеки; в) ежегодно выделять 2-3 тыс. руб. на приобретение новых книг, издаваемых на разных славянских языках. После этого события развивались довольно быстро. 28 ноября было направлено официальное письмо министру народного просвещения и вскоре последовало одобрение кабинета министров. Однако реакция приглашаемых ученых оказалась весьма различной; очевидно, здесь сказалось и слишком долгое и томительное ожидание конца переговоров. Ганка всячески пытался отсрочить поездку, ссылаясь то на желание снять копии с сохранившихся материалов Добровского, то на просьбу получить в Петербурге казенную квартиру, то на необходимость командировки к лужичанам. Шафарик был очень взволнован полученным приглашением. Но его пугали незнакомые условия жизни, климат, слабое здоровье жены. Сказался и горький опыт жизни в Новом Саде. На грустные раздумья наводило и жестокое подавление польского восстания. "Вся научная и общественная деятельность Шафарика дает неопровержимые доказательства его большой и самоотверженной любви ко всему славянству, понимаемому всегда как единое целое. При своем идеализме он хорошо осознавал отношения между отдельными славянскими народами... Перед суровой действительностью он никогда не закрывал глаза. Любил всех славян одинаково, требовал от каждого славянского деятеля, чтобы тот уважал самое маленькое наречие, как самое большое".² Во время

¹ М. И. Сухомлинов, История Российской академии, вып. VII, стр. 229-230.

² K. Paul, Pavel Josef Šafařík. Život a dílo, Praha, 1961, str. 63.

польского восстания Шафарик, в отличие от Ганки и Коллара, целиком становится на сторону польских революционеров, осуждает деспотизм и насилие царского самодержавия. Видимо, этим объясняется нерешительность Шафарика и желание как-то задержаться с отъездом. При этом Ганка вскоре начал хлопотать о том, чтобы остаться в Праге и получать оклад русского библиотекаря. Академия со своей стороны тоже охладела к первоначальным планам. Но тем не менее Шипков продолжает поддерживать связи с чешскими учеными, оказывает им всяческую поддержку. По его инициативе Российская академия выдала Шафарiku и Ганке по 3000 рублей в виде пособия на издание их трудов, наградила золотыми медалями Ганку, Шафарика, Юнгманна и Коллара.

По уставу 1835 года в русских университетах были учреждены кафедры истории и литературы славянских наречий. В Москве эту кафедру занял Каченовский. Но для престарелого ученого она была уже тяжелым бременем. Поэтому снова появилась на свет идея приглашения Шафарика, переселившегося в мае 1833 года в Прагу. Строганов, обращаясь к нему с предложением принять место профессора в Московском университете, писал: "Не стану говорить о том, как награждаются в России услуги, ей оказываемые. Могу уверить Вас только с своей стороны, что я употреблю все зависящие от меня средства сделать пребывание Ваше у нас приятным во всех отношениях. Я буду рад содействовать приобретению для университета члена, который положит в нем прочные основания науки, столько важной в общей системе знаний и в особенности для литературы и русской истории. Прибавлю еще, что в России Вы найдете много предметов, кои относятся непосредственно к Вашим занятиям и могут доставить Вам богатую добычу для Ваших исследований и пополнить Ваши собрания".¹

Таким образом, перед Шафариком, ученым с европейским именем, жившим в труднейших материальных условиях, открывалась перспектива стать создателем славистики в России при

¹ А.А.Кочубинский, Граф С.Г.Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов. — "Вестник Европы", 1896, № 7, стр. 182.

материальном благополучии. Но скромный и благородный Шафарик на предложение Строганова дал отрицательный ответ. О причинах отказа он писал Погодину: "Я несколько не расположен оставить здешних моих родных, друзей, приятелей и переехать в Россию... Вы, кажется, надеетесь получить от моего пребывания в России какие-то великие научные результаты. К несчастью, все мои друзья, в том числе и Вы, преувеличиваете мои познания, тогда как я очень хорошо знаю себе цену и могу сказать, что я только человек труда и что у меня есть желание и прилежание. Чешский — мой родной язык; а если я теоретически и познакомился с другими славянскими наречиями, то на практике не могу применить своих познаний: я уже в таком возрасте, и вообще никогда не мог легко изучать языки, поэтому не могу надеяться быть преподавателем в России; быть же там чуждым и только немцем я не хочу. Наконец, что для меня самое важное, я привязан к Богемии и Праге, вообще ко всей Австрии, я многим обязан этой стране и не оставляю ее, пока могу быть ей чем-нибудь полезен. Я очень хорошо знаю, что в России меня ждут богатство и почести, здесь же нужда и бедность, но у меня достанет твердости духа, покорности и терпения, чтобы не пожертвовать материальным выгодам духовно-литературный интерес моих соотечественников; обязанность моя быть им полезным, если труд мой только может быть им полезен, в остальном же я полагаюсь на волю божью. После всего сказанного Вы увидите, что Ваше старание перетащить меня в Москву напрасно и поведет только к лишним разговорам. В России много людей, число их увеличивается ежедневно, они достойнее меня занимать славянскую кафедру".¹ Погодин, прочитав это письмо, записал в дневнике: "Шафарик не решается ехать: жаль; но какие благородные причины! Тронут был до слез".²

¹ Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835—1861). Вып. II. Письма П.И.Шафарика, с примечаниями. — ЧОИДР, 1879, кн. 4, стр. 151—152.

² Н. Барсуков, Жизнь и труды М.П.Погодина, т. IV, стр. 333.

Теперь все было ясно, и ничего не оставалось, как искать кандидата среди своих питомцев.

Говоря о начальном этапе русско-чешских научных связей, нельзя не отметить также М.П.Погодина, который немало способствовал установлению личных контактов с чешскими учеными.

У Погодина довольно рано (по его словам, под влиянием Шлецера) пробуждается интерес к истории славян и всему славянскому. Вскоре после выхода "Основ древнего наречия славянского языка" Добровского у него появляется мысль перевести их на русский язык. Через Калайдовича он ходатайствует об этом перед графом Румянцевым, который однако ответил, что грамматика Добровского — великое сочинение, перевод которого может быть поручен только членам Российской академии. Через некоторое время Калайдович спрашивает Востокова, не переводит ли кто-нибудь "Основы древнего наречия". Востоков в январе 1823 г. ответил на это: "Помнится, однажды в собрании Академии говорили, что не худо бы перевести эту книгу; но формального к тому поручения, сколько мне известно, никому не сделано, и никто из членов Академии сам на то не вызывается. Я с моей стороны не взялся бы быть просто переводчиком этой Грамматики, находя в ней многое, требующее переделки, пополнения и сокращения. Кто хочет пользоваться ею в настоящем виде, может читать и латинский подлинник. Книга эта писана собственно для ученых, которые должны разуместь по-латыни. Другое дело, перевести Грамматику сию на русский с нужными дополнениями и примечаниями. Я и за сие не взялся бы, ибо намерен сочинить свою славенскую грамматику, в которой, конечно, не оставлю воспользоваться всеми открытиями Добровского".^I Тогда Калайдович посоветовал Погодину обра-

^I Переписка А.Х.Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И.Срезневского, стр.47-48. Попытка Востокова наладить переписку с Добровским окончилась безуспешно. Летом 1824 г. он отправил чешскому ученому письмо с подробным лингво-палеографическим описанием Остромирова евангелия, обратив особое внимание на носовые гласные и их соотношение с чистыми. Встречающееся иногда смешение юсов с чистыми гласными он объяснял тем, что писец

тятся в "Общество истории и древностей российских". Там прошение его и Кубарева было зачитано и передано в "Общество любителей российской словесности". На этом дело снова заглохло.

В июне 1824 года Румянцев предложил Погодину перевести новый труд Добровского о Кирилле и Мефодии. Погодин очень рьяно взялся за дело: в конце ноября того же года работа была закончена и отправлена графу. Румянцев послал перевод Востокову с просьбой сравнить его с немецким подлинником. Востоков, выполнив эту просьбу, написал: "С сожалением должен я донести В. С-ву, что переводчик весьма слаб в немецком языке. Из поправок Вы усмотреть изволите, что он некоторые места понял совсем превратно. Я ожидал от него более, судя по статьям, какие он помещает в "Вестнике Европы".²

В это время Кеппен опубликовал в "Библиографических листах" подробное изложение книги Добровского. Мракобес Магницкий, попечитель Казанского учебного округа, прочитав статью, настоятельно предлагал Шишкову запретить соответствующие номера журнала за "обличения святцев наших, цер-

был русский. Доказательства отсутствия носовых в древнерусском он находил также в грамоте великого князя Мстислава и сына его Всеволода 1128-1132 гг., Изборниках Святослава 1073 и 1076 гг. Откуда Востоков делал вывод, что "носовые звуки Ж, А принадлежали языку тех словян, для которых изобретена азбука и переложены церковные книги. Сии словяне были, конечно, болгаре, в языке коих сохранились и по днесь многие следы ринезма, как заметил и г.Копитар в своей рецензии". (Переписка А.Х.Востокова, стр.106-107). Это был своего рода ответ на письмо Добровского Кеппену от 15 марта 1824 г., в котором чешский ученый называл Востокова "отличным филологом, за исключением каприза будто Ж = польск. а". (Письма Добровского и Копитара в повременном порядке. - Сборник ОРЯС, т.39, 1885, стр.670). Кроме того, в этом письме Востоков подробно отметил фонетические и морфологические особенности Остромирова евангелия (употребление ъ, ѣ, шт, окончание первого лица дв.числа въ в.м.ва, формы дв.числа имперфекта шета, шете, ста, сте и др.). В ответ Добровский лишь в письме Румянцеву поблагодарил Востокова за присланные сведения.

² Переписка А.Х.Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И.Срезневского, стр.176.

ковью утвержденных и издаваемых, в неверности".¹ Когда слух об этом дошел до Румянцева, тот написал адмиралу: "Защитите, пожалуйста, преподобные Библиографические листы, издаваемые г. Кепшеном, от того гонения, которое поднял на них г. Магницкий. Ежели он в своем представлении успеет, какому же осуждению подвергнемся мы непременно за границей, когда ученые сведают, что у нас сочинение г. Добровского о Кирилле и Мефодии под запрещением единственно потому, что сей ученый и почтенный муж повествует обстоятельства жизни их не так, как они в нашей Минеи-четьи. Охраните нас от такого стыда".² Тем не менее, над Кепшеном был назначен суд (митрополиты Евгений и Серафим), который вынес оправдательный приговор. В 1825 г. вышел и перевод Погодина под заглавием: "Кирилл и Мефодий, словенские первоучители. Историко-критическое исследование Иосифа Добровского".

В 1826 г. Погодин уговорил Шевырева вместе взяться за перевод старославянской грамматики Добровского. В начале мая работа была уже закончена. Перевод вышел в 1833-34 гг.³

Летом 1835 года Погодин отправился в заграничное путешествие. После Берлина, Лейпцига и Дрездена он приехал в Прагу. В первую очередь Погодин посетил Чешский музей, где его встретил Ганка. Вечером они отправились к Шафарiku, который показал гостю кипы переписанных памятников, материалы для истории славянских литератур. Они быстро подружились.⁴

¹ Доношение попечителя казанского округа М. Магницкого на издателя "Библиографических листов" Г. министру народного просвещения. - ЧОИДР, 1864, кн. 2, стр. 143.

² Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского, стр. 231.

³ Его полное заглавие: Добровский И., Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем россияне, сербы и другие славяне греческого вероисповедания и далматы глаголиты римского исповедания имеют церковные книги, ч. I-3, СПб., 1833-1834.

⁴ Знакомство с Погодиным Шафарик относил "к самым счастливым и самым дорогим в своей жизни". Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. II. Письма П. И. Шафарика, с примечаниями, стр. 145. А 26 сентября 1835 г. он писал ему в Москву: "Незабвенны остались для меня те дни, когда я узнал Вас, сблизился с Вами и полюбил Вас. Правда, что

На другой день вместе с Шафариком они совершили прогулку по Праге. Погодин дал ее восторженное описание. "О, никогда, никогда не забуду я этой уединенной прогулки. День был прекрасный и теплый; город красовался вдали перед нашими глазами, но по пути не встречалось с нами ни одного человека. Мы были одни и говорили о славянах... Я увидел ясно различие между пылким, стремительным юношей, который думает только о завтрашнем дне, и опытным мужем, считающим веками; я увидел ясно различие между постоянным убеждением, зрелым плодом долговременного размышления, и мгновенным порывом; я понял, что значит зависеть от минуты и господствовать над временем. Какая высокая речь! Ни одного имени, ни одного лица не упомянул Шафарик; только племена, народы занимали его. Он не удостаивал почти вниманием ежедневных происшествий, а говорил о вековых последствиях. Что за величественное спокойствие! Уверенность в святости дела, в высокости своего призвания изображались на его лице, слышались в звуках его голоса. Я внимал великому мужу, не смея дохнуть, опасаясь проронить одно слово, смотрел на него с благоговением. Казалось, что я слышу голос с того света, что передо мною стоит муж времен апостольских".^I

Шафарик познакомил Погодина с Юнгманном ("Нестором чешской словесности"), Палацким, Челаковским, Преслем. "С каким почтением, — писал Погодин, — смотрел я на сих отшельников, посвятивших себя святому делу народного образования, жертвующих ему всеми благами мира сего, в нужде, даже бедности, в пренебрежении, унижении, неизвестности. Честь Вам и слава, знаменитые подвижники, украшение человечества! Труды Ваши не пропадут. Доброе семя даст плод сторицею, и имена Ваши будут блистать в истории наряду со всеми благороднейшими

эти чудные дни прошли очень быстро и теперь нас уже разделяет большое пространство, но свободный обмен мыслей нам ничем не воспрещен и мы постараемся этим воспользоваться. Во мне Вы, конечно, всегда найдете самого усердного корреспондента". (Т а м ж е, стр.143).

^I М. П о г о д и н, Год в чужих краях, ч. I, М., 1844, стр. II2-II4.

благодетелями человечества".¹

Посещение Праги оставило у Погодина неизгладимое впечатление на всю жизнь. Ф.И.Буслаев в своих воспоминаниях рассказывает: "Является Михаил Петрович на кафедру, и вместо исторической лекции, начинает нам рассказывать о Шафарике, Палацком, Ганке, Вуке Караджиче и других знаменитых ученых славянских, с которыми он познакомился в свою поездку за границу, откуда только что воротился. 30-ые годы было время самое бойкое для возрождения славянской народности в науке, литературе и политике. Это великое дело только еще тогда начиналось: и вот мы — студенты — в первый раз в жизни услышали имена знаменитых славянских деятелей от Михаила Петровича, и тогда же мы узнали, что Шафарик готовит к печати свои Славянские древности, в которых он докажет всему миру, что не немцы, а славяне были старожилками и хозяевами всех тех областей, где потом очутились населенниками и господами немцы; от него же узнали мы, что Палацкий работает над Историей чешского народа и что искалеченный Вук Караджич, подпираясь своими костылями, пешком исходил всю сербскую землю и собрал сокровища сербской народной поэзии".²

После возвращения в Москву Погодин поддерживал оживленную переписку с чешскими учеными. Отрывки из писем, где сообщались различные научные и литературные новости, он печатал в русских журналах, содействуя тем самым распространению у нас знаний о славянстве. Но особенно тесные связи установились с Шафариком.

В это время Шафарик готовил к печати "Славянские древности" и очень нуждался в помощи, материальной и книжной. Погодин обращается к русским ученым, писателям и своим знакомым с просьбой о сборе средств в пользу Шафарика и Вука Караджича. Таким путем удалось собрать 500 руб. и отправить пражскому ученому. В ответ Шафарик пишет Погодину: "Сердечно благодарю Вас и неизвестных моих доброжелателей и друзей.

¹ Там же, стр.122-123.

² Ф.И.Б у с л а е в, Мои досуги, ч.2, М., 1886, стр.254.

Половину доставленной мне суммы употреблю я на ускорение печатания моего сочинения, которое начнется на следующей неделе. Без этой поддержки для меня было бы трудно начать печатание, потому что подписка идет плохо".¹ Книги Шафарику посылали, кроме Погодина, Бодянский, Кеппен, Шилков, Языков, Малиновский, Круг.²

Впоследствии Погодин еще трижды посетил Прагу (1839, 1842, 1846 гг.), встречаясь каждый раз с чешскими учеными. При его участии или посредстве оказывалась материальная помощь Шафарику и Ганке. Но теплота и непосредственность дружеских отношений постепенно исчезает. А.И.Кошелев, посетивший Шафарика в июле 1857 г., записал в своем дневнике: "Мы говорили довольно. Он сам шел на разговоры серьезные, и я не имел духа его с них своротить. Он говорил, что теперь народное направление серьезнее и общее, чем прежде, хотя в нем бодрости, силы и гения несравненно менее... "Вы, русские, особенно Погодин, заявлял он, имеете всегда в общении с нами какие-то политические виды, — этим вы вредите и себе, и нам, и делу. Не заботьтесь о нас, заботьтесь о себе; встаньте сами на ноги; глядя на вас, и мы постараемся быть чехами и делать общее "славянское дело". — "Русских чехов, говорил он, теперь остается только один Ганка; он — остаток прежнего движения; теперь чехи хотят быть чешскими чехами. Мы не вра-

¹ Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. II. Письма П.И.Шафарика, стр. 160.

² Ср. письмо Погодину: "Книги, которые Вы мне прислали, занимают меня день и ночь... Особенно важны для меня Летописи (Нестор и следующие), Достопамятности, Древняя идиография, Собрание государственных грамот, Сборник Муханова и пр. и пр. Древнейшие источники и документы! Какие сокровища, какие рудники для исследователей и знатоков... Таких сокровищ для наших древностей, какими обладают русские, не имеет весь остальной славянский мир. Мы имеем там и сям вялые листочки, а у вас целые вековые леса; мы имеем несколько золотых крупинок, рассыпанных в грязи, а вы величественные Уральские массы". Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. II. Письма П.И.Шафарика, стр. 184.

ждебны, — напротив, кротки, благорасположены к русским; но входить в русские интересы мы не только не можем, но даже и не желаем".¹ Так в период отживающего русофильства и австрославизма Шафарик отходит от той политики, в которую все больше втягивался Погодин. Притом их отношения становятся подозрительными для австрийского правительства. Над известным славистом был учрежден строгий надзор. Наконец он просит передать Погодину следующее: "Не знаю, что ожидает меня в будущем; во всяком случае я убедительнейше прошу г. Погодина, чтобы во всех печатных и рукописных статьях, касающихся словен, не упоминать моего имени и вообще не связывать его с политикой, которою я не могу и не должен заниматься: я желаю остаться при своих чисто ученых трудах. В настоящем моем положении всякое привлечение моего имени к делу словен — причинит мне и семейству моему большое горе".²

Поездки Кепшена и Погодина в Чехию способствовали установлению первых непосредственных контактов между русскими и чешскими учеными. После учреждения кафедр истории и литературы славянских наречий министерство просвещения решило направить за границу молодых людей для изучения языков, литератур и истории западных и южных славян. Среди первых кандидатов оказались О.М.Бодянский, П.И.Прейс, И.И.Срезневский, В.И.Григорович. И прежде всего в Праге ими черпались знания, приобретался опыт, вырабатывалась методика научных исследований. Вернувшись в Россию, они заложили основы русского славяноведения и воспитали необходимые кадры славистов.

¹ Н.К.Олюпанов, Биография Александра Ивановича Кошелева, т. II, приложение, М., 1892, стр. 151.

² Н.Барсуков, Жизнь и труды М.П.Погодина, кн. 6, стр. 393.

Осип Максимович Бодянский родился 13 ноября 1808 года в Полтавской губернии в семье украинского священника. После окончания духовной семинарии он в 1831 году приезжает в Москву и поступает на словесное отделение Московского университета, которое заканчивает через три года со званием кандидата. Первоначально Бодянского привлекает почти исключительно славянская литература и фольклор. Он пишет стихи, печатает первые статьи и рецензии. В 1837 г. Бодянский защитил диссертацию "О народной поэзии славянских племен" и стал первым в России магистром славяноведения. Работа молодого ученого была явлением новым и необычным в русской литературе. Она произвела хорошее впечатление также на пражских славистов и вскоре была переведена на чешский, сербский, итальянский и немецкий языки.

Бодянский внимательно изучает труды чешских ученых, вступает в переписку с Шафариком. Еще в 1835 г. Шафарик, работавший тогда над славянскими древностями, расспрашивал Погодина "об отменах грамматики малороссийской, белорусской, о наречии архангельском, новгородском". Но тот, по собственному признанию, "краснея", сказал, что у нас на этот предмет до сих пор мало обращали внимания и что даже книжный язык лишь недавно получил хорошие грамматики Греча, Востокова, Калайдовича. На вопросы Шафарика ответил Бодянский. В 1836 г. в двух обширных письмах он сообщил ему сведения о границах украинского языка, его диалектах, а также отличительных особенностях в графике, фонетике и морфологии.^I Эти данные были затем Шафариком использованы в "Славянском народописании".

В августе 1836 года Шафарик издал первый выпуск "Славянских древностей". Подвергнув научному анализу памятники письменности, археологические, лингвистические и этнографи-

^I См. Korespondence P.J.Šafaříka s ruskými učenými, sv.I, Praha, 1927, str.12-23.

ческие данные, он показал роль славян в европейской истории и культуре. Книга появилась в то время, когда многие немецкие историки утверждали, что славянские народы относятся к низшей расе, не способной к самостоятельной политической жизни. Светлыми пятнами в их истории были только те периоды, когда ими руководила немецкая "цивилизующая и управляющая стихия".¹ Поэтому "Славянские древности" имели большое значение не только для науки, но и для пробуждения национального самосознания славянских народов; воскрешая прошлое, они оказывали на умы большое нравственное влияние.

Русские друзья с нетерпением ждали этот труд. Кешпен писал автору: "Торим нетерпением прочесть книгу, но она по языку недоступна". Желая помочь читателям, Шафарик предложил перевести "Славянские древности" на русский язык. Ученый хотел только, чтобы перевод был сделан "хорошо, правильно и точно" — ведь он впервые выступал перед русской публикой с большим исследованием. Осуществить эту мысль взялся Погодин. Он убедил Бодянского, единственного тогда в Москве знатока славянских языков, взяться за перевод "Славянских древностей", а сам принял на себя издержки издания. Несмотря на большую занятость (магистерские экзамены и диссертация), Бодянский дал согласие на это предложение и свое обещание выполнил.

В 1837 году в Москве вышли первые две книги первого тома "Славянских древностей", в 1838 г. — третья книга. В предисловии Шафарик обратился к издателю с теплыми словами признательности: "Тоже и ты, любезнейший Михайло Петрович Погодин, прими мою благодарность: видевши в пребывание свое у нас в августе 1835 г. это сочинение, еще не оконченное, ты оценил его душой настоящего славянина и с тех пор не переставал помогать мне всякого рода средствами к обогащению и скорейшему выходу его".²

¹ Изложение и критику этих теорий см.: В. Л а м а н с к и й, Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе, СПб., 1871.

² П. И. Ш а ф а р и к, Славянские древности, т. I, кн. I, М., 1848, стр. УІІІ.

Труд Шафарика был встречен у нас многочисленными откликами, приветствовавшими его появление в русском переводе.¹ Например, рецензент *ЖМНП* В.Г. (В.В. Григорьев) отмечал, что долгое время славян считали новым племенем в Европе, пришедшим сюда вместе с гуннами, аварами и другими азиатскими народами. Тем самым отвергалось их существование на данной территории ранее V столетия. Другие исследователи допускали, что славяне жили здесь и раньше, но не могли найти их среди многочисленных европейских племен, упоминаемых в исторических источниках. Заслуга Шафарика заключается как раз в том, что он, опираясь на огромный фактический материал, доказал старобитность славян в Европе. В этом отношении "Славянские древности" составляют эпоху в изучении истории и жизни славянских народов, а их автор "приобрел неотъемлемые права на признательность и уважение не только единоплеменников, но и всего ученого мира".² М.А. Максимович назвал "Славянские древности" "сокровищницей всех славян". За эту книгу многие русские ученые общества избрали Шафарика своим членом.

Когда идея приглашения чешских ученых в Россию успехом не увенчалась, у Строганова, попечителя Московского учебного округа, возникла мысль направить Бодянского за границу для подготовки к профессорскому званию. Шафарик, узнав об этом от Погодина, писал: "Благородное намерение графа отправить Бодянского в земли западных и южных славян, чтобы в путешествии он мог приготовить себя к славянской кафедре, не должно остаться без исполнения. Это единственный путь, который

¹ Исключение составлял только глумливый отзыв Сенковского в "Библиотеке для чтения" (1837, т. 23), который даже его ученик и почитатель В.В. Григорьев назвал подлым. Здесь же попутно досталось и Бодянскому за язык перевода. "Мы должны еще поздравить читателей с переводом первой книги с богемского на русский язык: этот перевод сделан так искусно, что наш язык кажется в нем почти богемским" (стр. 63). Действительно, Бодянский явно переоценил свои знания чешского языка, поэтому перевод зачастую грешит буквализмом.

² В.Г., (рец.) Славянские древности. Сочинение П.И. Шафарика. Перевод с чешского И. Бодянского. — *ЖМНП*, 1837, ч. XV, стр. 148.

ведет к цели. Уже давно следовало обратиться к этому средству. Может быть, вскоре после этого последуют примеру Москвы Петербург, Харьков и Киев".¹

В 1837 году Строганов поручает Бодянскому подготовить план ученого путешествия в славянские страны. В июле этот план вместе с ходатайством попечителя о командировке молодого ученого за границу был направлен в министерство народного просвещения. Министерство с этим предложением согласилось, но взяло с Бодянского обязательство прослужить в звании преподавателя не менее 12 лет.

Русское славяноведение в то время только начинало пробивать себе дорогу. Оно еще не обогатилось значительными исследованиями, не определило ясно свои задачи и границы. Даже спустя много лет (в 1847 г.) Срезневский говорил своим слушателям: "Наука о славянстве как плод нашего времени богаче надеждами, чем их исполнением. Преподаватель ее не может довольствоваться одною проверкою, одним соображением того, что уже сделано другими: он сам должен быть исследователем, сам должен, по мере возможности, умножать запас выводов науки и, следовательно, бывает принужден передавать слушателям свои личные убеждения прежде, чем они оценены другими".²

Бодянский полагал, что вновь образованная кафедра должна заниматься изучением различных сторон славянской жизни. Поэтому он считал необходимым во время путешествия основательно познакомиться с языками, литературой, историей, древностями и разными вспомогательными науками. В "Записке", представленной Московским университетом министерству, говорилось: "Прежде всего предполагается прибыть в Чехию (Богемию); тут прожить, по крайней мере, 6 месяцев, для ознакомления с чешскою словесностью, языком, древностями, историей, палеографией и проч. (пр. особенно войти в сношения и бесе-

¹ Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. II. Письма П.И.Шафарика, с приложениями, стр.185.

² Архив АН СССР, ф.216, оп.1, ед.хр.729, л.10.

ды с тамошними учеными славянофилами: Шафариком, Юнгманном, Ганкой, Челаковским, Палацким и др. Все они знакомы почти со всеми славянскими языками, и потому у них можно будет предварительно почерпнуть сведения по этому предмету и, так сказать, ориентировать себя, равно как посоветоваться, как начать и продолжать дальнейшее путешествие с большей пользой и удобностью. Здесь осмотреть библиотеки университетскую, Народного музея и частных лиц (графов Ностиц, князя Лобковича и др.).

Из Праги отправиться в Моравию: побывать в Олмоце (Оломоуце. — С.С.), Брно (Брюнн) и др. местах, изучить моравское наречие, войти в сношения с Бочеком, изд. *Diplomatarium Moravicum*, и Сушилом, изд. моравских народных песен, и осмотреть библиотеку и рукописи, принадлежащие Церрони.

Отсюда поехать в Вену, где остановиться месяца на два для бесед с Копитаром, В.С.Караджичем и др.: первый может быть полезен своими сведениями в языке словенском (вендском), а второй в языке сербском; кроме того, оба могут дать хорошие наставления для путешествия по их родине. Посетить библиотеки: придворную, университетскую, государственного архива и др., в коих пересмотреть славянские рукописи, первопечатные слав. книги, бумаги, перевезенные из Венеции, которые могут относиться ко времени пребывания венециан в Крыму, и др. акты.

Из Вены через Прессбург отправиться в Пест и Буду (Офен), где Коллар, отличный знаток словацкого языка, может служить своими наставлениями в нем, и для путешествия по Венгрии, особенно по Словакии".^I

После этого рекомендовалось посетить другие славянские земли, а также Триест, Венецию, ряд германских городов (напр., Ганновер, Бремен, Любек, Гамбург, Шверин). Притом особенно подчеркивалась необходимость практического овладения живыми славянскими языками.

10 октября 1837 года Бодянский получил сообщение о разрешении командировки. Через четыре дня он покидает столицу,

^I Архив АН СССР, ф.216, оп.2, № 72, л.4.

чтобы открыть исторические паломничества русских ученых в славянские земли. Путь его лежал через Киев, Луцк, Варшаву, Бреславль и Трутнов. Первого декабря в шесть часов вечера Бодянский прибыл в Прагу. "Уф! Насилу доскакал! Насилу добрался наконец до Праги, первого прага моего путешествия", — пишет он Погодину.¹ Уже через полчаса он посетил Шафарика. Это было их первое личное знакомство. Шафарик встретил русского путешественника как старого знакомого. Между ними установились сердечные, дружеские отношения. Не проходило дня, чтобы они не виделись.

Программа занятий Бодянского в Праге была очень обширной. В письме Погодину он сообщал: "Прежде всего хочу изучить до мелочей чешский, лузацкий, моравский и словацкий языки с Ш-ком; потом сербский и вендский, далее древнеславянский, историю славян, новейшую особенно: древняя вся почти в Славянских древностях Ш-ка, палеографию, историю славянских литератур и, наконец, славян. нумизматику в Музее, по крайней мере чешскую и что есть из других. Я не ворочусь к Вам без того, чтобы не говорить на всех нынешних славянских языках: это необходимо для живого и плодоносного знания славянины; иначе все будет мертво, препятствий, недоумений, сомнений и пр. т.п. легионы на каждом шагу. Теорию я поверю на самом деле! План дальнейшего моего путешествия составим во всей подробности общими силами здесь, в Праге, чтобы ничего замечательного не пропустить, не осмотреть на самом месте со всем вниманием".²

Действительно, благодаря настойчивости, упорству, огромному трудолюбию и феноменальной памяти, дела Бодянского продвигались весьма успешно. Уже 20 февраля 1838 г. он сообщает Погодину: "Скажу только, что я теперь до того успел в чешине, что, отбросив всякое чванство и хвастовство, говорю по-чешски, как будто бы здесь родился: это я и сам

¹ Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. I. Письма О.М.Бодянского. — ЧОИДР, 1879, кн. I, стр. 3.

² Там же, стр. 8-9.

чувствую и отзывы других уверяют меня в том. Так же хочу поступить и с другими славянскими языками: без того моя кафедра не будет кафедрой живого и плодоносного знания. Теперь занимаюсь с Шафариком историей чешской литературы, потом перейду к словацкому и сербскому языкам, а там и к другим. Весной стану изучать палеографию и нумизматику в здешнем Народном музее".¹ В письме от 5 марта 1838 г. он пишет: "В чешском языке я теперь до того успел, что объясняюсь на нем, как на родном. Скоро кончу свои занятия с Шафариком в истории чешской литературы и непосредственно перейду к словацкому и сербскому языку, потом к лужицкому и церковному".² В апреле он уже изучает древние сербские и болгарские тексты.

Кроме Шафарика, Бодянский близко познакомился в Праге с Книгманном, Челаковским и Ганкой. Но его первым руководителем, наставником и другом был, несомненно, Шафарик. Для русского путешественника он не только образец учености, "живая славянская энциклопедия", но и воплощение доброты, радушия и справедливости. Именно к нему обращался Бодянский при решении всех трудных и спорных вопросов. Письма

¹ Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. I. Письма О.М.Бодянского, стр. 19.

² Там же, стр. 24. Ср. также его "Донесение г. министру народного просвещения" от 25 марта 1838 года: "Я исключительно занимался теоретически-систематическим усовершенствованием себя в старом и новом чешском, словацком, верхне- и нижне-лужицком языках, их истории литературы и истории народа. Важнейшие печатные, письменные памятники прочтены мною; рукописные же отложены до начала весны, времени самого благоприятнейшего здесь для палеографических занятий в библиотеках Народного музея, публичной и частных лиц... Теперь я занимаюсь дальнейшим усовершенствованием своих познаний в теории древнеславянского церковного языка по старопечатным и рукописным памятникам, предпочтительно болгарским и сербским, в сербском языке, его истории литературы и истории самого народа. В конце мая оставлю Прагу, намереваясь обозреть замечательнейшие исторические места Чехии, вмешаться в самый народ, особенно там, где он говорит еще неиспорченным родным языком, сделать наблюдения над его отменами, которые там и сям находятся". - ЖМНП, 1838, ч. XVIII, стр. 402-403.

его полны восхищения огромной эрудицией Шафарика. 5 марта 1838 г. Бодянский писал: "Он для меня — целая Академия; ему я более всех обязан, и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог мне так пригодиться, как он. Конечно, есть здесь и другие умные, ученые и заслуженные чехи, но они, большей частью, занимают-ся одной какой-нибудь отраслью; напротив, Шафарик равно силен и как дома во всех частях славянщины: это целая библиотека, живая энциклопедия всех сведений о славянах. Это каждый день имею я случай замечать, и когда подумаю — чего это стоило ему при таких крутых его обстоятельствах, недостатках и препятствиях, невольно изумляюсь. Такой деятельности, неутомимости, твердости и любви к своему предмету, такого терпения и борьбы с своей, слишком к нему неблагоприятной, судьбой, я еще нигде не встречал. Страдая ужаснейшим ревматизмом, губительно действовавшим на него в нынешнюю, необыкновенно холодную в здешних краях, зиму, он ни на час не покидал пера, и только за письменным столом забывал свои телесные мучения. Прибавьте к этому почти всегда хворых жену, тещу и двух сыновей, его недостаток в нужнейших житейских потребностях, и, несмотря на все это, постоянную, неизменную, сердечную готовность служить каждому, чем только может, ни на волос гордости, спеси или себялюбия, и Вы и всякий из нас поневоле станет удивляться этому мужу".^I

^I Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. I. Письма О.М.Бодянского, стр. 24-25. Ср. также: "Скажу Вам еще несколько слов о Шафарике. Здоровье его не за-видное, а обстоятельства и подавно. Жена и теща почти постоянно больны. Нуждается чрезвычайно во всем, и подивитесь его характеру. Я уже несколько раз предлагал ему кой-что из червонцев от Вашего имени, как Вы еще в Москве говорили мне о том, но, по сию пору, не мог его склонить на то, чтобы он взял их... Боже мой, что будет с ним далее?! Что бы еще эта светлая, строгая, ученая голова сделала при немного лучших житейских условиях? Между тем он теперь убивает много времени для куска хлеба на пустыне, мелочные занятия, потому только, что они принесут ему завтра-после-завтра полтину на наши деньги! Что прикажете делать? Голод не тетка, говорит наша пословица" (там же, стр. 16).

Пребывание Бодянского в Чехии неожиданно затянулось. Суровая зима серьезно оказалась на его здоровье, вызвав обострение старой болезни — ревматизма. Необходима была поездка на воды. Чтобы помочь своему другу, Бодянский на свой счет пригласил Шафарика, тоже страдавшего ревматизмом, поехать вместе на лечение. В начале июля они были уже в Карловых Варах. Через неделю Бодянский почувствовал некоторое облегчение, хотя приехал чуть не на костылях. Но Шафарiku становилось все хуже и хуже. Карловарские воды оказались для него слишком сильными. После лечения в Карловых Варах Бодянский поехал еще в Теплице и вернулся в Прагу только в конце августа. Он начал собираться в путешествие по Чехии и южнославянским землям, но болезнь снова вынудила его задержаться здесь еще на месяц.

В начале октября 1838 г. Бодянский отправился в Моравию. Прежде всего он посетил Оломоуц, где познакомился с Бочком. Оттуда поехал в Брно. Там он встретился с Сушилом, Клацелем и Шемберой, осмотрел достопримечательности города, посетил могилу Добровского. После этого Бодянский поехал в Райградский монастырь, чтобы ознакомиться с латинским мартирологием IX-X вв., содержащим кирилловские приписки. Эти приписки первым обнаружил Палацкий в 1837 г. и обратил на них внимание Шафарика. Последний, посетив Райград, осмотрел памятник и нашел не только отдельные слова на полях, но и целый отрывок в конце 70-й страницы, написанный по-древнеславянски. Шафарiku с помощью увеличительного стекла удалось прочесть его и определить некоторые особенности языка. Бодянский, внимательно читая текст, в середине второго листа нашел греческое слово *latría*, написанное кирилловскими буквами. Отсюда он делает вывод, что славяне знали кириллицу еще до Кирилла и Мефодия, которые только дополняли и усовершенствовали ее.

Шафарик, получив эти сведения, долго не хотел верить. Он писал Бодянскому, что греческие буквы IX столетия ничем не отличаются от обычного кирилловского письма того времени. Поэтому написание слова "латρία" он считал греческим. Если же в самом латинском контексте слово написано

с кирилловским *IA*, то этот лист не может относиться ко времени Карла Великого.¹ Позднее эта догадка была полностью подтверждена Срезневским.

В начале декабря 1838 года Бодянский прибыл в Пешт. Здесь старая болезнь снова свалила его с ног. Ему ничего не оставалось, как ехать лечиться в Фрейвальдау. Четыре месяца лечения принесли некоторое облегчение, но не надолго. В мае 1840 года он снова заболел. Министерство разрешило ему пробыть за границей до сентября, но и этого времени оказалось недостаточно для выздоровления.

Болезнь помешала Бодянскому глубже изучить Чехию, ближе познакомиться с ее населением. Известно только, что вместе с Эрбеном они совершили поездку кходам. Но вся его дальнейшая деятельность была связана в значительной мере с Чехией. Шафарик при своих богатых знаниях был незаменимым руководителем для русских славистов. А.А.Кочубинский позднее писал: "Бодянский до конца дней остался сознательным учеником Шафарика, но кроме него не признавал никого".²

После отъезда Бодянского из Праги Шафарик продолжает проявлять о нем трогательную заботу,³ дает разные советы относительно дальнейшего путешествия и ученых занятий. Зная об увлечении своего московского друга книжными памятниками, он пишет ему: "Если же Вы хотите послушаться моего искреннего и дружеского совета, отправляйтесь прямо через Пресбург и Пешт в Новый Сад и Карловцы. Вообще я бы Вам советовал не оставаться долго в Вене и Пеште, так как это не в интересах

¹ См. Korespondence Pavla Josefa Šafaříka s ruskými ušenci, sv. I, str. 26.

² А. Кочубинский, О. М. Бодянский. — "Славянское обозрение", 1892, т. III, стр. 298.

³ Ср., например, письмо Шафарика от 30 июля 1838 г.: "Я читал Ваше письмо с радостью, которая была бы еще сильнее, если бы в нем нашел известие о Вашем полном или по крайней мере значительно подвинувшемся выздоровлении. Между тем я от всего сердца желаю и все еще надеюсь, что с улучшением погоды, после пользования теплическими ваннами в особенности, Ваше здоровье поправится". Письма Павла Иосифа Шафарика к О. М. Бодянскому (1838—1857 гг.). — ЧОИДР, 1896, кн. 2, стр. 123.

Вашего ученого путешествия. В Вене и т.д. Вы наберетесь мертвой учености восталь, но народов славянских, их языка, наречий, говоров, нравов, обычаев не узнаете. Этой мертвой учености у нас достаточно, даже с избытком, не достаёт нам кое-чего другого, что нам обещали, но, к сожалению, не дали, Ходаковский, Кухарский. *Exempla terrent!* В Среме, в Иллирии, в небольших городках, деревушках, монастырях и т.д. откроется Вам поле, на котором Вы можете собрать для своих будущих нужд иной материал, чем в полустгнивших рукописях, которые кроме того для литературы нашей не пропадут. Таково мое искреннее мнение; впрочем, поступайте, как Вам угодно".¹

Бодянский прислушался к совету, но зиму предпочел провести в Пеште. Затянувшаяся болезнь задержала его отъезд. Шафарик, обеспокоенный состоянием его здоровья, советовал закончить путешествие и вернуться в Москву, а другие страны посетить позднее, будучи профессором. Бодянский решил съездить еще в южнославянские земли. И Шафарик был бесконечно рад каждому его успеху, каждому сообщению об улучшении здоровья. В письме от 29 января 1840 г. он писал: "С удовольствием из письма Вашего я узнал, что путешествие Ваше по Сербии и Срему в литературном отношении не было напрасно: много побывало у Вас в руках старых рукописей и старопечатных книг, Вы их просмотрели, описали. Изданию Сборника сербских грамот радуюсь: моему изданию, если оно когда-либо и осуществится, это издание ничуть не помешает и не повредит. Я имею в виду издать кое-что совершенно иное, нежели одни грамоты. Т.о. отлично сделали, что издали то, что собрали".²

Занимаясь под руководством чешского ученого, Бодянский был близко знаком с кругом его научных интересов. Шафарик в эти годы работал над "Славянским народописанием". Он просит Бодянского переписать латинскими буквами две украин-

¹ Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М.Бодянскому (1838-1857). - ЧОИДР, 1896, кн.2, стр.125-126.

² Там же, стр.136.

ских песни, так как ему необходимо "иметь писанный по-чешски образчик настоящего малорусского народного выговора". Вслед за этим следует просьба прислать еще копии украинских песен из разных областей, передать русские песни в московском произношении и т.д. Для главы об украинской литературе Шафарик просит своего друга раскрыть псевдонимы. Более того, по признанию самого чешского ученого,¹ украинский и белорусский отделы в "Славянском народописании" были написаны в значительной мере на основе народных песен и сообщений Бодянского. В письме от 30 апреля 1842 г. Шафарик пишет ему: "Ваша же помощь останется для меня навсегда приятной и драгоценной".²

В сентябре 1842 г. Бодянский возвращается в Москву и в звании экстраординарного профессора занимает кафедру истории и литературы славянских наречий. Впоследствии он вспоминал: "Никогда не забуду той торжественной для него и меня минуты, когда он (т.е. Погодин - С.С.) увидел меня в первый раз на учительском сиденье. "Слава богу, слава богу! Цель наша достигнута - славяноведение водворено в первопрестольной, а через нее и в целой, даст бог, России", сказал он во всеуслышание, обнимая и целуя меня при всех в моей аудитории".³ Из далекой Праги молодого профессора сердечно приветствовал Шафарик: "Дай бог успеха и удачи на славянской кафедре! Нужды велики, велики ожидания: постарайтесь выполнить мужественно свои обязанности".⁴

Поделиться своей радостью Бодянский спешит прежде всего с чешскими друзьями. Он пишет Ганке: "Слава богу, славянство у нас идет как нельзя лучше и желаннее, особенно в нашем отделении! Студенты так и лезут, как говорится, очер-

¹ Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М.Бодянскому (1838-1857). - ЧОИДР, 1896, кн.2, стр.144.

² Там же, стр.145.

³ О. Б о д я н с к и й, В память М.П.Погодина. - ЧОИДР, 1877, кн.3, стр.2.

⁴ Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М.Бодянскому (1838-1857). - ЧОИДР, 1896, кн.2, стр.149.

тя голову, на все славянское. Ждут не дожудся прихода книг. Испытания университетские по части моего предмета (именно в Славянском народописании, которое теперь мною выдается отдельною книжкою на русском, и при ней карта в чешском подлиннике, Славянских древностей (I-ый период) и переводе с чешского на русский) выпали как нельзя лучше. Дай бог, чтобы они всегда так совершались, если уже нельзя будет краснее! Просто молодежь изумила всех присутствовавших своей сметливостью и понятливостью в объяснении чешского подлинника!"^I

На одном из экзаменов присутствовал К. Гавличек-Боровский, живший в то время в Москве. В письме от 3 мая 1843 г. он писал: "Бодянский преподает в нынешнем году "Славянские древности" и "Народописание" по Шафарику и чешский язык. Итак, Москва была первым городом в мире, где "Славянская карта" (*Zeměvid slovanský*) *ex officio* висела на доске и где *ex officio* студенты учились по трудам Шафарика. Неисповедимы судьбы божины! Шафарика в Москве знают лучше, чем в Праге; он сам, конечно, и не думал о том, что его книга, едва известная в Праге, за 250 миль от Праги сделается учебником. На экзамене каждый студент должен отвечать на один вопрос из "Древностей", на один из "Народописания", и кроме того читать, переводить и делать грамматические объяснения странички какой-нибудь чешской книги. Сегодня, 3-го мая, я был приглашен Бодянским на экзамен. Это было для меня таким наслаждением, какого я давно не испытывал... Студенты словно в колбасу крошили шафариковские "Древности" и "Народописание"; Бодянский беспрестанно повторял "прекрасно", "превосходно"... Но когда студенты взялись за чешские книги, чешские книги, которых не знают в Праге и которые там валяются только в магазинах, когда эти руссы и поляки (в здешнем университете третья часть студентов поляки) начали читать и переводить — я просто очутился на пятом небе: лицо

^I Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, Варшава, 1905, стр. 113.

мое от радости сияло, как луна".¹

Бодянский предполагал дать студентам широкое славистическое образование. В письме к Ганке он так обрисовывал круг своих чтений: "Цель моя — каждый год преподавать один из главных славянских языков и несколько самоближайших к нему второстепенных, чтобы таким образом доставить слушателям своим нечто целое в своем роде, присоединяя к язычному изучению также историческое, т.е. деписание народа и его письменности. Четыре-пять лет составляют полный курс славяноведения по упомянутому способу, который завершится сравнительной грамматикой всех славянских наречий. Эта последняя, мне кажется, тогда только может быть истинно на своем месте в кругу славяноведения и тогда только принесет верную пользу слушающим ее, когда они вперед познакомились хорошенько уже с многими наречиями и, следовательно, могут с успехом следить за сравнением и снесением подобного с подобным и т.д., поверить сейчас слова своего наставника, а не слепо верить его вещаниям и мучить свою память сухими и без того непонятными примерами и объяснениями. Сравнительная грамматика, по мне, всегда должна быть венцом изучения многих родственных наречий, плодом этого изучения и вместе с тем лучшею наградой оногo".²

В такой постановке преподавания славистических дисциплин, несомненно, сказалось влияние Шафарика. Дело в том, что в 1841 году Шафарик предлагали славянскую кафедру в Берлинском университете, но тот после некоторых раздумий отказался от этого предложения. Тем не менее его пригласили в Берлин, чтобы он помог выработать программу преподавания славяноведения. В результате этого были написаны "Мысли о постановке изучения славянских языков в прусских университетах", которые сразу же были сообщены и Погодину с предложением воспользоваться высказанными замечаниями.

¹ Два письма К. Гавличка из Москвы. — "Славянский ежегодник", 1877, стр. 185—187; К. Н. В о г о в а к у, *Obrazy z Rusi, Praha, 1953, str. 9—12.*

² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, стр. II3—II4.

В своей записке Шафарик писал, что без знания хотя бы одного славянского языка нельзя преподавать сравнительную грамматику этих языков. Он предлагал ввести: 1) подготовительный (низший) курс, в котором студенты занимались бы изучением грамматик русского, чешского и сербского языков, а также чтением образцов по хрестоматии; 2) высший курс, куда должно входить преподавание сравнительно-исторической грамматики и чтение славянской исторической хрестоматии. Все обучение должно завершаться историей славянской литературы, так как одно изучение грамматики без чтения памятников, без интереса к литературным произведениям не дает хорошего знания языка.

Шафарик очень хотел, чтобы его предложения были учтены и в университетах России. Об этом он неоднократно спрашивает Погодина,¹ об этом напоминает Бодянскому.² Однако в России советами Шафарика не воспользовались. Общей программы выработано не было, все предоставлялось на личное усмотрение преподавателей. Правда, система занятий Бодянского и Прейса имела довольно много общего со взглядами чешского ученого.

Шафарик особенно подчеркивал необходимость составления учебных пособий по славноведению. В свое время Бодянский из-за болезни не смог посетить Болгарию, Македонию и Черногорию. Вернувшись в Москву, он мечтает о новом путешествии.

¹ Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. II. Письма П.И.Шафарика, с приложениями, стр. 331.

² Ср. письмо от 31 декабря 1843 г.: "Радуюсь, что у Вас преподавание и обучение идет так успешно. Хорошо сделаете, если с самого начала будете давать больше молока, нежели тяжелой неудобоваримой пищи. Не забывайте, что мы начинатели. Я бы на Вашем месте преподавал историю всеславянской литературы (в очерках), из сравнительной грамматики только важнейшее о наречиях чешском и сербском, затем объяснял бы некоторые из лучших плодов литературы, напр. Краледворскую рукопись, сербские и иллирийские стихотворения, а в подробности наречий и наречий, не говоря уже о поднаречиях и поднаречьях, вовсе бы не пускался. Достаточно отворить дверь и указать путь: кто захочет быть славянским филологом, пусть сам идет дальше". - ЧОИДР, 1896, кн. 2, стр. 161-162.

Шафарик немедленно ему пишет: "С неудовольствием понял я из Вашего письма, что Вы уже опять помышляете о путешествии. Не время для этого. Кстати будет лет через пять или десять. Другие труды теперь нужны, которых в дороге не сделаем. Подумайте: ведь книг нет для профессоров славистики. От кого же, поистине, ожидать, требовать, если не от Вас, Прейса, Срезневского, Челаковского?"¹ Заметив, что Бодянский слишком увлекается изданием памятников, он снова ему напоминает: "Что меня касается, признаюсь откровенно, что я бы радовался больше, если бы Вы вместе с гг. Прейсом и Срезневским взялись за составление учебных книг для славянских кафедр: сравнительной грамматики, хрестоматии, истории литератур славянских, антологии из народных песен и т.д. Если эти книги не будут составлены профессорами славянской литературы, кому их составлять? Когда Вы, Прейс и Срезневский подготовите нам славянских филологов, тогда уж и с изданием старых памятников пойдет дело успешнее. Чем больше работников, тем больше будет сделано".²

Очевидно, под влиянием пражского слависта Бодянский 6 февраля 1843 г. писал Срезневскому: "Вообще я теперь хлопочу об издании "учебника" по своей части. Учебники, по моему мнению, должно нам прежде всего выпустить в свет, если хотим, чтобы любовь или хоть какое-нибудь расположение наших новых слушателей не остыло к славноведению. Иначе горе нам и нашему предмету! Попадет он, чего доброго, в ряд восточных языков на Руси, и тогда пиши пропало! Да и возможно ли иначе, коли нет под рукою никаких пособий и средств к усвоению того, о чем мы с такой ревностью и настойчивостью проповедуем, так раскрашиваем и бог знает как

¹ Там же, стр.149. Ср. также: "Как идет дело с Вашими работами? Чем теперь особенно занимаетесь? Чего прежде всего мы можем от Вас ждать? Сядьте над нашей скудостью в учебных книгах и потрудитесь над хорошей хрестоматией, собранием (избранных) народных песен, сравнительной грамматикой и т.д. Этого от вас, профессоров славистики, ожидает (ученый) мир". Там же, стр.152.

² Там же, стр.158.

умасливаем? По крайней мере я отказываюсь от всех прочих замыслов и затей года на два, чтобы только сколько же будет в моей власти удовлетворить этому справедливому требованию своих слушателей. Намереваюсь по осени приступить к печатанию грамматики чешского и лужицкого языков (верхнего и нижнего). Попытаюсь сам что-нибудь составить; само собой разумеется, воспользуюсь всем сделанным до меня по крайнему своему разумению".¹

Однако наши первые слависты учебных пособий не создали — было проведено слишком мало подготовительной работы. Кроме того, постоянно открывались новые памятники, которые надо было издавать и изучать. Этому много времени уделял и Бодянский, несмотря на большую занятость в университете и по редактированию "Чтений Общества истории и древностей российских" (им было издано около 100 книг). Шафарик, занятый в то время составлением исторической карты, вторым томом "Славянских древностей" и историей славянских литератур, не мог не проявлять к этому самого живого интереса. 11 декабря 1842 г. он пишет: "Издание Манассиной летописи одобряю. Вообще — каталогов старославянских или кирилловских книг у нас уже много, в том числе есть и хорошие; текстов же до сих пор издано мало".² Шафарик непосредственно указывает тексты, которые было бы желательно видеть опубликованными, а Бодянский сразу стремится осуществить эти предложения. Например, 17 мая 1855 г. пражский ученый выразил сожаление, что до сих пор целиком не напечатано Житие св. Мефодия, а в середине июня получил сообщение о подготовке к изданию не только житий Кирилла и Мефодия, но и Изборника 1073 года. По предложению Шафарика было издано также Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Ексарха болгарского ("Чтения", 1877, кн.4).

¹ ЦГАЛИ, ф.436, оп.1, ед.хр.1168, л.14.

² Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М.Бодянскому (1838-1857), стр.150.

Бодянский, стремясь к палеографической точности, издавал памятники слово в слово, строка в строку, без разделений слов интервалом, как в подлиннике. К каждому памятнику он мечтал приложить словарь и грамматику. Шафарик никак не мог с этим согласиться. Он считал, что при издании памятников необходимо сохранить точное правописание, раскрыть все сокращения, ввести логическую пунктуацию, разделить текст на книги и главы, т.е. другими словами, печатать не текст, а свое чтение текста.¹ 31 октября 1847 года он писал: "Что касается грамматик и словарей к Иоанну экз. и иным, то я этого сочинения не одобряю. Кто делает к каждому писателю, к каждому сочинению грамматики и словари? Был бы это бесконечный, напрасный труд. Нужно только: 1) обзор н е о б ы ч н ы х , в других сочинениях не встречающихся г р а м м а т и ч е с к и х ф о р м , 2) словарь неизвестных из других памятников, темных слов. Это можно уместить на нескольких листах. Это во всяком случае полезно и нужно. Отдельной грамматики и словарей заслуживают только писца в литературе, напр. Ульфила в готской и т.д."² Но особенно Шафарик подчеркивал, что "главное — издать точно и верно. А это не мелочь!"³ Но в отличие от изданий Востокова и Калайдовича этого как раз не хватало Бодянскому.

В середине 40-х гг. у Шафарика появляется мысль создать новый кирилловский шрифт для печатания древних памятников. Он писал Бодянскому: "При нынешнем скверном и мерзком кирилловском шрифте никогда, никогда славянский церковный язык не приобретет расположения у людей со вкусом. Сколько бы этим гадким шрифтом ни печаталось, все останется мертвым плодом. Новый шрифт должен быть в эстетическом отношении совершен, красив, так чтобы сердце радовалось, когда упадет взор на печатную книгу. За основу должны были быть

¹ Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М.Бодянскому (1838-1857), стр.222-223.

² Там же, стр.197.

³ Там же, стр.38.

приняты не только славянские рукописи XI стол., но и греческие IX столетия".¹ Ученый вложил в это дело много труда: работа с гравером, переписка и обсуждение образцов с Погодиным и Бодянским отнимали уйму времени. Наконец к концу 1847 года шрифт был готов. Он носит имя создателя и считается самым красивым славянским шрифтом.

Особенно много Бодянский сделал для перевода чешской научной литературы на русский язык.² Как уже говорилось, он начал заниматься этим еще до отъезда за границу. В 1842 году Шафарик издал "Славянское народописание", в котором поставил перед собой задачу сообщить сведения о современном славянском мире. В книге дается классификация славянских языков, территория их распространения, число носителей, приводятся образцы народных песен, диалектов, краткий обзор литературы, характеризуются соседние языки и народы. При написании своей книги Шафарик использовал труды и сообщения многих русских ученых, например, Срезневского, Бодянского, В.Григоровича, Сахарова, Надеждина, Максимовича, И.Григоровича, Кеппена и других. З.Недлы отмечал: "Шафарик не только впервые описал все славянские народы, но и показал величие славянства, то, что славяне являются самым большим народом в Европе. Тем самым он высоко поднял самосознание славянских народов, и чешского, что снова и намного выше оценивает наша эпоха".³ П.И.Кушнер считает Шафарика основоположником демографической статистики европейских стран. Историко-этнографический комплексный метод пражского слависта стал после революции широко применяться советскими этнографами при изучении этногенеза советских народов.⁴

¹ Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М.Бодянскому (1838-1857), стр.189.

² Полную библиографию переводов см. в книге: Н.А. Кондратов, Осип Максимович Бодянский, изд. МГУ, 1956, стр. 60-62.

³ Z. N e j e d l ý, Dějiny českého národa I, Praha, 1949, str. 79.

⁴ П.И.Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы. - Труды Института этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая, новая серия, т.ХУ, 1951, стр.15, 110.

Погодин в "Москвитянине" первым тепло приветствовал появление "Славянского народописания". Он писал: "Недавно в Праге вышла Славянская этнография Шафарика с картою: все издание разошлось в два дня так, что не осталось ни одного экземпляра. Так сильно было впечатление, произведенное этим сочинением. Мы надеемся представить нашим читателям отчет в этом замечательнейшем явлении современной славянской литературы. Этнография Шафарика есть плод многолетних его трудов и предлагает географическую основу для истории славянства от самых отдаленных до наших времен".¹

Шафарик очень хотелось сразу же познакомить со своим трудом и русского читателя. Но встал вопрос о переводчике. Бодянский в это время лечился в Фрейвальдау. Тем не менее, он сам предложил сделать перевод после возвращения в Москву. Шафарик настоятельно убеждает его не затягивать дело. В письме от 9 октября 1842 г. он пишет: "Прошу Вас, получивши 2 изд. моего "Народописа" не медлить с переводом его на русский, но поохотнее взяться за дело. Некоторые мелкие ошибки в русском отделе можете молча сами исправить. 3-го издания ждать было бы долго, а книжка может и так, как она есть, сослужить добрую службу. Помните, что к совершенству приходим только постепенно, а кто хочет все сразу в совершенстве сделать, тот становится Фабием Кунктатором (напр., наш Киреевский) и никогда ничего не доведет до конца".²

Бодянский, высоко ценивший этот труд,³ действительно серьезно взялся за дело, и в 1843 году перевод был закончен. Первоначально он был напечатан в "Москвитянине" (1843, № I-Y), а затем вышел отдельной книгой. Наши журналы встретили появление новой работы Шафарика теплыми отзывами. Рецензент "Со-

¹ "Москвитянин", 1842, № 7, стр. 232.

² Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М. Бодянскому (1838-1857), стр. 146.

³ В послесловии к переводу он писал: "Итак, славяне достигли своего Народописания, от самого Шафарика, первого современного историка их давно прошедших дней, преданий старины глубокой", первого знатока и двигателя славянства у западных и южных собратий наших". ("Москвитянин", 1843, ч. III, № 5, стр. 115).

временника" отмечал, что труды отца славянской филологии И.Добровского ("явление беспримерное в летописях славянской литературы") создали целую школу. "В числе учеников, получивших в школе Добровского филологическое направление, одно из первых, почетнейших мест принадлежит Шафарiku — имя, которое успело уже со славой обойти Европу. В объятности и силе деятельности он едва ли уступает Добровскому. В одном даже превосходит его: труды г. Шафарика теснее связаны с современными потребностями славян, представляя полные, систематические отчеты о предметах, возбуждающих наше любопытство".¹ Ознакомив читателей с содержанием книги Шафарика, рецензент заключает: "Распространяться в похвалах прекрасному труду его считаем излишним, даже неучтывым пред просвещенным читателем. Кроме того, похвалы были бы виною пред скромным автором, который требует другой награды — указания на недостатки в частях и целом".² Высоко отзывался о "Славянском народописании" и рецензент "Отечественных записок". "Не имея чести, — писал он, — разделить все убеждения преданнейших почитателей всякой славянины, мы охотно отдадим должную честь этому, достойному всякого уважения труду знаменитого славянского филолога. Для тех, которые желают посвятить себя подробнейшему изучению славянского "говора" во всех его многообразных разветвлениях, "Славянское народописание" Шафарика должно служить первым и надежнейшим руководителем".³ Одновременно выражалась благодарность Бодянскому за ознакомление с новым трудом Шафарика и в то же время отмечалось, что перевод является дословно-верным, напоминающим подлинник, с излишней склонностью к пуризму.⁴ Однако справедливость требует отметить,

¹ "Современник", 1843, т. XXXII, стр. 346.

² Там же, стр. 350-351.

³ "Отечественные записки", 1843, т. XXX, стр. 26-27.

⁴ Об этом же писал сам Шафарик переводчику: "Русские на Вас жалуются, что опять чересчур буквально и недостаточно чисто по-русски переводите Народопис, так же, как и Древности. Это не хорошо. Ваша публика и так испорчена, а потому Вы не

что в технике перевода Бодянский сделал большие успехи по сравнению со "Славянскими древностями".

В последующие годы Бодянский перевел работы Шафарика "Обозрение древнейшей истории славян сербских", "О древнеславянских, именно кирилловских типографиях в южнославянских землях и прилежащих им краях, т.е. в Сербии, Босне, Герцеговине, Черной Горе, Венеции, Валахии и Седмигрии, в XV, XVI и XVII стол.", "О Свароге, боге языческих славян", "Об имени и положении города Винеты, иначе Юмина, Юлина, Иомсбурга", "Расцвет славянской письменности в Булгарии", "Образование слов удвоением корня", а также ряд исследований Палацкого.

Переводческая деятельность Бодянского имела большое значение как с точки зрения укрепления дружбы ученых двух стран, так и с точки зрения истории русского языкознания. Ни на один язык труды Шафарика так много не переводились, как на русский. Русскими переводами пользовались и в других славянских землях (например, в Болгарии). Так дружба и сотрудничество двух ученых способствовали научному обогащению многих народов.

П.И. Прейс (1810-1846)

Петр Иванович Прейс родился в 1810 году в Пскове в семье учителя музыки, чеха по национальности. Он рано лишился отца и должен был сам заботиться о матери и своем образовании. О его детстве и первоначальном воспитании не сохранилось никаких сведений. Известно только, что семья была бедная и что с 13 лет у Прейса начинают проявляться филологические наклонности и любовь к русскому языку. Он поступил

должны бы отталкивать ее от чтения серьезных вещей шероховатостью формы. Скорее поправляйте и мой слог, где он недостаточно гладок и плавлен. Приспособляйтесь к требованиям и желаниям Вашего общества; иначе, напрасно будете трудиться: читать не станут". Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М. Бодянскому (1838-1857), стр. 155.

в Петербургский университет и проучился на историко-филологическом факультете три с половиной года. В 1828 году (за полгода до окончательного экзамена) он был вынужден из-за тяжелой болезни матери оставить университет и уехать из Петербурга. В мае того же года Прейс получил назначение младшим учителем русского языка в Дерптской гимназии, а 10 октября 1837 г. его перевели на должность старшего учителя.

Десятилетнее пребывание в Дерпте (Тарту) не пропало для Прейса даром. Еще в Петербурге он приобрел основательные знания по древним языкам, с жадностью читал и перечитывал все, что мог достать в Публичной библиотеке по русской и славянской филологии. В Дерпте научные интересы Прейса получили дальнейшее развитие.

В октябре 1827 года по проекту академика Паррота было решено при Дерптском университете создать Профессорский институт, чтобы готовить кадры преподавателей для других русских университетов. Попечители Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского учебных округов получили распоряжение найти способных студентов, кандидатов и магистров и направить их на три года в Дерпт. Из 28 кандидатов отобрали 19 человек. Среди них были друг Прейса по Петербургскому университету М.С.Куторга, П.Н.Шкляревский, А.И.Чивилев, П.Д.Калмыков и другие. В 1830 и 1832 гг. 15 воспитанников были направлены для продолжения образования в Берлин и Вену. В январе 1838 года Профессорский институт был упразднен, а слушателей его назначили адъюнктами в русские университеты. Естественно, что Прейс поддерживал самые тесные контакты со многими питомцами института. "Своим добрым нравом, мирною прямою отношениями, светлым умом и основательными знаниями он приобрел себе в Дерпте общее уважение людей науки, молодых и старых, как тамошних, так и приезжих русских. Дружественно сблизился он там и с теми молодыми русскими учеными, которые были приняты в так называвшийся Профессорский институт".^I

^I И.И.Срезневский, На память об И.М.Бодянском, В.И.Григоровиче и П.И.Прейсе, первых преподавателях славянской филологии. — Сборник ОРЯС, т.ХVIII, № 6, 1878, стр.5.

В университетской библиотеке, благодаря стараниям известного профессора Эверса, было богатое собрание книг по славяноведению. Изучение литератур и древностей славян стало здесь любимым занятием Преиса. Этому было посвящено все свободное время. Он основательно познакомился с древнерусским, церковнославянским, чешским, польским, сербским языками, литературой и историей. Изучение трудов Добровского, Копитара, Востокова, Гримма ввело в круг проблем сравнительного языкознания.

Кроме непосредственного пополнения своих знаний, Преис стал в тартуский период готовиться и к самостоятельным исследованиям. Правда, напечатать ему удалось довольно мало. Это "Книги, изданные на немецком языке, по славянской истории и древностям" (ЖМНП, 1839, ч. XXI, XXIII), а также переводы статьи Шафарика "Изображение Чернобога в Бамберге" (ЖМНП, 1838, ч. XVIII) и "О волоках Нестора" из "Славянских древностей" (ЖМНП, 1837, ч. XIV).

В эти же годы Преис начал писать большую работу "Мысли о языке, его происхождении и познании", оставшуюся незаконченной. В ней дается обзор всех основных теорий происхождения языка. Но главный интерес представляет заключительная часть рукописи, в которой автор выступает против априоризма логической грамматики. Он пишет: "Весьма уважаемые философы ошибаются, стараясь воспроизвести язык *a priori*. В исследованиях лингвистических прежде всего должно обратить внимание на звук, а потом уже на мысль, понятие, выражаемое звуком. Исследования *a priori* имеют тот важный, существенный недостаток, что они основываются большею частью на производе какой-нибудь философической головы. — Вместо того, чтобы рассматривать явления языка как явление, вместо того, чтобы проследивать связь с другими явлениями, вместо того, чтобы отыскивать после этого причины явления, вместо всего этого философические системодельцы, взяв мысль за основание, предписывают грамматике, как она должна вести себя, предсказывают, какие продукты произойдут вследствие той или другой мысли: к счастью, подобные предсказания обыкновенно не сбыв-

ваются, притом теперь прошла пора безотчетного в них верования. Язык, построенный *a priori* никогда не будет произведением языка целого колена народов, но будет произведением одного человека. Только самолюбие философических лингвистов могло породить бездну нелепостей, которые должны были произойти при основной их мысли: их, де, произвольные теории имеют такую необходимость, что историческое исследование должно ниц пасть пред ним. Между тем как с подобными теориями выходит совершенно противное: они не выдерживают проверки, делаемой критической историей языка. Каждый язык был и остается произведением и общим достоянием миллионов, которые, сами того не сознавая, глядели далее, нежели подобные философы, которые позволяют себе вымышлять законы языка, вместо того, чтобы отыскивать их в нем, изучать их и развивать. Из этого следует, что изучение языков тогда только будет успешно, тогда только будет приносить настоящие плоды, когда изучающий оснует свое исследование на эмпирии, когда соберет аналогичные явления в одно целое, покажет их общий источник".¹ Все это писалось в то время, когда логико-грамматические и сравнительно-исторические начала еще довольно мирно уживались друг с другом, когда еще не была опубликована работа В. Гумбольдта "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода" и задолго до появления теоретических трудов Г. Штейнталя, последовательно и непримиримого противника логицизма.

Кроме того, в Дерпте Прейсом была проведена большая подготовительная работа. Заинтересовавшись заимствованиями, он ознакомился с трудами Гримма, Граффа, Циманна, собрал большой материал по иностранным словам в русском языке и славянским заимствованиям в эстонском, венгерском, карельском, мордовском, коми, литовском языках. Лексикологические исследования, изучение истории, древностей и права славян дали богатый материал для составления славянского этимологического словаря, словаря древнерусского языка, для юридического и мифологического сборников, исторической грамматики рус-

¹ Архив АН СССР, ф. 106, оп. I, ед. хр. 145, лл. 15-16.

ского языка и сравнительной грамматики славянских языков.

Сравнивая родственные языки друг с другом, Прейс подчеркивает важность изучения не только их общих черт, но и различий. Он пишет: "Таким образом при этом сличении не тождество, но разность, особенность были главнейшим предметом изучения. Постепенные переходы и изменения, которым язык подвергается в продолжение времени, никогда не бывают повсеместны, никогда вполне не изменяют первобытного его состава: в новом его состоянии всегда остается многое древнее, до которого время не касается. На основании этого некоторые отдельные случаи в новейших диалектах суть исключения, между тем как в ц.сл. они составляют правило. То же самое представляет и грамматическое сличение язык. слав. с родственными: то, что в славянских наречиях представляется явлениями, не имеющими видимой связи и причины в настоящем организме языка, то самое находим в родственных языках в виде закона, правила, вполне развитого. И вот другая сторона необходимости сравнительной филологии для полного историко-критического познания нынешних языков. Эти два направления нисколько не мешают одно другому, ибо дополняют себя взаимно".¹ Мысль об изучении языковых различий в сравнительных исследованиях была высказана Преисом одним из первых. Эта мысль, имеющая важное значение при историческом изучении конкретных языков, была наиболее полно реализована А.Шлейхером в 1861 г. в "Компендиуме сравнительной грамматики индогерманских языков". Таким образом, из учителя гимназии с течением времени формировался серьезный ученый.

Годы шли. Дерптские друзья, окончив Профессорский институт, уехали в Россию и заняли кафедры в университетах. Но они не забывали Преиса. В начале 1837 года Куторга предлагает ему место старшего учителя во 2-м кадетском корпусе. Однако, трезво взвесив все обстоятельства, Преис решил от-

¹ Письма П.И.Преиса к М.С.Куторге, И.И.Срезневскому, П.О.Шэфарику, Куршату и друг. (1836-1846). - "Живая старина", 1890, вып.2, стр.119-120.

казаться от этого предложения, главным образом по материальным соображениям. Вскоре ему представился другой, более счастливый случай.

17 сентября 1837 года министерство народного просвещения направило циркуляр попечителям Петербургского, Казанского и Харьковского учебных округов, в котором предлагало найти способных молодых людей для отправки на два года за границу с целью подготовки к профессорскому званию по кафедре истории и литературы славянских наречий. Когда этот вопрос обсуждался в Петербургском университете, то профессора историко-филологического факультета Устрялов, Куторга, Порошин и юрист Калмыков, хорошо знавшие Прейса и высоко ценившие его способности, рекомендовали Совету университета его кандидатуру.

19 февраля 1838 г. Прейс обратился к попечителю Петербургского учебного округа М. Дундукову-Корсакову с просьбой предоставить ему возможность заняться любимым делом — изучением литературы и древностей славянских народов. Однако для посылаемых за границу было поставлено одно обязательное условие: иметь по крайней мере степень магистра. У Прейса же не был закончен даже университет. Поэтому по предписанию министра народного просвещения он был уволен с должности старшего учителя и причислен к Петербургскому университету с тем, чтобы по истечении года выдержал экзамен на степень магистра.^I

^I В связи с отъездом из Тарту Прейсу был выдан аттестат следующего содержания: "По указу его императорского величества дан сей аттестат титулярному советнику Петру Ивановичу Прейсу в том, что он русский подданный сын иностранца бывшего учителя музыки, в службу вступил учителем русского языка при Дерптской гимназии 12 мая 1828 года; указом правительствующего сената от 22-го генваря 1834 года за № 276 произведен в титулярные советники со старшинством с 12-го мая 1831 года; за усердие к службе получил благодарность попечителя Дерптского учебного округа 24 февраля 1837; на открывшуюся вакансию помещен старшим учителем русского языка и словесности при Дерптской гимназии 10 октября 1837 года. Во время службы своей аттестовался всегда способным и к повышению чина достойным; в штрафах, под судом, в отпуску и в отставке не был, от роду двадцати восьми лет; холост, римско-католического исповедания. —

В связи с этим попечитель Петербургского учебного округа обратился к Востокову 5 июля 1838 года со следующим письмом: "Бывший старший учитель Дерпт. гимназии Прейс по разрешению г. министра народ. просв. предназначается для занятия при здешнем университете кафедры истории и литературы славянских наречий, по приобретению им нужных для того сведений. Дабы доставить ему возможность усовершенствоваться в избранном им предмете, г. министру угодно было, согласно с представлением моим, поручить его руководству Вашему, в течение одного года, с тем что если он заслужит одобрение Ваше и выдержит экзамен на степень магистра, то имеет быть отправлен для дальнейшего изучения слав. наречий за границу. Зная любовь Вашу к русскому слову и готовность Вашу способствовать его успехам, я обращаюсь к Вам, м.г., с покорнейшею просьбою принять г. Прейса под особенное Ваше попечение и напутствовать его на избранном им поприще просвещенными Вашими советами, по истечении же года доставить мне заключение Ваше о его занятиях".¹

Теперь главным предметом занятий Прейса стал церковно-славянский язык и его взаимодействие с другими славянскими языками. Он много занимался изучением древних памятников, особенно хроник Манассия и Георгия Амартола, эпических и лирических песен у разных славянских народов, а также познакомился с новейшими работами по сравнительному языкознанию (Бопп, Графф, Кун и др.).

Востоков высоко оценил успехи своего ученика. В письме к попечителю учебного округа он писал: "Об успехах занятий г. Прейса я могу засвидетельствовать, что при поруче-

Ныне же от должности старшего учителя в Дерптской гимназии уволен осмнадцатого июня сего 1838 года для причисления его, согласно предписанию г. министра народного просвещения от 10 июня сего же года за № 6499 к С.Петербургскому университету". ЦГИА СССР, ф.405, оп.1, ед.хр.2, л.295.

¹ Переписка А.Х.Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И.Срезневского, стр.465.

нии Вашим сиятельством в июле прошлого 1838 года сего молодого человека моему руководству, я нашел его весьма хорошо уже приготовленным к тому поприщу, которое он избрал, и потому мне легко было руководить его к приобретению дальнейших познаний ему нужных. Он прилежно занимался в и.П.б-ке и в Р.муз. по моему указанию чтением древнейших слов. рукописей и выписками из оных, и надеюсь, что в сии девять месяцев он немало приумножил свой запас славянского языкознания, который ему теперь остается дополнить предстоящим ему путешествием. После одного г. П. без сомнения (будет) способнее всех занять кафедру истории и литературы сл. наречий при СПб. университете".¹

Но предполагавшийся экзамен не состоялся. Выяснилось, что Прейс должен сначала держать экзамен на степень кандидата, а для этого надо было сдавать все предметы историко-филологического факультета. После подачи прошения ему позволили заниматься избранным предметом, а вопрос о приобретении ученых степеней был отложен до возвращения из заграничного путешествия.

Предстояло составить программу путешествия. План Бодянского отличался широтой, размахом, но не выделял главного предмета занятий. Поэтому, с одной стороны, было включено много побочных и второстепенных задач (например, просмотр бумаг в Венеции, имеющих отношение к Крыму, и под.), а, с другой, явно ощущалось несоответствие между отведенным временем и запланированным объемом работы. Поэтому Прейс, хотя и опирался на план Бодянского, сделал его более конкретным и целенаправленным. Он считал, что отправляющийся в славянские земли обязан иметь в виду исключительно изучение славянских языков и литератур. Древности, история, палеография, пересмотр архивов и под. не должны его отвлекать от главной цели. Поэтому нет необходимости посещать такие места, где славянское население исчезло и остались лишь одни историче-

¹ Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского, стр. 466.

ские памятники. Тем самым можно сэкономить время для путешествия по славянским землям. Далее Прейс отмечал, что в последнее время сравнительная филология сделала огромные успехи. Теперь основная задача состоит не в том, чтобы отыскать общее в сравниваемых языках. Гораздо важнее определить их различия, особенности развития отдельных языков. Прейс решил начать свое путешествие с Кенигсберга, затем посетить Данциг, Берлин, Силезию, Саксонию, Моравию, Чехию, Вену, южнославянские земли и Венецию. Такой план был полностью одобрен Востоковым.

Прейс покинул Петербург в сентябре 1839 г. и через Дерпт, Ригу, Тильзит направился в Кенигсберг. Здесь он остановился на более длительное время, чтобы заняться изучением литовского языка, "которого знание сделалось необходимою для филолога славянского".^I Его учителем был Куршат, будущий известный составитель грамматики и словаря литовского языка. Большую помощь оказывал и проф. Реза, по отзыву Прейса, "первый в Европе знаток литовского языка".

Поскольку литовский язык долгое время считался смешанным, то Прейса заинтересовал вопрос, все ли явления в нем находятся в органической связи между собою или объясняются только с помощью других языков. Тщательное изучение литовского языка показало, что он в грамматическом и лексическом отношении есть результат внутреннего развития ("органическое произведение народа, не заимствование, не насильственное вторжение чуждого элемента"). Об этом говорит тот факт, что все явления объясняются системой (организмом) самого языка. Однако Прейс различает в литовском языке два слоя: более древний и более новый. Это объясняется тем, что язык в своем развитии подвергался изменениям, которые не распространились на весь его состав. В позднейших новообразованиях Прейс отмечает поразительное сходство со славянскими языками. Но он отказывается объяснить причины такого сходства,

^I П. И. Прейс, Донесение г. министру народного просвещения, из Кенигсберга от 1 марта (17 февраля) 1840 г. - ЖМНП, 1840, ч. XXVI, стр. 17.

т.е. кроются ли они в развитии самого языка или во внешнем влиянии. Тем не менее, исследователь стремится показать отношения литовского и славянских языков, отмечает звуковые соответствия, особенно в области гласных, сходство в склонении существительных, приводит многочисленные примеры русских заимствований.

В январе 1840 г. Прейс из Кенигсберга направился в Данциг, так как его заинтересовало сообщение польского филолога Мронговиуса¹ о том, что язык кашубов во многом сходен с языком русским. Чтобы выяснить этот вопрос, Прейс отмечает фонетические, грамматические и лексические особенности языка кашубов, сравнивает их с данными польского и отчасти других славянских языков. В результате он приходит к следующему заключению: "Как лексикограф, г. Мронговиус более обращал внимания на слова: действительно, многих слов, существующих еще в кашубском, нет в языке польском; другие являются в формах, не свойственных сему последнему. Эта сторона вопроса получила перевес в мнении г. Мронговиуса; он слишком большое придал значение некоторым несущественным отступлениям от польского. Главное: им совершенно были упущены из виду те признаки, которые отличают наречия восточные от западных. Рассматриваемый с этой точки зрения, язык кашубов ни малейшего не представляет сходства с русским; весь его состав не дозволяет сомневаться, что это отрасль диалекта лехитов".²

¹ Прейс в письме Куторге писал: "Из ученых с удовольствием упомяну о добром старике, который прозывается Mrongowius, известный польский лексикограф. Я ему очень многим обязан в отношении к своей цели. Любовь его к своему предмету превышает всякое описание. Несмотря на то, что почти 8 десятков лет покоятся на его могучих плечах, он еще бодр, свеж и юношески деятелен. Его чрезвычайно обрадовало мое посещение: я виделся с ним ежедневно". Письма П.И.Преяса к М.С.Куторге... - "Живая старина", 1890, вып.2, стр.132.

² П. П р е й с, Донесение г. министру народного просвещения, из Берлина, от 20 июня 1840 года. - ЖМНП, 1840, ч. XXVIII, стр.2.

В начале апреля 1840 г. Прейс приехал в Берлин. Здесь главным предметом его занятий стало сравнительное языковедение. Особенно большое значение имели беседы с Боппом. В своем "Донесении" Прейс писал: "Профессор Бопп в круг своих сравнительных изучений включил и церковнославянский диалект, и предложил совершенно новый взгляд на характер грамматических форм славянских языков. Очень естественно, что некоторые стороны этого предмета не могли быть им исследованы с надлежащей точностью. Профессор Бопп преимущественно руководствовался Грамматиком Добровского; она служила ему главнейшим источником. Ему совершенно были неизвестны открытия, которыми славянская филология обязана А.Х.Востокову. Я почел приятной обязанностью познакомить его с результатами изысканий русского ученого. Они или оправдывали предположения профессора Боппа, или вели к новым соображениям. Профессор Бопп сожалеет, что не мог вовремя воспользоваться трудами А.Х.Востокова, и обещал однако ж впоследствии сделать из них употребление. Другой недостаток труда профессора Боппа, недостаток неизбежный, заключается в том, что при исследованиях своих он не имел в распоряжении тех важных пособий, которые доставляет сравнительное изучение славянских наречий. Я осмелился предложить ему несколько письменных замечаний относительно этого предмета. Г.Бопп принял их с лестным для меня отзывом".¹

Интересно отметить, что позднее все эти факты были высоко оценены В.И.Ламанским. В одной из рецензий он писал:

¹ П. П р е й с, Донесение г. министру народного просвещения, из Берлина, от 20 июня 1840 года, стр.23. Ср. также письмо Куторге: "С Боппом я сошелся также очень хорошо, несмотря на то, что весь мой разговор составлял оппозицию его мнению. Замечания мои на его Сравнительную грамматику я доставил ему письменно; он был ими очень доволен. Из Праги, как только удосужусь, пошлю ему еще несколько замечаний, как кажется, дельных, тем более, что в Берлине я мог писать только при помощи моей памяти. Притом, теперь вышел первый том его санскритского словаря, в котором он дал место и славянским языкам. Нельзя же оставить без Gegenbeispiele". Письма П.И.Прейса к М.С.Куторге... - "Живая старина", 1891, вып.III, стр.4.

"Мы, конечно, высоко ценим заслуги Буслаева, однако не можем согласиться с замечанием г. Пыпина, будто этот ученый является у нас первым представителем историко-сравнительного языковедения (стр.77). Первым настоящим филологом нового направления был у нас ровесник Боппа и Гримма А.Х.Востоков, вторым же, бесспорно, — его ученик П.И.Прейс. Его отчеты о литовском языке и о русских в нем словах, о кашубском наречии, о Хорсе и других чужих божествах у славян русских, его критические замечания на грамматику Боппа, самолично им врученные автору в нач. 1840-го г., его трехлетнее преподавание в нашем университете не должны быть забываемы при оценке почтенного, но в значительной степени комплиментного труда Буслаева: О преподавании отечественного языка 1844".¹

Кроме сравнительного языковедения, в Берлине Прейс занимался разбором рукописей, послуживши источником словарей Беринды и Поликарпова, а также изучением древностей Отечественного музея.

В Галле Прейса в первую очередь интересовали Потт и Гезениус. В письме Куторге он писал: "Мы уже в Галле, где я приятно провел время ... в беседе с Поттом, с которым я очень часто сходился. Мы представляли из себя школу взаимного обучения в лицах. Потт не только человек знающий, но и человек с решительным филологическим дарованием; притом превосходная душа... Во все пребывание мое в Галле я посещал лекции Гезениуса: у него постоянно около 300 слушателей. Ныне он объясняет Книгу Бытия и читает еще еврейскую археологию. Лекции его чрезвычайно поучительны. Жаль, что он диктует, всеобщей моде подражая. — Впрочем дома он еще интереснее, чем на лекциях".²

¹ В.Л.Аманыский, (рец.) А.Н.Пыпин, История русской этнографии, т.II. — "Живая старина", 1890, вып.II, стр.219.

² Письма П.И.Прейса М.С.Куторге... — "Живая старина", 1891, вып.III, стр.5.

Судя по донесению из Праги, Прейс в это время серьезно интересовался проблемами русской мифологии, особенно вопросом о божествах, которые были предметом поклонения в Киеве во времена язычества. Это Хорс, Регл, Мокошь, Сим. Некоторые из этих исследований (прежде всего о Хорсе), включенных в донесение, в свое время считались образцовыми. Сам автор с удовлетворением отмечал: "Мои догадки не только объясняют место у Нестора, но вместе с тем озаряют неожиданным светом некоторые стороны истории арийских народов. При всем том я еще недоволен своими исследованиями. Предмет очень сложный и требует изысканий многосторонних, которыми я и занимаюсь неутомимо. Надеюсь этим оказать некоторую услугу русской истории, мифологии и славянской истории вообще".¹ Проведя филологический анализ названий древних божеств, Прейс пришел к выводу, что они были заимствованы славянскими племенами, обитавшими на юге Руси, в весьма древнюю эпоху. Но от какого из арийских племен произошло это заимствование, пока сказать нельзя, так как при решении данного вопроса встречается много трудностей.²

В августе 1840 г. Прейс прибыл в Прагу — город, который произвел на него неизгладимое впечатление и любовь к которому он сохранил на всю жизнь.³

О своих первых шагах и первых знакомствах в Праге Прейс писал Куторге: "Первым моим делом было отыскать Шафарика, который ласково меня принял, так как и прочие здешние литераторы, особенно кавалер ордена св. Владимира (Ган-

¹ Письма П.И.Прейса к М.С.Куторге... — "Живая старина", 1891, вып. III, стр. 5.

² Позднее мысль Прейса о Хорсе, как заимствованном славянами божестве развивал О. Бодянский в статье "Об одном прологе библиотеки Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств Хорса и Дажьбога" (ЧОИИР, 1846, кн. 2).

³ Ср. его письмо к Ганке: "При этом нельзя не подумать о богатствах Праги. Все есть: чего хочешь, того и просишь! Любители музыки, филологи, юристы, историки — все выезжают из Праги с запасом на целую жизнь. Но Прага, как все истинно прекрасное, обладает чувством скромности: не должно оскорблять его". Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, Варшава, 1905, стр. 869.

ка. - С.С.). - Ты спросишь меня, как мне понравились прагские ученые? Пока я ими очень доволен. Всех более мне полюбился Шафарик, человек в высшей степени скромный, полный души и сердца и вовсе не фанатик, каким его изображают многие из наших. Я вижу с ним каждый день, сообщая ему замечания свои насчет его труда. Он принимает спокойно, видя, что я изучал его труд глубже, нежели его панегиристы. Он часто спрашивает моего мнения о некоторых мнениях, изложенных им в разных его сочинениях. Я отвечаю ему, как меня бог создал, прямо, откровенно, о чем не имею положительного мнения, говорю, что не изучил еще этого предмета.

Другой ученый, с которым я также ежедневно схожусь за обедом, это Палацкий - глубоко изучивший историю Богемии и пока единственный ее знаток. Он сожалеет, что здесь он ведет об истории Богемии монолог с самим собой: некому передать своих мыслей, нет людей, от которых бы мог услышать *Gegenbemerkungen*. Сверх того Палацкий отличный знаток искусства. Теперь он печатает древние акты на богемском языке: это совершенно новая материя.

О Челаковском говорили мне, что он насмешник, сатирик; по мне это добрый весельчак, что, разумеется, нельзя сказать о Шафарике, которого бог не благословил здоровьем, необходимым для его тяжелых трудов. От этого он несколько пасмурен, но не тяжел".¹

Действительно, из всех чешских ученых Прейс ближе всего сошелся с Шафариком, о котором был очень высокого мнения. "За исключением Кугманна и Пресля, - писал он, - никто в Богемии с ним не выдержит сравнения как лицо нравственное".² В обществе Шафарика Прейс часто гулял по окрестностям Праги. Они вместе прочитали "Славянские древности", и молодой ученый почти на каждой странице делал замечаний, поправки, дополнения. В октябре 1840 г. Шафарик писал Погодину: "Wir etymologisieren und philologisieren mit Preis je-

¹ Письма П.И.Преиса к М.С.Куторге... - "Живая старина", 1891, вып. III, стр. 8.

² Там же, стр. 10.

den Abend regelmässig".¹ Знания Прейса, его аналитический ум произвели на Шафарика такое сильное впечатление, что он нередко называл его "вторым Восточовым".² Летом 1889 г. его сын Войтех рассказывал Кочубинскому: "Шафарик любил повторять, что Прейс - замечательная голова, что наука от него может ожидать многого".³

Если Шафарик был для Прейса образцом человека и ученого, то его отношение к Ганке было несколько сложнее. Он понимал, что Ганку нельзя ставить в один ряд с выдающимися учеными, какими были Добровский, Югманн, Палацкий, Шафарик и др., подсмеивался над его некоторыми слабостями, называя кавалером ордена св. Владимира. Но в то же время Прейс не мог не оценить любви Ганки к русским, его гостеприимства и искренней заботы о каждом приезжавшем из России. (Сам Ганка иногда в шутку называл себя "русским консулом de facto".) Поэтому нередко письма Прейса полны чувств признательности и благодарности к Ганке. Ср. письмо из Вены: "У меня на сердце лежит другая обязанность: я должен принести Вам мою искреннюю, душевную благодарность за трогательную готовность к услугам, за радужный прием, за дружеское расположение, за ... Но Вы думаете легко перечислить все, чем мы обязаны Вам, особенно я. Стоит мне только подумать о последних днях моего пребывания в Праге, вспомнить о том, что Вы сделали для меня! Вы верно будете недовольны мною, что я коснулся этого предмета, но мог ли я молчать?"⁴

¹ Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). П. Письма П.И.Шафарика, с приложениями, стр.279.

² Ср. "In ihm ist euch, unbemerkt und unbewusst von der Welt, ein zweiter Wostokow erwachsen. Macte virtute". Там же, стр.274.

³ А.А.Кочубинский и Граф С.Г.Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов. - "Вестник Европы", 1896, № 8, стр.473.

⁴ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, стр.869.

В Праге Прейс много занимался изучением чешского и болгарского языка, а также древних рукописей, собирая материал для грамматического, лексикологического, мифологического и юридического сборников. Шафарик, просмотрев эти материалы, остался очень доволен, особенно старославянским и древнерусским словарями, из которых сделал выписки и для себя.¹

Но будучи "археологом" в науке, Прейс не чуждался общественной жизни, стремился познать характер славянского возрождения,² внимательно знакомился с чешской литературой и театром. Особенно его возмущало тяжелое положение чешского театра, который мог давать представления только по воскресеньям и в большие праздники от 4 до 6 часов, а с мая по сентябрь вообще не работал. Из тогдашних актеров он особенно выделял Манетинскую. После одного из спектаклей он пишет Срезневскому: "Манетинская играла так, что и Вы бы не в состоянии были описать ее игры: Bitte um Verzeihung! Блажен, кто молча был поэтом... Вы подумаете: она превзошла самую себя. Нимало! Она была естественна. Но как? А так, что Вы должны были думать, что это не театр, а действительность, что Вы на сцене, что это Ваши знакомые. Вы не можете рукоплескать: это не водится в обществе с знакомыми".³ И далее

¹ Ср. также воспоминания Срезневского: "Несколько месяцев провели мы вместе с ним в Праге, сходясь с пражскими учеными. Все они дорожили указаниями и мнениями Прейса. Шафарик между прочим обильно пользовался его извлечениями из древних церковнославянских памятников и указателями его к Славянским древностям самого Шафарика и к некоторым трудам Я.Гримма. Пользовался его указаниями и Челаковский, и Палацкий, и некоторые другие. Ему и я обязан, как первому советнику, знанием первых приемов, как заниматься древними рукописями". И.И.Срезневский, На память о И.М.Бодянском, В.И.Григоровиче и П.И.Прейсе..., стр.8.

² В одной из записных книжек Прейса имеется такая запись: "Цель деятельности славян не есть произвести что-либо новое, переворот. — Нет! Узнать себя, познакомиться друг с другом, вытребовать уважение от них, удержать слабых от нереальности и колебания, от потери отечества — словом — обеспечить свое существование". Архив АН СССР, ф.106, оп.1, № 264, л.277.

³ Письма П.И.Прейса к М.С.Куторге... — "Живая старина", 1891, вып. III, стр.14.

Прейс продолжает: "Минуты незабываемые! И так я жил несколько часов в свободном, непринужденном обществе чехов. Зачем Вас не было! Все знавшие Вас, томилась по Вас: живо представляли себе Ваш восторг... Я потерял свой центр, равновесие и по окончании представления бросился целовать Вячеслава Вячеславича. — Подтверждаю еще раз, если я забыл сказать, что все это шло так естественно, было так просто, как — сравнение не ложится под перо — как народная песня. Не преувеличиваю, если говорю, что я не был в театре, я был в обществе добрых, веселых знакомых. — Да — славыне одарены необыкновенным, чудодейственным общественным талантом. — Может быть, в этом таланте, как в зерне, лежит их будущность".^I

В ноябре 1840 г. в Прагу вернулся Срезневский. Здесь между двумя молодыми учеными зародилась крепкая дружба и взаимные симпатии. Срезневский писал своей матери (1.1. 1841 г.): "На земле тут, в Праге, я очень благодарен Прейсу. Товарищ по трудам, он сделался моим товарищем и в жизни. Не проходит дня, чтобы мы не видались друг с другом по крайней мере однажды: всегда вместе обедаем и после обеда идем в кофейню. *Zwey Russen, dva Russy*: это в Праге вроде сиамских близнецов. В гостинице вместе, в кофейне вместе, в театре вместе, гуляют вместе: *Zwey Russen, dva Russy*. И вдобавок смеются, беспрестанно смеются, хохочут. Чтобы не забыть ничего: и влюблены вместе. Да, влюблены, в одно и то же существо, и в ответ на невыгодное слово одного из них об этом существе, другой кричит "зарезу!" Даже хотели (да не успели) сделать этому существу один общий подарок. — Шутки в сторону: сближение с Петр. Ив. Прейсом меня утешает. Относительно способа занятий мы различны (он называет меня человеком жизни, наблюдателем, — я его человеком книги, искателем); но это не мешает нашей связи, скрепляет ее еще более. Шафарик сказал однажды Прейсу: "Как бы хо-

^I Письма П.И.Прейса к М.С.Куторге... — "Живая старина", 1891, вып. III, стр. 15.

рошо Вам вместе путешествовать по Сербии и Болгарии: Вы бы покопались в библиотеках, он бы побродил между народом!" Я, без сомнения, не прочь от этого; но едва ли это случится".¹

Из Праги Прейс хотел поехать в Вену, а оттуда в Крайну, Загреб и затем Болгарию. Но в это время он получил письмо от Срезневского, в котором тот предлагал путешествовать по Сербии вместе с Вуком Караджичем.²

В начале марта Прейс был в Вене. Здесь он встретил Караджича, Палацкого, Копитара, Надеждина и Княжевича (попечитель Одесского учебного округа). Но особенно он был рад встрече с Вуком — "добрейшим, любезнейшим и умнейшим человеком в мире".³ С Копитаром они виделись два-три раза, так как тот был болен. Но несмотря на болезнь, он ежедневно давал распоряжения о выдаче ему нужных материалов. Копитар сообщил Прейсу и об одной ценной болгарской рукописи (Почтения о втором пришествии, Жития святых Николая и Георгия, Два слова Иоанна Златоуста). Но друзьями они не стали. Несомненно, на Прейса оказало влияние неприязненное отношение к Копитару пражских славистов, во многом несправедливое.

¹ Путевые письма И.И.Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839-1842). — "Живая старина", 1893, вып. I, стр.20-21. Ср. также отрывок из письма Прейса: "Срезневский, к большому моему удовольствию, находится в Праге. Я очень доволен им: мы дополняем друг друга. Он любит настоящее, занимается более народом, этнографией вообще; я же — как известно — стариною, прошедшим. — Настоящее преимущественно интересует меня тогда, когда оно объясняет прошедшее". Письма П.И.Прейса к М.С.Куторге... — "Живая старина", 1891, вып. III, стр.12.

² Для Прейса это была большая радость. "Что может быть прелестнее того, что нам предстоит? Кажется, нас любит небо: разве это не дар неба — возможность путешествовать с Вуком. Вук — "огријано сунце"; сербские песни — Иллиада нашего времени, сербский язык — прелесть прелестей". Письма П.И.Прейса к М.С.Куторге... — "Живая старина", 1891, вып. III, стр.21.

³ Там же, стр.26.

В Вене Прейс занимался в основном в библиотеках, изучая славянские рукописи. Им были исследованы Толковая псалтырь Афанасия; рукопись, заключающая в себе Деяния апостольские и канонические послания; сборник статей духовного содержания и другие. Наблюдения над церковнославянскими памятниками, проведенные в Дрездене, Праге и Вене, позволили Преису сделать ряд важных выводов относительно особенностей новоболгарского языка, а также подчеркнуть значение трудов Востокова для изучения языка старославянского.

В "Донесении" из Загреба Прейс отмечает, что сложные судьбы, которые претерпел церковнославянский язык у разных славянских народов в течение нескольких веков, вызвали у ученых ряд вопросов и прежде всего вопрос о том, был ли язык церковных книг когда-нибудь в живом употреблении и где именно. Источники сведений о славянских первоучителях довольно скудны, неясны и допускают различные толкования. Недостаточно изучены и современные славянские языки, так как т.н. филологические грамматики ограничивались только речью образцовых писателей, считая все остальное грубым, неправильным, испорченным чернью. Кроме того, многие ученые не всегда прибегали к рукописям — единственному источнику древнеславянского языка. Но даже там, где исследовались рукописи, не ставился вопрос о времени и месте их создания. Вследствие этого многие работы даже выдающихся ученых старались антикритическим подходом. Неустойчивое правописание, противоречивые грамматические особенности нередко приводили к мысли, что язык церковных книг был только языком письменным, что на нем никогда и нигде не говорили. До 1820 года никто не знал характерных особенностей церковнославянского языка, не имел ясного понятия об его отношении к нынешним языкам и диалектам.

При таком состоянии науки появляется "Рассуждение о славянском языке" Востокова, которое Прейс очень высоко ценил. "Открытие, сделанное в 1820 году, составляют без сомнения эпоху в общеславянской филологии. — Эти открытия были оценены и для самого Добровского. Он узнал об них уже по от-

печатании своих "Institutiones linguae slavicae" и с о-
ж а л е л, что Грамматика его вышла в свет слишком рано".¹
И далее: "В первый раз, в очерке кратком, но полном, по
крайней мере для людей любознательных, явилось все органи-
ческое единство древнейшего письменного языка: все чудное,
все, что нарушало это единство, устранилось само собою.
Оказалось, что этот язык составлен из одной массы, все при-
ставки — "затеи" ли людей княжских или приливы из родствен-
ных диалектов — означались так ясно, что и простому глазу
нельзя было их не заметить. С открытием органического един-
ства в древнейшем литературном языке открылась и отрадная
перспектива на диалекты, коих письменность не восходит до
столь отдаленной эпохи".²

Переходы от одного народа к другому, старославянский
язык принимал в свой состав многое из других славянских язы-
ков и в то же время оставлял в них глубокие следы. Востоков
определил особенности языка древнейших памятников и показал
его судьбу в России. Добровский и Шафарик подробно исследо-
вали особенности сербского языка, вошедшие в тексты священ-
ного писания и другие памятники. Слабее были изучены болгар-
ские кодексы, которые часто смешивались с сербскими. Поэтому
неясным оставался вопрос, в каком отношении находится язык
позднейших болгарских рукописей к языку старославянскому в
его древнейшем составе. По наблюдениям Прейса, изменения
старославянского языка в болгарских рукописях носят иной ка-
рактер, чем в памятниках русских и сербских. "Тот и другой,
русский и сербин, или списывали механически, или прислушива-
лись к своему народному диалекту. Нередко однако они соеди-
няли в одном слове свой выговор с церк.-слав. правописанием.
Другое представляется в рукописях чисто болгарских: здесь
произвол заключен в теснейшие пределы; язык ровнее, однооб-
разнее, правописание последовательнее".³ Далее Прейс отмеча-

¹ П. П р е й с, Донесение г. министру народного просвещения
из Загреба от 10 ноября 1841 г. — ЖМНП, 1842, ч. XXXIII,
стр. 50.

² Т а м ж е, стр. 51.

³ Т а м ж е, стр. 54.

ет особенности позднейших болгарских кодексов, которыми они отличаются от памятников древнейшей эпохи, в падежных формах существительных, прилагательных, местоимений, в личных формах глагола.

Таким образом, продолжая традиции виднейших славистов (Добровского, Востокова, Шафарика), Прейс одним из первых пытается выяснить судьбы старославянского языка в Болгарии, как бы намечая тем самым тематику будущих исследований Биллярского.¹

В конце марта 1841 года Прейс выехал из Вены и направился в Штирию и Крайну. Вечером 5 мая он прибыл в Триест. Через три дня туда же приехал Срезневский. Чтобы не терять напрасно времени в ожидании Караджича и Княжевича, они отправились в Венецию и провели там четыре дня, осматривая достопримечательности города. Потом они вместе путешествовали по Истрии, Далмации, Черногории, Хорватии, островам Адриатического моря. Путешествие было исключительно трудным. Пришлось передвигаться то пешком по каменистым тропам, то верхом на лошади, то на барке по морю. Гостиницы попадались редко и только в городах. Спасала доброта и приветливость местных жителей.

Прейс особенно радовался развитию просвещения в Хорватии и Сербии (создание новых типографий, выпуск газет и журналов, открытие читален, театров, организация учено-литературного общества и т.д.). Он писал Куторге: "Не забудь еще, что все это творится усилиями ч а с т н ы х людей и большей частью людей не богатых, не без борьбы со старым поколением и с неприятелями разного звания и происхождения. Все это вместе веселит душу, особенно когда видишь, как общество выигрывает при этом движении, как жизнь, некогда пьяную, обжорную, буйную заменяет жизнь с требованиями удовольствий благородных, утонченных".²

¹ См. П.С.Б и л я р с к и й, Судьбы церковного языка. Историко-филологические исследования. I-II, СПб., 1847-1848.

² Письма П.И.Прейса к М.С.Куторге... - "Живая старина", 1891, вып. III, стр. 41.

Осенью 1841 г. Прейс заболел. К этому добавились и другие заботы. Он все чаще стал задумываться о своем будущем, без состояния и без той первой ученой степени, без которой невозможно было дальнейшее продвижение. Профессором он стать не мог, а оставаться вечным лектором, зная свои возможности, не хотелось. Это безвыходное положение его пугало. Преодолевая недомогание, он совершил еще поездку по Сербии и Венгрии. Но работать по-прежнему уже нигде не мог. Тогда Прейс решил ехать в Банску-Бистрицу, несмотря на лихорадку и ломоту в костях. Здесь несколько подлечившись, он двинулся через Краков в Варшаву, где провел около недели.

Из Кракова Прейс пишет последнее донесение министру народного просвещения, которое вошло в историю лингвистики под названием "О глагольской письменности".^I

Вопрос о происхождении славянского письма — кириллицы и глаголицы и их взаимоотношениях — уже давно волновал многих ученых. Еще в начале XIX века Добровский высказал мнение, что глаголица была создана не ранее XIII века в Далмации для поддержания славянской литургии. Это мнение просуществовало до 30-х гг. XIX в., когда Востоков в кирилловских рукописях XI в. обнаружил глаголические буквы. Тогда же был открыт новый глаголический памятник Ключевы отрывки (изданы Копитаром в 1836 г.). Древность этого памятника, а также наличие глаголических букв в древнейших кирилловских рукописях заставили Копитара пересмотреть точку зрения Добровского. Он пришел к выводу, что обе азбуки были у славян уже в древности в одинаковом употреблении. Однако глаголица древнее, она была создана самими славянами, в то время как кириллица заимствована от греков.

^I Позднее донесения Преяса были очень высоко оценены Срезневским: "Отчеты эти, давая ясное понятие о научной требовательности, руководившей Преяса во время путешествия, вместе с тем представили по изучению славянства столь драгоценные сообщения, что ими нельзя было не воспользоваться как важным пособием. Не утратили они своего достоинства и теперь, несмотря на множество открытий по всем отраслям науки, в них затронутым". И.И.Срезневский и др. На память о И.М.Бодянском, В.И.Григоровиче и П.И.Прейсе, стр.7.

В этот спор двух крупнейших ученых затем были вовлечены и русские исследователи. Одним из первых выступил Прејс. По его мнению, доказательства Копитара не устраняют всех трудностей. Глаголица могла быть известна в Болгарии, но мало вероятно, чтобы она была там общепотребительна. Зачем в таком случае нужно было Кириллу изобретать новый алфавит, который мог стать только препятствием в их начинаниях. Отдельные же глаголические буквы в кирилловских памятниках объясняются прикотью писцов. Ведь нередко в кирилловских памятниках встречаются знаки неизвестного происхождения, в глаголических рукописях — латинские буквы и т.д. Под чертами и резами, о которых говорит Крабр, нельзя понимать глаголические буквы, так как они больше походят на живопись, чем простое начертание. Копитар также бездоказательно считает, что глаголица — славянский алфавит, а кириллица — греко-славянский. Судя по целому ряду знаков, они в равной степени оба греческие. При этом кириллица была образцом глаголицы. В самой Далмации до XIII века не упоминается ни слова о глаголическом алфавите, в то время как употребление кириллицы не подлежит никакому сомнению.

На основе этих рассуждений Прејс считает более убедительной точку зрения Добровского. Его основное положение сводится к следующему: "Современное употребление в Болгарии двух алфавитов, глагольского и кирилловского, подвержено сильному сомнению. Еще менее имеем причин думать, что первый древнее последнего.

До запрещения кирилло-славянской литургии в Далмации не было необходимости изобретать новый алфавит. Эта необходимость могла родиться около 925 года.

По всем приметам видно, что родина глагольских писем есть приморская Хорватия и что по всей справедливости им принадлежит название хорватского письма.

Греко-славянский алфавит св. Кирилла служил образцом для составителя глагольских писем. Этого еще не опровергли защитники их древности. Они победят, если докажут, что древний состав глагольского алфавита совершенно

преобразовался со времени появления кирилловского алфавита так, что ныне только в немногих буквах сохранилась память древнего глагольского первообраза".¹ Гипотеза Преяса в дальнейшем не получила всеобщего признания.

16 ноября 1842 года Преяс прибыл в Петербург. Самочувствие было незавидным. В Варшаве у него появился сильный кашель.² В дороге недомогание еще более усилилось. К нему присоединилась боль в горле и вследствие этого потеря голоса. Преяс очень искудал и не мог сразу приступить к занятиям. Его вступительная лекция состоялась только во второй половине марта 1843 года. Она была посвящена истории возникновения и задачам славяноведения.

Преяс говорил, что исследование наиболее древних письменных памятников греков, евреев и римлян все настоятельное ставило вопрос о необходимости сравнительного познания. Изучение одного народа вело к изучению другого, третьего и т.д. Следствием этого было появление науки о древностях отдельных народов, исторической грамматики и истории национальных литератур. Историко-филологические исследования, расширяясь в объеме, в XVIII веке коснулись и славян. Ученые, обратившись к средневековым памятникам, стали отыскивать следы германского и византийского влияния на славянские народы. Возник вопрос, что славянами приобретено у других и что принадлежит только им. Это, в первую очередь, вело к изучению самих славян. Таким было начало славянской филологии на Западе.

¹ П. П. р е я с. О глагольской письменности. — ЖМНП, 1843, ч. XXXVII, стр. 203.

² Срезневский, узнав о болезни своего товарища, писал Бодянскому 22.10.1842 года: "Но Преяс — это ужасно. Я не теряю надежды, верю, что еще увижу его здоровым, но когда! Какой месяц здоровья этого человека для меня дороже, нежели год моего. Если я и преувеличиваю его достоинства, то по чувству благодарности к нему: и теперь, занимаясь, я спрашиваю сам себя, что бы об этом подумал Петр Иванович, и становлюсь строже к самому себе; воспоминание об нем, об его чистосердечии в ученых занятиях, всегда обновляет во мне силы". Осип Максимович Бодянский в переписке с учеником. (Письма И. И. Срезневского), 1892, стр. 3.

Но изучением истории славян, их языков и диалектов, права, народной поэзии должны были заняться сами славяне и тем самым раздвинуть границы новой науки. Первым это сделал Добровский. Его сравнительные исследования требовали знакомства с языками всех славянских народов и тем самым вызвали к деятельности ученых в разных славянских землях. Исследуя чешский язык и литературу, Добровский способствовал развитию народного самосознания. Указывая на родство чехов с другими славянскими народами, он открывал перед ними новый мир.

Добровский изучал языки и литературы сами по себе, писал на немецком и латинском языках. Его патристически настроенные последователи, стремясь возвести чешский язык на уровень, соответствующий духовным потребностям того времени, стали писать по-чешски. Это были Юнгмани, Ганка, Челаковский, Палацкий. "Усилиями писателей чешских, словацких одушевление к славянскому делу достигло высшей степени своего развития. Период опасный! Восторженность мало-помалу могла смениться равнодушием, даже холодностью, как часто случается. Потребовали существенного дела — и могучий деятель откликнулся на зов. Ответом Шафарика была прежде всего: "История литературы славян"; за нею последовала Древнейшая история славян и славянская этнография. Вся литературная деятельность Шафарика обращена к тому, чтобы привести в порядок, в систему разбросанный материал, составить обзор прошедшей и настоящей жизни славян. До Шафарика знание литературы, истории и древностей славянских было достоянием немногих ученых; его же труды делают этот предмет общеизвестным. Сверх того, исследование сего ученого, составляя богатый источник изучений, развивают в молодом поколении силы, указывают путь к движению вперед, к близкой уже цели".^I

Славянское возрождение раздвинуло границы славянской филологии. Она стала необходимой при изучении любого славян-

^I Там же, стр. 379.

ского языка и литературы. Кроме того, наступившая новая эпоха потребовала и другого орудия, другой формы выражения — надо было создать новый язык. В России это требование было выполнено Ломоносовым и Карамзиным, в Сербии — Обрадовичем. В Чехии Добровский на основе памятников старины и живого употребления воспроизвел забытый чешский язык. "Итак, наступило время для славян, время богатое своею будущностью, своими последствиями. Отныне каждое племя славянское, начав изучением себя, своей старины и своего теперешнего быта, не останавливается в своем развитии, стремится все далее и далее; силы, некогда в продолжение столетий бывшие без всякого употребления и упражнения, эти силы обращены теперь на делание благое, чистое, достойное человека. — Деятельность юго-западных славян не есть деятельность отдельная, разобщенная, без корня в жизни народа и без приложения к ней. Напротив того, литература постепенно становится выражением, отголоском общества; объем, значение ее растут. Литература мало-помалу силится придти в равновесие с потребностями современной жизни, богатеет более и более средствами удовлетворять этим потребностям".¹ Следовательно, в своей лекции Пре́йс дал правильную оценку деятельности чешских будителей и характера славянского возрождения, хотя и не указал на его социально-экономические корни.

Свои чтения в университете Пре́йс разделил на три отдела: 1) Введение: древнейшее расселение славян в Европе, отношения с соседями, образование славянских государств, принятие христианства; 2) Историческое рассмотрение славянских народов в отношении к судьбам политическим, языку и литературе; 3) Сравнительная грамматика славянских языков и отношение русского языка к другим славянским языкам.

Образ Пре́йса тех лет, как человека и преподавателя, наиболее ярко представлен безымянным автором, опубликовавшим свои воспоминания в журнале "Иллюстрация". Он пишет: "Петр Иванович не отличался ничем особенным в наружном виде; он был небольшого роста, имел довольно длинный греческий, пра-

¹ Там же, стр. 382.

великий нос; большие серые его глаза свидетельствовали о жизненной энергии в его болезненном теле... Лекции Прейса были любопытны только для желающих заниматься его предметом, они были не многоречивы. П.И. старался кратко передавать свое знание, особенно останавливаясь на критике предлагаемых мнений и на объяснении языка русского. История народов болгарского, чешского, польского была им передана и в сжатости с достаточной отчетливостью; в объяснениях Кракедворской рукописи он изложил правила языков польского и чешского; сербский был изучаем в песнях, изданных Вуком Стефановичем Караджичем; особенное внимание было обращено им на язык церковнославянский. Прейс любил говорить о нем и при этом выражал всегда глубокое уважение к трудам академика Востокова, сожалел, что его небольшие сочинения не были замечены славянофилами. Петр Иванович умел увлекать слушавших его интересом предлагаемых к разрешению вопросов и самым способом разрешения их... Обширные сведения Петра Ивановича не лишали его милой ласковости и общительности. Он любил, когда посещали его молодые люди из университета; он дружески давал им драгоценные советы, снабжал книгами из своей богатой библиотеки и охотно делил с ними вечера... Самая искренность бесед уже, казалось, свидетельствовала, что Прейс торопился жить жизнью, которой посвятил себя, и заботился о скорейшей передаче своих мыслей, своих знаний; впрочем, как всегда в этих болезнях, он до последней минуты не терял надежды на выздоровление, хотя ясно уже обнаруживалась близость смерти".¹

Прейса мучила мысль и о дальнейшей судьбе. Звание преподавателя и сравнительно приличный оклад (1000 руб.) несколько его успокоили. Но вопрос о приобретении ученой степени оставался открытым. Новые предметы при недостатке пособий требовали для подготовки много времени. Прейс трудился упорно, собирая материал, но писал мало. В 1844 году

¹Н. П.И. Прейс и В.С. Порошин. — "Иллюстрация", 1848, № 3, стр. 42.

царь по ходатайству министра народного просвещения, учитывая особые обстоятельства Прейса, разрешил ему подвергнуться испытанию прямо на степень магистра. Это его воодушевило и принесло новые заботы. Он начал собирать материал для диссертации. Предметом диссертации Прейс избрал богумильскую ересь и работал над ней весь 1845 г. Работа увлекла его и отняла много сил. Не успев до конца довести труд, он тяжело заболел. Но лежа в постели, Прейс продолжал работать. Несколько толстых тетрадей было им переписано набело, прежде чем он совершенно лишился сил. 2 апреля 1846 г. Прейс написал своему другу: "Мое положение неутешительно: продолжительное тиремное заключение и недостаток движения несколько ослабили меня и особенно подействовали на желудок. Одно, что меня радует, это то, что дрожь, как кажется, оставила меня".¹ Через четыре дня снова: "Мое здоровье и выздоровление зависит от погоды. В эти два дня я выходил, но ветер довольно холодный, очень чувствителен, несмотря на то, что я выхожу вооруженный шубой и проч. С желудком я все еще в разладе: лекарства и прогулки, надеюсь, помирят меня с ним. Тиранка моя в продолжение шести месяцев — дрожь — более недели уже не является. Опухоль с ног спала так, что я не нуждаюсь более в великаянских сапогах, в которых до сих пор должен был выходить".²

Незадолго перед кончиной Прейс переехал на дачу около Кушелевки. Однажды в ясный день он попросил, чтобы его кресло перенесли на балкон. Но пол балкона подломился, и Прейс внезапно опустился почти на полметра. С трудом внесли его обратно в комнату. Потрясение было очень сильным, но больной почувствовал даже облегчение. Однако на другой день, 11 мая 1846 года, его не стало. Друзья и слушатели отдали последний долг уважения и любви, проводив его тело на Смоленское кладбище.

¹ Письма П.И.Прейса к М.С.Куторге... — "Живая старина", 1891, вып. IV, стр. 31.

² Там же.

После Прейса остался большой архив: десятки записных тетрадей, лекции по славянским языкам, церковнославянской грамматике, истории славян в записи самого автора и его слушателей, многочисленные наброски, тысячи карточек со словарными материалами, копии редких рукописей.¹ Все эти бумаги перешли отчасти к Куторге, отчасти Академии (фонд 106), многие заметки проданы вместе с книгами. Труд о богумилах исчез бесследно. Срезневский, ознакомившись с архивом покойного ученого, писал: "Нельзя не желать, чтобы все, уцелевшее от Прейса, было собрано и сделалось собственностью какого-нибудь государственного учреждения, Академии наук, императорской Публичной библиотеки и другого подобного. Все это дорого, как память о замечательном научном деятеле, одного из первых — если не по времени, то по достоинству — учеников Востокова, умевшем соединить в себе уважение к заслугам других и полную самостоятельность мысли и работы, а вместе с тем и как научно важный источник сведений, в некоторых случаях может быть ничем не заменимый. Собственные письма Прейса дороги еще и потому, что дают понятие о нем, как о человеке, глубоко нравственном, добром по природе и по выработке характера в помыслах и в действиях".²

Действительно, судьба оставшихся от Прейса бумаг интересовала многих ученых. В течение 40–50-х гг. в печати неоднократно поднимался вопрос о том, чтобы разобраться в его научном наследии и опубликовать некоторые, наиболее обработанные исследования. Но все намерения остались неосуществленными. В связи с этим Чернышевский, очевидно, слышавший о покойном слависте от Срезневского, с горечью писал: "Прейс — один из первых славянистов Европы, оставил много сочинений; но почти все они хранились еще в рукопи-

¹ См. В.К.Орбелев, Бумаги П.И.Прейса. Из Архива Академии наук. — "Вестник Академии наук СССР", 1932, № 6.

² И.И.Срезневский, На память с И.М.Бодянском, В.И.Григоревиче и П.И.Прейсе, стр.13–14.

си, когда постигла его слишком ранняя смерть. Напечатаны им при жизни были только немногие и небольшие по объему статьи, удивляющие ученостью и глубокомыслием. Важность оставшихся в рукописи трудов его была несомненна. Несколько лет мы постоянно слышали, что рукописи Прейса готовятся к изданию... вот прошло еще десять лет, а еще ни одна строка из них не явилась в печати, да и самые слухи об издании совершенно замолкли".¹ В 1898 году Ламанский опубликовал остатки тех работ Прейса, которые хранились у Куторги.² Кроме того, на основе архивных материалов было написано М.П.Алексеевым интересное исследование "П.И.Прейс в работах над "Словом о полку Игореве". (К 150-летию со дня опубликования "Слова").³

Срезневский свою первую лекцию в Петербургском университете начал следующими словами: "Всходя на эту кафедру, я не могу не вспомнить прежде всего о том, кто еще так недавно был ее украшением и так рано, так незаменимо утрачен для науки и литературы. Я знал Прейса как товарища в путешествии, как друга-советника в занятиях, привык дорожить его умом и ученостью, привык чтить его как умнейшего и образованнейшего из славянских филологов нового поколения, — и чем живее представляю себе его утрату, тем более чувствую трудность быть преемником вполне его достойным. Не одной любовью и усердием к труду выражал он свою силу: в высокой степени обладал он и строгой последовательностью в занятиях и отчетливой методой в исполнении задуманных работ, и ревностью характера, придающей силы всякой деятельности, и сосредоточенной ученостью, всеобозревающей в правильной перспективе, и преданностью к своей науке, сильной как самоотвержение, теплой как вера, самообытной как воля пустытника. Он был лучшею из надежд возникающей науки о славянстве, об-

¹ Н.Г.Чернышевский, Сочинения Т.Н.Грановского. Полное собрание сочинений, т. III, М., 1947, стр. 346.

² См. В.И.Ламанский, Остатки работ П.И.Прейса. — "Живая старина", 1898, вып. III, IV.

³ Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, 1951, вып. 3.

разцом для молодых филологов славянских, образцом, которому столь же легко удивляться, сколько трудно быть равным. Перед этой силой можно невольно, не унывая себя, сознавать свою слабость".¹

И.И.Срезневский (1812-1880)

Измаил Иванович Срезневский родился 1 июня 1812 года в Ярославле. Предки его в течение многих поколений были священниками села Срезнева Рязанской губернии. Дед Измаила Ивановича, имея большую семью, не мог дать детям никакого образования. Они должны были сами пробивать себе дорогу. Два брата (один из них отец И.И.Срезневского) добились профессуры, другие слились с крестьянами.

В 1812 г. отец Срезневского был избран профессором Харьковского университета по кафедре российского красноречия и поэзии. Через шесть лет Иван Евсеевич умер, и воспитание сына целиком легло на плечи матери, которая всегда была для него ближайшим другом и советником. Под влиянием матери Срезневский очень рано полюбил литературу и музыку, в девятилетнем возрасте уже начал писать стихи, а затем стал собирать

¹ Архив АН СССР, ф.216, оп.1, ед.хр.729, л.10. Ср. также высказывание В.И.Ламанского: "В истории славяноведения по времени и по ученой подготовке, по дарованиям и по заслугам, Пре́йс стоит непосредственно за Добровским, Востоковым, Копитаром и Шафариком. В России и вообще в славянстве он является первым по времени крупным ученым в области сравнительного языковедения и первым критиком Болловской грамматики. В России и вообще в славянстве он был и первым ученым знатоком литовского языка. Он же в России является и первым отличным исследователем славянских древностей. Уже в 1843 году ему ясно были разны недочеты, пробелы и недостатки знаменитого труда Шафарика "Славянские древности". Небольшие статьи его о ц.-сл. языке, о среднеболгарском наречии, о глаголической письменности, об эпической поэзии у сербов и проч., явившиеся с полвека тому назад, и теперь должны быть рекомендуемы всем начинающим славистам, как работы образцовые. В этом отношении они разделяют редкую честь в славяноведении, заодно с разными статьями и исследованиями Добровского, с рассуждениями и наблюдениями Востокова". - "Живая старина", 1890, вып.1, стр.108.

и изучать народную поэзию. Четырнадцать лет он поступил в Харьковский университет и в 1829 г. окончил его со степенью кандидата, представив диссертацию "Об обиде". После этого Срезневский несколько лет служил в разных присутственных местах города Харькова и давал уроки в учебных заведениях и частных домах. Одновременно он продолжал заниматься статистикой и политической экономией.

В это время в Харькове существовал круг людей, увлеченных литературой (Квитка-Основьяненко, Гулак-Артемовский и др.). Под их влиянием у Срезневского рано пробудился интерес к старине и народной словесности. В 1831 году он (вместе с И.В.Росковшенко) издал "Украинский альманах", где поместил несколько своих стихотворений и первые записи украинских песен. В 1832 г. выходят "Словацкие песни", записанные у бродячих торговцев-словаков. В следующем году вышла первая часть "Запорожской старины" (II ч. - 1838), где были собраны украинские исторические песни и думы, летописные материалы и записи самого Срезневского о быте запорожцев.

В 1835 г. Срезневский сдал магистерские экзамены и вскоре представил диссертацию "Опыт о сущности и содержании теории в науках политических". После ее успешной защиты в 1837 г. он был назначен адъюнктом Харьковского университета по кафедре политической экономии и статистики. В 1839 г. Срезневский опубликовал книгу "Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно", которую хотел представить в качестве докторской диссертации. Но в совете ее не пропустили, так как многие мысли автора показались слишком необычными.

Осенью 1837 года в Харьков пришло сообщение о том, что необходимо избрать кандидата для отправки в путешествие по славянским землям. Первоначально выбор факультета пал на А.П.Рославского-Петровского. Но мало склонный к славяноведению и больше интересовавшийся историей, статистикой и политической экономией, он представил совету университета неприемлемые условия командировки. Поэтому попечитель Харьков-

ского учебного округа Ю.А.Головкин не утвердил постановления совета и предложил послать за границу Срезневского, который "постоянно и с успехом занимался уже исследованием и изучением некоторых языков, составляющих отрасли славянского".¹ В декабре 1837 года Срезневскому был сделан запрос о его согласии отправиться в славянские земли для приготовления к кафедре славяноведения. Срезневский, уже давно интересовавшийся славянскими языками, литературой и фольклором, с большой радостью принял это предложение.

Как уже говорилось, общий план путешествия был составлен в Московском университете Бодянским. Но в Харькове он был несколько переработан ректором П.П.Гулак-Артемовским в сторону конкретизации задач путешествия² и усиления этнографических изучений. Была составлена также подробная инструкция, точнее определявшая характер занятий молодого ученого. В ней говорилось: "Предмет изучения славянских наречий и литератур, в истинном их ученом значении, еще слишком мало обработан; весьма немного можно встретить ученых, которые по призванию посвятили бы себя этому важному предмету. Как редки в этом отношении ученые, так редки хорошие книги, руководства и пособия по этому роду занятий; а кафедр, учрежденных по этому предмету и собственно для этой цели, кроме России, нигде, кажется, не находится. Все это само собою указывает уже нашему путешественнику на необходимость не столько заимочного, сколько самостоятельного и самопроизводящего способа учения и усовершенствования". Поэтому путешественник в первую очередь должен заниматься практическим изу-

¹ Архив АН СССР, ф.216, оп.2, ед.хр.71, л.4.

² Если Бодянский задачи путешествия понимал слишком широко, то Гулак-Артемовский подчеркивал: "Главное состоит в том, чтоб не обременять его (т.е. путешественника. - С.С.), без нужды, такими поручениями, такими требованиями, которые, не относясь прямо к существенному предмету его назначения, отвлекали бы его только от главной его цели и тем останавливали на пути к желаемому усовершенствованию его". Архив АН СССР, ф.216, оп.2, № 72, л.10.

чением языков, "следить за всеми возможными оттенками изменений их по разным провинциям и в разных сословиях народа". Кроме этого, надо было обратить серьезное внимание на образ жизни домашней и общественной, нравы, обычаи, степень образованности, древние предания и поверья, предрассудки, суеверия, игры, увеселения, одежду, пищу и т.п., а также географию, климат, природу, развитие промышленности и другие стороны жизни славян. Лето рекомендовалось "проводить в путешествии по замечательнейшим и наименее исследованным странам, входить под мирную кровлю поселенца, сдружиться с ним душой и беседовать и выпытать от него все, что только напоминает в нем славянина, не оставляя без замечания и чуждого влияния, которое стерло в нем черты его народного первообраза"; зиму проводить в городах, чтобы там "с помощью библиотек, богатых собраний, в беседе с учеными мужами" "поверить свои наблюдения" и привести в порядок и систему собранные материалы.¹

Срезневский выехал из Харькова 17 сентября 1839 года. Путь его лежал через Москву, Петербург, Ригу, Кенигсберг и Берлин. В Берлине он познакомился с Боппом и прослушал небольшой курс его лекций (с 8 декабря по 27 января). В письме брату 2 января 1840 г. он писал: "Познакомился и сошелся с Боппом, у которого слушаю санскр. грамматику: выучу этимологию да и поезду из Берлина. Бопп помогает мне от души и на лекциях, где бывает не более 4-х человек, особенное внимание обращает на меня, стараясь передать мне и то, что говорил он на прежних лекциях".²

¹ Памяти Измаила Ивановича Срезневского, Пгг., 1916, стр. 98, 16.

² Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839-1842). - "Живая старина", 1892, вып. I, стр. 55. Ср. также: "Из ученых берлинских я сошелся более всего с профессором Боппом, столь справедливо занимающим одно из первых мест между филологами Европы. Обширное знание языков так называемого индогерманского корня, твердая и глубокая мысль и сообразительность, неусыпная деятельность и беспристрастие, добродушие и готовность помогать каждому любителю языкознания, отличают этого ученого и внушают к нему полное уважение. Прилежно посещаю

В конце января Срезневский отправился через Галле, Лейпциг и Дрезден в Прагу. В Галле познакомился с известным немецким лингвистом Поттом. В своем "Донесении" он писал: "В Потте я нашел второго Боппа; та же ученость, то же добродушие, та же искренняя любовь к своему предмету и то же высокое сознание его трудности. Беседы с ним были для меня столько же и приятны, сколько поучительны, и тем более были они для меня приятны, что Потт беспристрастно любит славян, и знает, что славяне сделали и сделают для Европы".¹

4 февраля 1840 года в 8 часов утра Срезневский прибыл в Прагу. Своими чувствами и впечатлениями он сразу же спешит поделиться с горячо любимой матерью. "Мало-помалу стемнело, и месяца было не видно за туманом; но я не переставал глядеть и смотреть. Я был в Богемии: мог ли я спать? Подле Кульма я выскакивал из дилижанса, чтобы лучше видеть поле сражения и три памятника в память этого сражения. Далее добовался я Теплицем, еще далее Лаупом; еще далее всякой деревушкой, потому что всякая хатка напоминала мне Русь. В 7-м часу утра мы подъехали к горам, окружающим Прагу, в 8-м были в Праге. Когда-то сердце мое трепетало, когда я подъезжал к Москве: теперь оно также трепетало. И в самом деле, Прага имеет сходство с Москвою. Чудный город! Не знаю, каким я найду его, когда осмотрю лучше; а теперь он для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самого Берлина. А чего стоит одно то, что, проходя по улице, слышишь славянские звуки и даже московский напев".²

его лекции и утруждая его частыми приходами к нему на дом, я имел счастье пользоваться его вниманием и многим обязан ему как в отношении к современным разысканиям по части общей сравнительной грамматики, так и в отношении сравнения санскритского языка с славянским". И.И. Срезневский, Донесение г. министру народного просвещения из Вены, от 8 (20) февраля 1841 года. - ЖМНП, 1841, ч. XXXI, стр. 13.

¹ И.И. Срезневский, Донесение г. министру народного просвещения из Вены, стр. 14.

² Путевые письма И.И. Срезневского к матери... - "Живая старина", 1892, вып. I, стр. 63.

В тот же день Срезневский направился с визитом к Шафарику и пробыл у него два часа. Хотя один говорил по-чешски, другой — по-русски, они хорошо понимали друг друга. Потом они пошли в чешский театр, а после театра снова к Шафарику, где пили чай, "приготовленный по-русски". Вскоре Срезневский писал матери: "Вот и неделя, как я в Праге, — и дай бог, чтобы все недели прошли в ней для меня так, как прошла эта. Радужно, родственно принимаемый, покойный, здоровый, прилежный, я не мог быть ничем собой недоволен, ни тем менее не мог быть недоволен другими".¹

Жизнь Срезневского в Праге протекала таким образом. Он вставал в 7 часов утра и после завтрака сразу принимался за работу. В три часа приходил Ф. Шумавский, литератор и лексикограф, с которым он занимался чешским языком. Позднее брал уроки также у поэта Челаковского. Вечером ходил в гости к чешским друзьям. Вот отрывок из письма матери от 18 марта 1840 года: "Я по-прежнему по большей части дома: выхожу только к Шафарику, Ганке, Огмманну, Палацкому, Челаковскому, Станьку, Аммерлингу, Коубку, и то часто бываю у трех-четырех в один и тот же вечер. Не забывают и они меня: Ганка заходит раза по два в неделю, и все еще продолжает меня дарить то тем, то другим. Огмманн подарил мне свой словник; Шафарик также приносит мне почти всякий раз что-нибудь новое... У Челаковского я беру уроки ежедневно: он очень хорошо знаком со всеми наречиями славянскими и над сравнительной грамматикой и этимологией трудился очень много".² Под руководством Челаковского он изучал древний и новый чешский язык, Ганка знакомил его с собраниями Чешского музея.

В первую очередь Срезневский должен был овладеть языком практически. Без этого нельзя было приступить к летним походам. Чешский язык ему очень нравился. В письмах он называет его "очень нежным, очень музыкальным". С конца февраля в его

¹ Там же, стр. 63.

² Путевые письма И. И. Срезневского к матери... — "Живая старина", 1892, вып. III, стр. 47.

переписке уже встречаются чехизмы (напр., divadlo, kázání и др.) и число их все время растет. В середине марта он пишет, что начинает говорить по-чешски, но читать еще не выучился. В мае уже сообщает матери: "Ваш сынок, хоть и очень дурно, но все уже говорит по-чешски, следовательно, может начинать свои странствия по Чехии".¹ В июне сообщает из Пльзени: "Здесь мне все говорят, что я прекрасно говорю по-чешски, что выговор имею чешский. "Прекрасно": это слишком много, но сам чувствую, что мне легче говорить по-чешски, нежели по-французски или по-малороссийски. Иное так и думаю по-чешски. Удивляются, как я успел в 3 1/2 месяца".²

В "Донесении министру народного просвещения" Срезневский дает характеристику пражских ученых и их научной деятельности. Он пишет: "Приехавши в Прагу, я поспешил познакомиться с Шафариком, Ганкою, Юнгманном, Челаковским, Палацким, Преслем, Станьком, Амерлингом и другими пражскими славянофилами. Блестящим созвездием они освещают Прагу пред прочими городами Австрийской империи и всего западного славянства. О Шафарике я могу повторить только то, что каждому известно: не знаешь, чему в нем более удивляться, патриархальному ли благородству характера или ученому трудолюбию. В почтенном Ганке каждый русский, как и каждый славянин, находит друга, родного. Его умение находить древние памятники литературы удивительно; что же касается нападок некоторых, осмелившихся предполагать, будто он мог подделывать такие памятники, на них не стоит отвечать: кто незнаком лично с Ганкою, тот может читать то, что он открыл, и убедиться в противном. Старец Юнгмани, воздвигший себе бессмертный памятник "Чешским словарем", продолжает трудиться над его дополнением и готовит второе издание "Истории чешской литературы". Благодарные соотечичи готовят полное издание прочих его сочинений, превосходных и по языку и по глубоко искреннему чувству, их одушевляющему. Он уже старец, но это

¹ Там же, стр. 61.

² Там же, стр. 80.

чувство оживляет его и теперь, и дает силы трудиться для отечества, как трудился он юношей, когда поле новой чешской литературы было пусто и не было еще надежды, что на нем созреет какое-нибудь зерно, когда самого Добровского надобно было уверять, что это возможно. Юнгмани был первым сеятелем, и сеятелем счастливым: ему обязаны чехи тем, что имеют теперь и литературу и любовь к литературе своей. Челаковский, бывший профессор чешской литературы в университете Прагском и занимающий одно из первых мест между современными чешскими поэтами, посвящает большую часть времени на составление этимологического дополнения к Словарию Юнгмана, предполагая в нем объяснить корни и дух производства слов из корней в языке чешском: его проникательность и знание почти всех славянских наречий ручаются за важность этого труда. Другой труд, занимающий Челаковского, есть сравнение пословиц всех славянских народов; можно надеяться, что первая часть этого труда выйдет в свет в непродолжительном времени. Палацкий своею "Историею чешского народа" довольно известен. Жаль, что он медлит ее изданием на чешском языке".¹

Однако самая большая дружба связывала Срезневского с Ганкой. По-разному относились к нему другие русские слависты, разное говорили и думали о нем прагжане, но Срезневский полюбил его всей душой и в течение двадцати лет поддерживал с ним переписку. В альбом Ганки он записал 3 (15) января 1841 года: "Пятидесятичное мое пребывание в Праге родственно сблизило нас друг с другом. Увижу ли Вас, наслажусь ли беседою с Вами еще когда-нибудь, — бог знает; но крайней мере навсегда сохраню в душе глубокое уважение к Вашим заслугам и благодарность за расположение Ваше ко мне, за помощь Вашу в моем изучении Вашего прекрасного чешского языка. Вспомните когда-нибудь любящего Вас И.Срезневского".²

Путешествуя по славянским землям, Срезневский писал Ганке подробные письма, в которых описывал все увиденное:

¹ И.И.Срезневский, Донесение г. министру народного просвещения из Вены, стр.15-16.

² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, стр.945.

новые памятники, особенности различных говоров, своеобразие жизни и быта отдельных районов, встречи с учеными, писателями, общественными деятелями и т.д. Эти письма содержали столько свежих наблюдений, новых фактов, представляли такой большой интерес, что Ганка большинство из них перевел на чешский язык и опубликовал в "Журнале Чешского музея". Позднее такие же письма шли из Харькова и Петербурга, знакомя чешских читателей с новостями научной и литературной жизни России.

В семье Срезневского потом возник своеобразный культ Ганки. Второго сына, родившегося в сентябре 1849 года, он назвал Вячеславом в честь своего друга. В одном из писем в Прагу он писал: "Вячеслав — имя издавна для меня драгоценное. Повторяя имя это, мы не можем не желать, чтобы и он, наш ангел, был таким же, как тот Вячеслав, которого первого узнал я. Уже несколько раз мы называли его и Ганкой, и, вероятно, в семейном кругу нашем имя Ганки останется за ним навсегда. Пожелайте ему со своей стороны, добрый друг, чтобы он не ударил лицом в грязь, будучи Вашим тезкой, и был бы достоин носить Ваше имя".¹ Почти в каждом письме Срезневский пишет о своем сыне и его успехах. 26 февраля 1853 г.: "Мой Вячко в восторге от Ваших подарков: ему еще только т р и года, и потому он сам не может высказать свой восторг; но книжки бережет, как чербер, и с а м догадался, что с Вами надо говорить п о - ч е ш с к и, а он-де не умеет еще по-чешски. Портрет Ваш он знает наизусть и раз, нарядившись в мой орден, воскликнул: теперь я Ганка. Оля моя делает успехи в чешском (ей 7-й год)".² 15 апреля 1853 г.: "Мой Вячко растет на утешение всем: пишу об нем потому, что он и Ваш. Он даже называет себя Ганкой".³ 14 июня 1859 г.: "Вяча Вас целует. Он бредит теперь о сыне: хочет назвать его непременно Вячеславом, чтобы иметь своего Вячеслава Вя-

¹ Письма Вячеславу Ганке из славянских земель, стр. 1062.

² Т а м ж е, стр. 1090-1091.

³ Т а м ж е, стр. 1092.

чехославица. Мы все Вас часто вспоминаем".¹

Шли годы, но дружеские чувства к Ганке не охладевали. Каждый знакомый, который ехал в Чехию, снабжался рекомендательными письмами к Вячеславу Вячеславичу. И их неизменно встречало там самое теплое гостеприимство. В 1855 г., когда А.Ф.Гильфердинг уезжал в Чехию на воды, Срезневский писал Ганке: "Вот уже несколько дней сряду мысль моя часто, часто переносится в Прагу, и Ваше доброе лицо — передо мною, как будто въяве. Много лет прошло с тех пор, как я расстался с Вами, добрейший Вячеслав Вячеславич; но, верно, лета не переменяют чувств, одушевленных прямым убеждением: мне как будто грустно всегда, когда приходится провожать кого-нибудь в Вашу сторону и к Вам".²

Срезневский страстно мечтал снова посетить Чехию, познакомиться с старыми друзьями, познакомиться с ними, особенно с Ганкой, своих детей. 26 января 1860 г. он писал своему другу: "О своей семье уж не говорю: Вы — родной дедушка моим детям. И как бы мне хотелось привести их к Вам, чтобы они узнали и полюбили Вас лично! Когда-то наконец это исполнится!"³ Мечта Срезневского осуществилась летом 1860 года, когда он решил из Дрездена поехать в Прагу. Встреча с Ганкой состоялась. 18 (30) августа Срезневский записал в его альбоме: "Словами я не могу выразить уважения и признательности моей и всей моей семьи. Уверить могу в одном: мы всегда будем Вас любить и помнить".⁴

В январе 1861 года Ганки не стало. Многие русские друзья (А.Н.Пыпин, П.А.Лавровский и др.) помянули его добрым словом. Но для Срезневского это было самой большой утратой. Он посвятил памяти Ганки несколько статей,⁵ воспоминаниями

¹ Письма Вячеславу Ганке из славянских земель, стр.1104.

² Там же, стр.1092-1093.

³ Там же, стр.1104.

⁴ Там же, стр.945.

⁵ См. "В.В.Ганка" (СПб. ведомости, 1861, № 15), "В.В.Ганка" (Северная пчела, 1861, № 12, 15, 23), "Воспоминание о В.В. Ганке" (ИОРЯС, т. IX, 1861), "Обозрение филолого-археологических трудов В.В.Ганки" (ИОРЯС, т. IX, 1861).

о нем начал первую лекцию весеннего семестра, о нем он говорил на заседании Второго отделения Академии наук 13 января 1861 года.

Срезневский никогда особенно не преувеличивал научных заслуг Ганки. В своих воспоминаниях он говорил, что его нельзя ставить в один ряд с выдающимися учеными того времени. Но Ганка был в числе первых представителей национального возрождения и отдал много сил для изучения древностей, описания и издания памятников, пробуждая тем самым в народе силы к новой жизни. При этом "ему казалось также необходимым пробудить в чехах сознание, что они народ не сам по себе, а часть великого народа славянского, народа славного и сильного, и что в этой общей славе и силе должна и чехам принадлежать своя доля, как было когда-то; что им нужно общение с другими славянами, духовное сближение, вместо той оторванности от соплеменников, к которой привели их обстоятельства".¹ С этой целью он много сделал для распространения в своей стране русского языка и знаний о чехах и Чехии среди других славян. Но особенно высоко Срезневский оценивал душевные качества Ганки. "Ни в одном из этих благородных сподвижников, — писал он, — не было такой простоты нрава, такой мирной доступности и простодушной обязательности, такого непринужденного братского сочувствия ко всякому соотечичу, кто бы он ни был, как у Ганки, и поэтому едва ли кто мог бы действовать на месте Ганки так же благотворительно. Другие были выше его ученостью, вкусом, силой характера, а он был выше других добротой, услужливостью, сближаемостью, и вместе с тем силен любовью к родной древности и народности и их знанием".²

Влияние Ганки отразилось и на некоторых научных работах Срезневского. Это прежде всего относится к тем исследованиям, в которых рассматривались "памятники", "открытые" Ганкой. В 1840 г. Срезневский публикует "Извлечения из Краледворской рукописи, касательно религиозных верований и об-

¹ И. И. Срезневский, Воспоминание о В. В. Ганке. — ИОРЯС, т. IX, 1861, стр. 220.

² Там же, стр. 223.

рядов." В этой работе он высоко оценивает Краледворскую рукопись, как драгоценный поэтический памятник старины о старине, который дает много нового и в отношении древней религии славян, а также верований и обычаев чехов-язычников и чехов-христиан. В "Очерках России" Пассека (1838) Срезневский сообщает общие сведения о Зеленогорской рукописи (Суд Либуши), приводит рукопись в подлиннике и русском переводе, дает описание чешской земли во времена Либуши и общественного устройства чехов. В 1847 г. в обширной рецензии приветствует появление книги А.Соколова "Краледворская рукопись и Суд Либуши".

Краледворская и Зеленогорская рукописи широко использовались и в других работах Срезневского, посвященных быту и верованиям языческих славян. Это прежде всего "Об обожании солнца у древних славян" (ЖМНП, 1846, ч.51), "Святылища и обряды языческого богослужения древних славян, по свидетельствам современным и преданиям" (Харьков, 1846), "О языческом веровании древних славян в бессмертие души" (ЖМНП, 1847, ч.53) и др.

Срезневский, разумеется, знал о сомнениях многих ученых (начиная с Добровского и Копитара) в подлинности Краледворской и особенно Зеленогорской рукописи. Но это несколько не поколебало его веры. Даже в 1879 году он пишет работу "Былина о Суде Либуши" (РФВ, № I), ничуть не сомневаясь в ее подлинности, хотя к этому времени появилась уже большая литература, доказывающая литературный подлог.^I Вера в моральную чистоту Ганки была настолько сильна, что Срезневский решился отстаивать и подлинность многих чешских глосс в средневековом словаре "mater verborum", в которую уже, кажется, не верил ни один ученый, особенно после серьезных исследований

^I На русском языке вышли следующие серьезные работы: В.И. Л а м а н с к и й, Новейшие памятники древнечешского языка, ЖМНП, 1879, ч.201-204; В.В.М а к у ш е в, Из чтений о старочешской письменности, "Филологические записки", 1877, вып.2-6; А.С т о р о ж е н к о, Рукописи Зеленогорская и Краледворская, Киев, 1880. В последней работе подробно рассмотрена история открытия и изучения рукописей и спор ученых о их подлинности.

Цатеры и Баума. Эту веру Срезневский передает и своим ученикам, которые тщательно изучают подложные памятники, переводят их, комментируют.

Ламанский в свое время причину такой своеобразной научной слепоты объяснял тем обстоятельством, что для наших славистов тогдашние чешские ученые были прежде всего "живые, более или менее знакомые и близкие люди, при именах коих им тотчас живо вспоминалась вся окружающая их среда, целый мир разнообразных отношений. При этих именах у каждого из первых русских славистов поднимались в душе тысячи представлений и образов, дорогих воспоминаний лучших годов молодости, проведенных за границей, в среде самой сочувственной и дружественной для русского, в самой для него близкой после его родины".¹ Такое объяснение можно признать вполне достоверным, если к этому еще добавить, что ведь в защиту рукописей выступали также Шафарик и Палацкий — корифеи славяноведения, авторитет которых для русских славистов стоял на незыблемой высоте.

Кроме Ганки, близкими друзьями Срезневского в Праге были также Шафарик, Челаковский, Станек, Палацкий, Амерлинг и др. Эрбен посвятил ему трогательные стихи (15.III.1841 г.):

Bud' si Moskva, bud' si Praha:
Jedna jenom vlast nás pojí!
A kdy naše vlast nám dráhá,
Zůstaneme vždycky svoji.²

В свободное время Срезневский любил вместе с ними гулять по Праге, посещать театры, ходить на национальные балы. Его письма к матери полны восхищения столицей Чехии, ее неповто-

¹ В.И.Л а м а н с к и й, Новейшие памятники древнечешского языка. — ЖМНП, 1879, ч.201, стр.139-140.

² ЦГАЛИ, ф.436, оп.1, ед.хр.272. В этом же архиве хранятся стихотворные посвящения Шумавского (ф.436, оп.1, ед.хр.269), Челаковского (ф.436, оп.1, ед.хр.251), Ганки (ф.436, оп.1, ед.хр.102).

римой красотой. 7 апреля 1840 г. он пишет: "Едва ли есть другой город в Европе, который был бы так богат видами, как Прага".¹ 4 мая того же года: "Теперь нельзя не любить Праги: природа, ее окружающая, так прекрасна, так разнообразно картина, что любишься, в какую сторону ни взглянешь".² Особенно его поражала музыкальность пражан. "Прага языком может молчать, но инструментом и гортанью — не в силах, и нет минуты ни днем, ни ночью, когда бы Вы не слышали какой-нибудь мелодии".³

Срезневский охотно посещал чешский театр, особенно в обществе Шафарика или Станька. Его любимой артисткой была Подгорская. В начале апреля 1840 г. он пишет: "Подгорская пела так, что можно было заслушиваться".⁴ 26 апреля: "В четыре часа после обеда пошел в театр. Давали Дон Хуана Моцартова. Театр был довольно полон. И музыканты и актеры исполняли свое дело прекрасно, особенно Подгорская, пражский соловей".⁵

Своими впечатлениями о пражской театральной и литературной жизни Срезневский стремился поделиться и с русскими читателями. В журнале "Отечественные записки" он публикует заметки, в которых рассказывает о новостях в литературе и искусстве.⁶

С наступлением весны Срезневский начал предпринимать небольшие путешествия по Чехии. В мае он вместе со Станьком ездил к его родственникам в деревню. "Радости и приветстви-

¹ Путевые письма И.И.Срезневского к матери... — "Живая старина", 1892, вып. III, стр. 52.

² Там же, стр. 58.

³ Там же, стр. 69.

⁴ Там же, стр. 55.

⁵ Там же, стр. 56.

⁶ См. "Новости литератур славянских", "Отечественные записки", 1840, т. I2; "Славянские новости. — Чешский театр", "Отечественные записки", 1841, т. XIV; позднее: "Взгляд на современное состояние литературы у западных славян". — "Московский литературный и ученый сборник на 1847 год", М., 1847.

ям не было конца, приняли и меня, как родного", — писал он матери.¹

После этого Срезневский посетил Сobotку, где познакомился с Франтишком Ветешником, священником и писателем, много занимавшимся распространением грамоты и книг среди простого народа. В одном из писем он писал: "Я любовался видами, а Ветешник, почтенный, добрый и умный старик, рассказывал мне о житье-бытье чехов и требовал от меня взамен объяснений о России. Он любит ее как родную землю".² Во время этих походов Срезневский познакомился также с поэтами-переводчиками Широм и Махачком в Ичине, Антонином Марком в Либунн и другими. Беседы с ними дали ему новые знания по чешскому языку, литературе, истории, географии и этнографии.

В начале июня 1840 года Срезневский надолго покинул Прагу и отправился в более длительное путешествие. Он посетил Бороун, Пльзень, Клатовы, Страконице, Водняны, Будеевице и затем Вену. В конце июня приезжает в Брно, чтобы "походить пешком по Моравии. Народ сохранил здесь более славянского, нежели в Чехах".³ Здесь Срезневский познакомился с Я.Огералом и получил от него много интересных сведений по этнографии края. Они вместе ездили в Райтградский монастырь для исследования кирилловских приписок в латинском мартирологии IX-X вв. Внимательно осмотрев рукопись, Срезневский обнаружил, что эта часть текста является позднейшей перепиской, а подлинный листок был использован для переплета.

¹ Путевые письма И.И.Срезневского к матери... — "Живая старина", 1892, вып. III, стр.62.

² Там же, стр.74.

³ Там же, стр.93. Ср. также: "Моравия представляла для меня еще более предметов для исследования и изучения. Не столько страдавшая в веках прошедших, менее просвещенная, она сохранила в большей степени свою народность, и представляет ее в отношении к обычаям и языку в столь разнообразных оттенках, что почти в каждом ее углу наблюдатель находит что-нибудь новое, столь же мало известное, сколько и достойное быть известным". Донесение г. министра народного просвещения из Вены, стр.24.

В Брно Срезневский знакомится с моравскими "властёнцами" (патриотами): поэтом и этнографом Ф.Сушилом, поэтом Клацелем, Иодлем, моравским историком Бочком. Здесь он изучает местный диалект^I и совершает путешествие пешком на запад Моравии.

Научную жизнь Брно Срезневский характеризует следующим образом: "Брно не богат, но и не беден славянофилами: там нет только того братства, того единодушия между ними, какое находим в Праге, хотя впрочем и в Праге поколение молодое как-то отделено от старого, и мало хочет и может пользоваться его наставлениями, его опытностью, его ученостю; есть однако несколько лиц, по справедливости пользующихся и уважением и известностю. Ученый археолог и этнограф Моравии Бочек известен своим богатым Моравским дипломатарием, и еще более заслуживает быть известным по своей обширной учености, особенно в отношении к средним векам Чехии, Моравии и окрестных земель. Он собрал множество материалов для составления моравского ономастика; не менее богато и его собрание моравских идиотизмов, большей частью описанных этнографически. Третий том дипломатария уже приготовлен к печатанию. Профессор Жак много и долгое время трудился над чехославянской грамматикой, обратив первый особенное внимание на сближение наречий народных с наречием, господствующим в литературе, и на обработку правил спряжения. Есть надежда, что его Грамматика будет издана еще в нынешнем году. Профессор Клацель есть один из лучших чешских поэтов. Профессор Сушил известен изданием народных моравских песен (вторая книжка издана недавно); он имеет много материалов для продолжения и улучшения своего труда. Профессор Кинский собирает дополнение для Книгманнова Словаря: он был один из первых, начавших вместе с Книгманном трудиться для оживления чешской литературы. Литератор Огерал, писавший впрочем более на немецком языке, занимается этнографией Моравии: я обязан ему за

^I В "Донесении" из Вены он довольно подробно характеризует особенности различных моравских говоров.

доставление многих любопытных сведений в этом отношении".¹

Из Брно Срезневский направился в Оломоуц, где познакомился с известным диалектологом и этнографом А.Шемберой.² Вместе с ним он посетил гапачков, собирая песни, пословицы, предания, записывая диалектную речь. В путевом дневнике у Срезневского записано: "Не знаю, как он, а я сохрани навсегда в душе воспоминания о счастливых днях моих в Оломоуце, и благодарность Шембере. Никто более странника не нуждается в гостеприимстве; а я - в Оломоуце был, как дома".³

После Оломоуца Срезневский поехал в Бреславль, где познакомился с знаменитым физиологом Яном Пуркине. В письме матери он писал: "На другое утро я пошел к профессору Пуркине, к которому был рекомендован Шафариком и Ганкою. Он чех и, как чех, одинок, да и как славянин не много имеет знакомых, потому что и поляки тут все более и более немечатся. Лишь только услышал от меня несколько слов по-чешски, как обнял меня по-отцовски... "Ну, вот такой гость, как ты - дорогой гость".⁴

Профессор Пуркине - замечательный физиолог, энциклопедически образованный человек и большой любитель литературы. Он много сделал для популяризации научных знаний в чешском обществе и ознакомления других народов с важнейшими явлениями чешской литературной и общественной жизни. Под его ру-

¹ И.И.Срезневский, Донесение г. министру народного просвещения из Вены, стр.25-26.

² Ср. отзыв о нем Срезневского: "Еще молодой человек, он лично деятелен и дает прекрасное направление своей деятельности: как профессор, он имеет сильное влияние на своих слушателей, возбуждая их основательно изучать чешский язык, и сам обращает неунынное внимание на изучение моравских народностей". Там же, стр.29.

³ ЦГАЛИ, ф.436, оп.1, ед.хр.17, л.1.

⁴ Путевые письма И.И.Срезневского к матери... - "Живая старина", 1892, вып.III, стр.95. В "Донесении" Срезневский писал: "Профессор Пуркина, столь достойно знаменитый в Германии своими открытиями и трудами по части физиологии и не менее того достойный глубочайшего уважения от всех славян за все славянское сердце и образование, обласкал меня, как родной, и помогал мне чем мог в моих трудах". - ЖМНП, 1841, ч.XXXI, стр.32.

ководством студенты-славяне создали в Бреславле литературное общество. В кругу этих студентов и в беседах с гостеприимным хозяином Срезневский провел две недели.

Совершив длительное путешествие к лужичанам, в начале ноября 1840 г. Срезневский снова возвращается в Прагу. Летние странствия оказались очень полезными и плодотворными. Он познакомился со многими неисследованными славянскими областями, собрал огромный лингвистический, этнографический и фольклорный материал. В середине декабря он писал матери: "Тут могу и похвастаться: теперь не Шафарик мне, а я Шафарика поправляю карты Чехии, Моравии, Силезии, Лужиц, а лужичанин Иордан, составляющий лужицкий словарь, приходит ко мне списывать из моего словаря слова. Без личного посещения всех земель славянских я не буду преподавателем, каким бы хотел быть".¹ В середине января 1841 г. он опять отправился в путь через Градец Кралове, Литомышль в Брно. 23 января был уже в Вене,² покинув на долгие годы любимую и незабываемую Чехию.

Посетив ряд южнославянских и западнославянских земель (Сербию, Хорватию, Словению, Черногорию, Словакию и др.), Срезневский осенью 1842 г. вернулся в Россию. 16 октября он открыл свои чтения в Харьковском университете вступительной лекцией, в которой хотел ответить на вопрос: "Как дошли до мысли, что должно изучать славянство, и в самом ли деле должно изучать славянство?", т.е., другими словами, каковы причины и характер славянского возрождения. С некоторыми утверждениями и оценками автора сейчас, естественно, согласиться не-

¹ Путевые письма И.И.Срезневского к матери... - "Живая старина", 1892, вып.IV, стр.96.

² П.В.Анненков, встретившись со Срезневским в Вене, записал: "Человек этот совершает подвиг европейский: от Балтийского моря и до Адриатического изучает он славянские племена, их наречия, обычаи, песни, предания, и большею частью пешком, по деревням и проселочным дорогам...Он будет обладателем богатейших фактов, с помощью которых и объяснится, наконец, наша народная физиогномия". П.В.Анненков и его друзья, СПб., 1892, стр.138.

льзя. Но лекция не утратила своего исторического значения до сих пор, так как в ней все изложение ведется с позиций очевидца, человека, только что вернувшегося из центра этого движения и на себе испытавшего его немалое влияние.

Срезневский говорил, что славянский вопрос теперь стал вопросом европейским, предметом глубокого размышления и изучения. "Народность и древность славян, их история и география, их ум и язык, их литература и музыка — все, к чему только можно приложить имя славянское, все привлекло к себе внимание; стали писать и читать книги о них, наполнять повременные издания статьями о них, будто о каком новом открытии, которое изменяет ход понятий".¹ Причина заключается в том, что славяне проснулись от своего тяжелого сна, стали думать о себе, своем будущем, узнавать друг друга и свою силу и тем самым заставили всех оглянуться на себя. Но для этого необходимо было, чтобы какой-нибудь славянский народ осознал свою народность. Такая миссия выпала на долю русских.

Уже с XVI-XVII вв. начали говорить о величии России, но долгое время она была более велика, чем сильна. Отечественная война 1812 г., решавшая судьбу России, пробудила сильное чувство народности во всем русском народе, показала Европе всю его силу. Западные славяне с удивлением заметили, что недалеко от них живут добрые, гостеприимные русские люди, гордились ими и родством с ними. И в то же время стали задумываться: "Русские такие же славяне, как и мы, и так сильны своей народностью, нашей общей народностью, а мы, их братья, только в сельской глуши можем говорить нашим языком, только в просторе быта земледельческого можем удерживать свою родную мысль, свой дедовский обычай; и нет уже у нас литературы, нет голоса между народами Европы, как нет уваженья у наших сограждан к нашей духовной силе, и нет уже надежды. Одни за другими мы или отрываемся неволей, или отрекаемся по воле от своего народа, немечимся, итальянимся, туречимся, мадья-

¹ Вступительная лекция И.И.Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 года. — ИМНП, 1893, ч.287, стр.117.

римся, так что брат не узнает брата. Ужели это наша доля навеки? Ужели нет у нас духовных сил, и умерла вовсе мысль и надежды показать их? Ужели прошедшее наше так глухо безмолвно, что не может утешить нас никакой хоть слабостью радости воспоминания о жизни наших предков? Ужели мы не можем, не должны хоть попытаться опять заговорить нашим языком?"¹ Так возвышением России началось славянское дело, появились первые деятели возрождения — Ганка и Караджич. "Один раскрыл свету им найденные драгоценные остатки старочешской литературы; другой — не менее драгоценные произведения народной словесности сербов. И те и другие имели огромное влияние; они возбудили к себе внимание всего славянства и многих в целой Европе: нельзя было не восхищаться раскрытыми сокровищами, не изучать красот их, не сделать доступными для всякого сколько-нибудь образованного читателя".² В то же время Добровский и Коштар своими сравнительными исследованиями славянских языков заняли одно из первых мест среди европейских филологов. Книгманн, Пресль, Бернолак, Палковичи, Обрадович, Мушицкий, Водник и др. старались возродить любовь к занятиям народной литературой. Немного позже на арену выступили два словака — Шафарик и Коллар: "один посвятил всю жизнь свою ученым трудам по части сравнительного изучения славянских народов, их древностей, наречий и литератур, и хоть действовал всегда тихо, осмотрительно, но зато его ученость заставляла всех верить ему на слово; другой, истинный поэт, начитанный ученый, хотя, впрочем, всегда увлеченный страстью, можно сказать, фанатическою любовью к славянам, сильно действовал на других и сочинениями, и живым словом, и перепиской".³

¹ Там же, стр. 121.

² Там же.

³ Там же, стр. 122. Несколько иная периодизация им дана в одном из писем Ганке: "Добровский открыл 1-ю эпоху — филологическую; Книгманн, Ганка и Пресль — учено-литературную, чисто чешскую, 2-ю; молодой народ журналами и театрами — 3-ю общественно-литературную, и ожидается 4-я — народная, которую только что предвозвестил Челаковский: так относительно самих чехов. В общеславянском значении:

Энтузиазм первых будителей воодушевлял других. И за 15 лет возродилась чешская и сербская литература, а вместе с ними братская любовь славян друг к другу. Заговорили даже те из славян, которые считались потерянными (хорваты, лужицкие сербы и болгары). В Европе увидели, что славян надобно изучать. Россия для этого открыла кафедры, за ней последовали Франция и Пруссия.

Изучение славянства, говорил Срезневский, имеет для нас большое значение. Во-первых, без знания славян невозможно осознать самих себя, свое единство и самобытность. Во-вторых, знание славянских языков и обычаев необходимо для взаимного общения, частного и политического. В-третьих, изучение славянства может послужить обогащению нашей литературы и языка. Кроме того, поскольку славяне — одно из древнейших племен в Европе, то без славяноведения нельзя объяснить многое в жизни, истории и языках всех европейских народов.

Лекция имела огромный успех. Сам Срезневский писал Ганке: "Я не ожидал, что на мое чтение обратят такое внимание, какое обратили: назначенная зала была мала для всех посетителей, и их перевели в другую, и та набилась битком; не только студенты пришли меня слушать, но и много профессоров, и немало посторонних частных лиц; после чтения профессора благодарили, как казалось с участием, а другие из посетителей приезжали знакомиться. Я, впрочем, не могу быть довольным моим первым чтением: когда я вошел на кафедру, сердце у меня билось, голос дрожал; с четверть часа я говорил как будто осужденный к наказанию преступник, которому позволено оправдываться — и нечем. За пять лет, когда я вступал на кафедру статистики, было вовсе не то".¹

1-е Добровский и Ганка возбудили внимание общее к литературе чешской старой, как одной из славянских. 2-е Шафарик и Коллар сблизили всех славян между собою или по крайней мере показали путь к этому сближению; 3-ю эпоху могло бы занять учреждение книжной лавки (в Праге), где бы можно было доставать все новые произведения на всех слав. наречиях, и журнала" (стр.1016).

I Письма Вячеславу Ганке из славянских земель, стр.1024.

Свои чтения Срезневский разделил на три части: 1. энциклопедическое введение в изучение славянства,¹ 2. западные славяне южной отрасли, 3. западные славяне северной отрасли. Если первая часть представляла собой общее обозрение славян, то два последующих курса рассматривали отдельно каждый славянский народ, его историю, географию, быт, язык, народную словесность и литературу.

О лекциях Срезневского один из слушателей рассказывает: "Успех его был громадный. Студенты всех факультетов, особенно в первый год курса, толпами стекались слушать красноречивого профессора; самая большая университетская аудитория, № I-й, не вмещала всех желающих. Новость предмета, бойкость изложения, то восторженного и приправленного цитатами из Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критического, не лишённого юмора и иронии, все это действовало на учащуюся молодежь самым возбуждающим образом; все это было так своеобразно и ещё ни разу не случилось, как гласит предание, на университетской кафедре".²

Из далекой Праги молодого слависта сердечно приветствовал Шафарик. В письме от 3 июня 1843 г. он писал: "Будьте уверены в моем сердечном участии, в моей готовности послужить Вам, если в чём-либо и когда-либо Вы будете нуждаться

¹ Вот содержание энциклопедического введения в изучение славянства: "§ 1. Стародавность славян в Европе. По Шафарику с некоторыми дополнениями и изменениями. § 2. Границы славянского мира прежде и теперь. Расселение и пропаша славян. § 3. Отрасли славянского племени: 1. русские славяне. 2. западные славяне южной отрасли. 3. западные славяне север. отрасли = 10 народов. Великороссияне, малороссияне, болгар. славяне, сербы, хорваты, хорут. словенцы, поляки, полабские, чехи, словаки. Характеристика народов и наречий. § 4. Политическое состояние славян: 1. древний быт. 2. перевероты: образование, развитие и упадок государств славянских. 3. современное состояние. § 5. Религиозное состояние славян: 1. язычество. 2. принятие христианской веры и ее распространение и утверждение между славянами. 3. современное состояние. § 6. Литературное состояние славян: 1. характер народной словесности. 2. развитие письменности. 3. современная слав. литература под влиянием народности и чужеземности". Письма к Вячеславу Танке из славянских земель, стр. 1024-1025.

² М. де Пуле, Харьковский университет и Д.И. Каченовский. - "Вестник Европы", 1871, т. I, кн. I, стр. 105.

в моем совете или содействии при своих литературных трудах. Но зная Вас, я вполне уверен, что Вы сами будете в силах удовлетворить Вашему великому и славному призванию. На Вас, Прейсе, Бодянском и остальных, отдавшихся изучению славянщины и литературы славянской, почивт надежды искренних любителей славянской литературы. Ваши имена будут принадлежать истории".¹

Кроме педагогической работы, Срезневский много занимался изучением современной народной речи, народной поэзии и быта славянских народов. Наиболее характерными и обобщающими работами харьковского периода являются диссертация "Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям" (1846), за которую ему первому в России была присуждена степень доктора славяно-русской филологии, затем "Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских" (1845), где он, используя сведения по славянской диалектологии, собранные во время путешествия, классифицирует славянские языки, отмечает случаи сходства вокализма и консонантизма в различных диалектах. Из других исследований можно отметить /"Исторический очерк сербо-лужицкой литературы" (1844), "Публичные чтения о славянах" (1843), "Очерк книгопечатания в Болгарии" (1846).

В 1843 году, в связи с выходом русского перевода книги Шафарика "Славянское народописание", редактор ЖМНП Сербинович обратился к Прейсу с просьбой написать рецензию. Однако Прейс, ссылаясь на большую занятость, рекомендовал в качестве рецензента Срезневского. Он писал своему другу: "Из всех славистов, не исключая и Шафарика, только Вы можете говорить о диалектах славянских с полным знанием дела".² Срезневский предложение принял, и рецензия, одобренная Востоковым, вскоре вышла в ЖМНП (1843, ч. XXXVII). В 1891 году Ламанский ее перепечатал в "Живой старине" (вып. IV) вместе с письмами Шафарика Срезневскому, посвятив все эти материалы 50-летию со

¹ Письма П.И.Шафарика И.И.Срезневскому. - "Живая старина", 1891, вып. IV, стр. 173.

² Письма П.И.Прейса М.С.Куторге... - "Живая старина", 1891, вып. IV, стр. 5.

дня выхода "Славянского народописания".¹

В рецензии Срезневский дает высокую оценку научной деятельности чешского ученого. "Кто из читателей не знает имени Шафарика, этого великана современной славянской учености; кто из тех, которые читали его сочинения, не стал его глубоко уважать за изумительное трудолюбие, с каким он так терпеливо собирал отовсюду нужные сведения, за благородную отчетливость, с какою старался передавать их читателям; кто из тех, которые имели случай узнать его лично, не полюбили его, узнавши в нем человека, каких не много и между самыми скромными учеными; не принял в нем душевного участия, припоминая, как он целую жизнь боролся с судьбою, терпел нужду, болел духом и телом, и в борьбе не пал, не изменил своему призванию. Можно не соглашаться с ним в мнениях, можно находить недостатки в его сочинениях; но трудно стать с ним рядом, и нельзя его не почитать, не учиться из его жизни и книг, как вести себя на литературном и ученом поприще, чтобы внутренне быть довольным и другими и собою. Имя Шафарика незабвенно в истории славянской литературы. Долго еще будет он светочем для многих и многих".²

Познакомив читателей с биографией Шафарика (кажется, впервые в России), Срезневский одновременно охарактеризовал и его научные труды. Первым крупным исследованием его он считает "Историю славянского языка и литературы по всем наречиям" (1826). "Книга Шафарика была первая в своем роде, на каждой странице выказывала знание дела, за которое взялся сочинитель: она не могла не сделаться ручною книгою для всякого, занимающегося славянской литературой. Она и вышла притом очень кстати: дух славянский был уже в то время возбужден, общее внимание к славянству тоже, и книга, в которой бы пред-

¹ В предисловии Ламанский писал: "Как ни устарел теперь в разных отношениях 50 лет тому назад явившийся труд Шафарика по славянской этнографии, но и поныне он не заменен ничем лучшим. В истории науки ему принадлежит высоко важное место". Там же, стр. 165.

² И. С р е з н е в с к и й, (рец.) *Slovanský národopis. Se-stavil P. I. Šafárik* "Живая старина", 1891, вып. IV, стр. 174.

ставлена была литературная деятельность славян в ее историческом ходе, была нужна. Не мудрено, что книгу Шафарика брали нарасхват. Шафарика узнали, начали на него ссылаться, компилировать его и в Германии, и во Франции, и в Англии, и в Америке. Я уже не говорю о том влиянии, какое произвела книга Шафарика на общее внимание к славянам".¹

Следующие труды "О происхождении славян" (1828) и "Serbische Leseköcher" (1833), говорит Срезневский, поставили автора в один ряд с такими выдающимися учеными, как Добровский, Копитар, Линде. Но особенно важное место занимают "Славянские древности". "Что это за книга, поймет всякий, кто с нею познакомится хотя сколько-нибудь. Ее можно перевести, сократить, переделать, но не заменить. Каждый факт поверен в ней по несколько раз, каждый вывод требовал перебора и сравнения множества свидетельств. И всему этому множеству надобно было дать малый объем, все надобно было сжать, чтобы сколько можно более облегчить средства печатания. Поневоле книгу тяжело читать. Зато как утешительно перечитывать, как легко трудиться, имея ее под рукою. Кто скажет, что в ней нет ошибок или кое-где пристрастия к принятому мнению? Но что значат все эти недостатки в сравнении с ученостью, которая поражает читателя на каждой странице; с отчетливостью в разборе даже мелочей; с богатством новых фактов, в первый раз употребляемых тут в дело; со всеобъемлемостью взгляда; с умением пользоваться всем, чем могла сочинителю помочь современная наука; с умением победить тысячу трудностей, сообщить несчетное множество известий и распорядиться им. Попробуй, ученый, ту или эту страницу в сей книге; но ее не отложишь в сторону, всегда будешь в ней нуждаться".²

Высоко оценивает Срезневский и "Славянское народописание", которое он включает в число самых необходимых пособий для всякого занимающегося славяноведением. Однако в то же время он отмечает и некоторые недостатки. Это прежде всего касается классификации славянских языков.

¹ Там же, стр. 175.

² Там же, стр. 176.

Уже Добровский на основе ряда признаков выделил две группы славянских языков — юго-восточную и северо-западную. К первой он отнес русский, старославянский, сербский, хорватский, словенский, ко второй — чешский, словацкий, лужицкий, польский. Однако такая классификация не могла в полной мере удовлетворить исследователей. В ней нет полабского языка, неясно место болгарского, неполно отражена степень родства, недостаточно строгими оказались признаки языковых групп. В 30-е гг. со своей классификацией выступает Копитар. Он тоже выделил две группы славянских языков: задунайскую и додунайскую, объединив тем самым восточнославянские языки с западнославянскими. Сопоставление классификаций Добровского и Копитара неизбежно вело к выделению в особую группу восточнославянских языков. Такую группировку предложил Палацкий, выделивший три ветви: восточную, юго-западную и северо-западную. При этом к восточной ветви он отнес и болгарский язык. Одновременно с Палацким аналогичную классификацию предложил Надеждин. Но болгарский язык он включил уже в состав юго-западной группы.

В "Славянском народописании" Шафарик, придерживаясь классификации Добровского, выдвигает четыре различительных признака в славянских языках вместо прежних десяти. Это вставное д перед л (мыло — мы^дло), коренные д, т перед л, н (вел — ве^дл, вяну — ва^дну), вставное л после губных (земля, люблю), м и п (м^лотрити, см^потрети — па^лтрети, спа^птрети). На основе этого он выделяет два говора (юго-восточный и западный), семь речей и 14 наречий. (Эти понятия ему были необходимы для того, чтобы показать различную степень родства славянских языков).

1. Речь русская: наречия великорусское, украинское, белорусское.
2. Речь болгарская: наречия церковнославянское, новоболгарское.
3. Речь иллирская: наречия сербское, хорватское, хорутанское.
4. Речь лешская: наречие польское.
5. Речь чешская: наречия чешское и словацкое.

6. Речь лужицкая: наречия верхнелужицкое и нижнелужицкое.

7. Речь полабская: наречие древанское.

По мнению Срезневского, указанные четыре признака отличают большую часть языков друг от друга, но в то же время допускают много исключений, что вызывает сомнение в правдивости их выбора. Поэтому рецензент предпочитает историко-географическую точку зрения и предлагает следующую классификацию:

1. Восточные наречия: 1. великорусское, 2. украинское.

2. Юго-западные наречия: а) старославянское церковное, б) болгарское, в) 1. сербское, 2. хорватское, г) хорутанское.

3. Северо-западные наречия: а) польское, б) полабское, в) лужицкое, г) чешское, д) словацкое.

Такое деление преимущественно принято (с некоторыми дополнениями) и в современных генеалогических классификациях. Кроме того, Срезневскому удалось уточнить также географическое распространение некоторых языков и диалектов.

В целом рецензия Срезневского была наиболее основательной в русской лингвистической критике. Сделанные в ней отдельные замечания вызвали предположение Ламанского, что Шафарик был этим недоволен. В качестве доказательства указывалось, что вскоре после опубликования рецензии переписка между ними прервалась и возобновилась лишь в 1852 году, причем в письмах Шафарика чувствовалась некоторая холодноватая сдержанность. Однако эта догадка вряд ли справедлива: Шафарик был слишком велик и скромен для мелких обид, о чем свидетельствует вся его переписка с русскими славистами. Тут скорее всего сказалось общее (духовное и физическое) состояние ученого. С середины 40-х гг. в его письмах все больше усиливаются нотки пессимизма, разочарованности, тяжелых раздумий (ему начинает казаться, что жизнь уже прожита и остается лишь ждать приближения смерти).

В 1847 г., вскоре после смерти Прейса, Срезневский был переведен в Петербургский университет, в котором работал до последних своих дней. В течение многих лет он был деканом факультета, а в 1861 г. исполнял должность ректора. С 1848

по 1859 г. параллельно преподавал в Главном педагогическом институте. Первоначально программа его чтений была та же, что и в Харькове. Однако в 1848 г. ее пришлось переработать по требованию министерства просвещения, боявшегося проникновения революционных идей в русское общество. В связи с этим начались гонения и на славянофилов, отразившиеся также на кафедрах славяноведения. В лекциях 50-х гг. предметом славистики он считает только изучение языков и быта славян. Но уже в 60-е гг. эти задачи были снова существенно расширены. В одной из вступительных лекций он говорил, что славянская филология должна изучать языки, народную словесность, литературу, историю и древности. В соответствии с этим в своих чтениях Срезневский выделил четыре главных курса: введение в славянскую филологию, славянские древности, историю и литературу славянских наречий, а также древности русского языка и словесности. Позднее к ним были присоединены еще "грамматика наречия старославянского церковного сравнительно с другими наречиями, преимущественно с русским, польским, чешским и сербским" и "чтение замечательных памятников западнославянских наречий, особенно сербского, польского и чешского". В целом эти курсы давали довольно полное представление о составе славянских народов, славянских древностях, особенностях славянских языков, истории и литературе. У своих слушателей он стремился прежде всего воспитать любовь к науке, самостоятельность мысли, умение работать, осторожность в выводах и самокритичность. П. Полевой позднее вспоминал о лекциях Срезневского: "Это было что-то чрезвычайно увлекательное, образное, яркое, богатое любопытными и новыми (для нас, первокурсников) фактами — и как это было чудесно изложено, как сгруппировано, как прямо вело к определенным и ясным выводам! При этом много влияла сама внешность профессора: его смуглое лицо было подвижно и выразительно, а его черные большие глаза горели таким огнем, так превосходно дополняли его речь, так привлекали к нему все наше юношеское внимание, что им нельзя было не увлечься, ему нельзя было не довериться, не предаться ему всей душой!"¹

¹ П. Полевой, Три типа русских ученых (Кунин, Срезневский и Григорович). — "Исторический вестник", 1899, т. 76, № 4, стр. 128.

В Петербурге основной областью научных интересов Срезневского становятся история русского языка, памятники древней славянской и русской письменности, русская археология. Собрание, изучение и издание письменных памятников потребовало много времени и труда.

В 1849 г. Срезневский был избран адъюнктом Отделения русского языка и словесности Академии наук, в 1854 г. — ординарным академиком. И прежде всего он решил осуществить свою давнюю и заветную мысль о создании периодического органа, посвященного русской и славянской филологии. Эта идея возникла у него еще в 1842 г. во время путешествия по славянским землям. По первоначальному плану издание должно было состоять из двух частей: первая знакомит западных славян с ходом русской словесности, а вторая — русских с ходом словесности славян на Западе. При этом в каждом отделе предполагалось помещать литературные обзоры, библиографию, выписки из лучших сочинений в стихах и прозе (в подлиннике и переводе), переписку. При издании журнала Срезневский рассчитывал на сотрудничество Бодянского, поддержку Шафарика и других славянских друзей. Однако тогда эти планы не осуществились. Теперь таким органом стали "Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности" (1852—1861 гг.), душой и бессменным редактором которых был сам Срезневский. Всего вышло 10 томов "Известий", в виде приложения 7 томов "Материалов для сравнительного и объяснительного словаря" и 4 тетради "Памятников и образцов народного языка и словесности". Здесь Срезневский начал длинный ряд исследований о древних памятниках, ввел библиографию славянской историко-филологической литературы, печатал произведения народной словесности. "Известия" стали научным центром русских лингвистов, палеографов, историков литературы. Отдел "Библиографические записки", в котором за 10 лет были напечатаны рецензии, иногда переходившие в целые статьи, на 543 книги, является живой летописью литературной и научной жизни славянства в этот период. Одно из первых мест среди них занимают отзывы на книги чешских авторов, особенно на работы Шафа-

рика о глаголице.

Кроме того, на заседаниях Отделения русского языка и словесности Срезневский часто выступал с сообщениями и докладами о деятельности чешских ученых и писателей, новинках науки и литературы (например, о К.Я.Эрбене,¹ Й.Оптинне² и др.).

Оценивая научные заслуги Срезневского, Пыпин писал: "Масса трудов, совершенных им в области археографии, палеографии, издания памятников, громадна; если прибавить к этому еще то, что было им сделано по русской и славянской археологии, и в прежнее время по славянской мифологии, этнографии, языку, то его справедливо можно поставить наряду с замечательнейшими исследователями славянства, какими были Добровский, Востоков, Шафарик".³

В.И.Григорович (1815-1876)

Виктор Иванович Григорович родился 30 апреля 1815 года в г. Балте Подольской губернии в помещичьей семье.⁴ Его мать была полька, поэтому дома он с детства говорил по-польски. Первое образование Григорович получил в Умани в униатском училище, а затем в 15-летнем возрасте поступил в Харьковский университет. После окончания университета был назначен на службу в Петербург. Однако не доехав до места назначения, он сворачивает с пути и направляется в Дерпт. Здесь он снова становится студентом и в течение пяти лет (1834-1839) изучает классическую филологию и немецкую философию. А.А.Кочубинский, долгое время близко знавший Григоровича, писал об этом периоде его жизни: "В скромном Дерпте пред нашим беглецом-ослушником широко раскрылись и обнявшая всю Европу филосо-

¹ Архив АН СССР, ф.216, оп.1, ед.хр. 866, 867.

² Там же, ед.хр.868.

³ А.Н.Пыпин, Исмаил Иванович Срезневский (1812-1880). Некролог. - "Вестник Европы", 1880, т.II, кн.3, стр.455.

⁴ А.А.Кочубинский местом рождения Григоровича считает деревню Антоновку Херсонской губернии, где находилось имение его матери.

фия Гегеля, и рациональные классические студии, с их культом воспитывающей стороны; меж них робко, случайно пробивались и славянские вопросы, задевавшие мимоходом пнтийного юнош-классика. Он был счастлив за Гегелем, за миром ветхим, и оба эти высокообразовательные фактора и определили главное направление в ожидавшей его самостоятельной деятельности".¹

О славянских интересах Григоровича в то время известно следующее. Он узнал, что у Прејса есть "Сборник Клоца" в издании Копитара. Однако Прејс настолько дорожил этой книгой, что никому ее не давал. Тогда Григорович взял в библиотеке сочинение Шафарика "История славянского языка и литературы по всем наречиям", внимательно его изучил и почти все переписал. Проф. Моргенштерн заинтересовал его проблемой славяно-византийских отношений. И когда в 1838 году через Тарту проезжал министр народного просвещения Уваров, то Григорович был ему представлен как знаток славянских наречий.

Будучи студентом, Григорович познакомился с некоторыми слушателями Профессорского института. Среди них были астроном Савич, медик Варвинский, политэконом Горлов. Последний в 1838 году был назначен в Казанский университет и там указал на Григоровича как возможного кандидата на кафедру истории и литературы славянских наречий. Действительно, вскоре Григорович был вызван в Казань для приготовления к занятию этой кафедры. Он прибыл туда 27 апреля 1839 г.

Из-за робкого характера Григорович окончил университет только со званием действительного студента. Поэтому в Казани ему необходимо было прежде всего получить первую ученую степень. В июне он уже сдал кандидатский экзамен, а в марте 1840 г. представил кандидатскую работу "Исследования о церковнославянском наречии, основанные на изучении его в древнейших памятниках, на исторических свидетельствах и отношении его к новейшим наречиям". Одновременно с 1839 по 1841 г. он преподавал в университете греческий язык.

В мае 1841 г. Григорович сдал магистерский экзамен и

¹ А.А.Кочубинский, Виктор Иванович Григорович (1815-1876) в истории славяноведения, Одесса, 1894, стр.4.

представил диссертацию "Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах". В работе давалось обозрение славянских литератур с IX до XV века в связи с историческими судьбами народов. По отзыву А.А.Котляревского, "это было первое ученое сочинение в России о славянской литературе с точки зрения славянской взаимности".¹ После защиты диссертации осенью 1842 г. Григоровичу было поручено преподавание славянской филологии. В те годы он знакомил студентов с этнографией и историей славян, а также с особенностями языков чешского, сербского, болгарского, лужицкого, словинского. Один из его слушателей так писал о молодом преподавателе: "Обыкновенно являлся он с большим ворохом книг; извиняясь, что запоздал, и краснея, пробираясь он на кафедру и начинал лекцию. Читал он далеко не изящно: конфузился, заикался, беспрестанно поправлял сказанные фразы, часто затруднялся в приискании выражения, и потому для объяснения своей мысли схватывался за первое попавшееся на ум слово, из какого бы языка оно ни было. Но эта непривлекательная внешность чтения вполне и с лихвой искупалась внутренним достоинством его лекций. Он читал с искренней любовью к своему предмету, с полной готовностью делиться с своими слушателями всеми своими знаниями, помочь им в занятиях. Он относился к студентам, как к любимым, товарищам, искренне радовался каждому даже незначительному успеху их. Скромность и добросовестность истинного ученого проявлялась в каждой его лекции, даже — можно сказать — в каждой его фразе. Если случалось ему припомнить, что на лекции он сделал какую-нибудь ошибку, он в следующий раз объявлял о том слушателям, откровенно сознаваясь в своем промахе. Григорович привлек к себе студентов необыкновенной в то время простотой обращения с ними, чисто товарищеской близостью к ним. Это резко отличало его от других тогдашних профессоров, которые большую часть держали себя в отношении к студентам чисто по-начальнически. В определенные дни мы собирались у него запросто. Он принимал вся-

¹ А.А.Котляревский, Виктор Иванович Григорович. — "Славянский ежегодник", 1877, стр.309.

кого приходящего к нему студента радушно, снабжал его книгами, давал советы в занятиях, с полной готовностью делал для него все, что мог сделать".¹

3 декабря 1842 года Григорович представил попечителю Казанского учебного округа план путешествия и обратился с просьбой отпустить его на зимние каникулы в Москву. Он хотел поговорить об этом плане с Бодянским, который в сентябре вернулся в Московский университет после 5-летнего пребывания в славянских землях и действительно мог дать хороший совет. У Григоровича было также намерение обсудить с ним некоторые вопросы преподавания курсов славяноведения и познакомиться с рукописями, хранившимися в московских библиотеках и монастырях.

Вернувшись 13 января 1843 г. в Казань, Григорович сообщал в своем донесении: "Составленный еще в ноябре месяце 1842 года проект путешествия по словенским землям читал я г.г. проф. Погодину, Бодянскому, Крюкову и археологу Макарову, сверх того, по совету проф. Погодина, совещаюсь с булгарами, находившимися в Москве... Относительно самого направления и главной цели путешествия, сколько я мог заметить, почтенные ученые были согласны. Рассматривая однако ж предмет занятий моих с различной точки зрения, ученые в своих советах старались показать особенную важность той или другой его части, снисходительно поощряя меня обратить на нее свое внимание. Проф. Погодину, принимающему живое участие во всех современных вопросах науки, было важно мое желание посетить Булгарию. Поэтому его советы клонились к утверждению меня в этом намерении. Проф. Бодянский, дав мне заметить трудность исполнения этого, указывал, и весьма справедливо, на Галицию, о которой в проекте моем я не упомянул. Проф. Крюков, поставляя в образец науку древностей, утверждал меня в намерении следить за успехами лингвистики вообще и в стремлении обнимать мир словенский в целом его значении, сообразно с настоящими воззрениями на мир древний. Находя советы каждого из этих ученых весьма основательными, я при составлении на-

¹ А.С., Воспоминания о профессоре В.И. Григоровиче. — "Древняя и новая Россия", 1877, № 5, стр. 76.

стоящего плана не терял их из виду, тем более, что, усиливаясь их исполнить, привыкну обнимать предмет в целой обширности. Путешествие по южной Европ. Турции, вопреки почтенному проф. Бодянскому, я потому поставил в моем плане, что знакомые мне болгаре, жители внутренней Булгарии, заверили меня в его возможности. Не могу еще умолчать о замечании археолога Макарова, известного собирателя и знатока отечественных преданий. Он указал мне на важность болгарских преданий, связь которых с русскими не подлежит сомнению. Говоря о Булгарии в моем плане, я поместил не только занятия языком, но и собирание преданий жителей этой страны".¹

В Москве Григорович встретился с Герценом. Об этом в дневнике писателя сохранилась такая запись: "Вчера (т.е. 7 января 1843 г. - С.С.) явился ко мне знакомиться профессор Казанского университета Григорович, - отраднo ум самое юношески благородное желание изъяснить свою симпатию людям - как сказать - людям движения. Но еще отраднее видеть профессора славянских языков в Казани, твердо смотрящего на свой предмет с точки зрения современной науки. Мне дорого было и его внимание и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманизма".²

Приняв к сведению замечания московских ученых, Григорович представил окончательный план путешествия. К тому времени у славян уже побывали Бодянский, Преис и Срезневский, собравшие значительные сведения по древней литературе, языкам, этнографии, истории. Повторять их путь уже не имело большого смысла. Поэтому в плане подчеркивалось: "Желаю при занятиях лингвистических обращать особенное внимание на языки самых южных словен и преимущественно болгар; при занятиях литературою изучить главнейшие произведения каждой эпохи и при

¹ Донесения В.И.Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915, стр.27. Здесь же (стр.18-25) опубликован "Проект путешествия по словенским землям". Окончательный план впервые был напечатан в РГВ, 1883, № 3.

² А.И.Герцен, Сочинения в девяти томах, т.9, М., 1958, стр.69.

этом не упускать из виду знакомства с историческими событиями в жизни народов. В этом последнем отношении, рассматривая религиозное развитие словен, как условие развития их литературы, желал бы вникать в такие памятники, которые, при всей своей важности, не изданы или по редкости не приобретены. Памятники XV и XVI ст. должны занять главное место".¹

Свое путешествие Григорович решил начать с Одессы, где он хотел усовершенствоваться в итальянском и новогреческом языках, знание которых облегчит путешествие по южным странам. Из Одессы он собирался направиться через Молдавию в Седмиград и Загреб, где нужно было ознакомиться с южнославянскими языками, литературной деятельностью илирийских славян, изучить далматскую литературу XV-XVI вв., осмотреть древнеславянские памятники и редкие книги. Из Загреба Григорович хотел ехать через Хорватию и Венгрию в Прагу. "В Праге, — писал он, — кратковременное пребывание посвящу на приготовления к дальнейшему путешествию. Могу надеяться найти здесь, согласно с уверением проф. Погодина и Бодянского, содействие ученого Шафарика, огромные запасы которого, быть может, и для меня будут доступны. Если удостоюсь внимания словенского корифея, то постараюсь воспользоваться его советами относительно южных словенских языков и преимущественно болгарского, к изданию памятников которого г. Шафарик уже давно делает приготовления. После этих приготовительных занятий в Праге отправлюсь немедленно в южные земли, заселенные словенами".²

После Праги Григорович предполагал посетить Вену, Любляну, Триест, Венецию, Далмацию и Дубровник, а оттуда направиться в Солунь и на Афонскую гору — заветную мечту многих путешественников и исследователей.

Из Болгарии Григорович хотел проехать через Валахию, Венгрию и Галицию, а оттуда в Краков, Оломоуц, Брно, Табор и снова в Прагу. "В Праге желаю посвятить около пяти месяцев

¹ Донесения В.И.Григоровича..., стр.27.

² Т а м ж е, стр.30.

изучении главнейших памятников чешской литературы XV и XVI столетий и найду к тому пособия в Народном чешском музее, где также обращу внимание и на древнейшие рукописи. Могу притом надеяться на благосклонное содействие г. Шафарика, советами которого желал пользоваться при составлении плана преподавания теории языков и литературы словен".¹ После Праги Григорович намеревался еще посетить Берлин, Варшаву и затем вернуться на родину.

В марте 1844 г. план был утвержден министерством. 28 мая Григорович выехал из Казани. В Нижнем Новгороде он познакомился с Мельниковым-Печерским и вместе с ним осматривал достопримечательности города. С 5 по 24 июня провел в Москве, где довольно часто посещал Бодянского и в его библиотеке читал книги и рукописи, относящиеся к Европейской Турции.² В своем дневнике он записал: "Бодянский, деятельный трудолюбивый, жар с равнодушием. С ним не подружись — от недостатка чего-то общего. Сведений разнообразнейших тьма-тьмуша. Библиоман с завидным постоянством, надеждами. Гостеприимство без души, хлопотливость".³

¹ Там же, стр. 34. В "Москвитянин" (1843, № 2, стр. 630) была опубликована заметка следующего содержания: "Слышно, что Казанский университет посылает молодого ученого, магистра Григоровича, для путешествия по славянским странам, который хочет начать путешествие именно с Болгарии, где не был еще никто из наших путешественников. Мы надеемся много на это путешествие. Только там решится вопрос окончательно, на какое наречие переведено священное писание, у нас употребляемое. Ученые толковали до сих пор много о нем, но без основания".

² Ср.: "В библиотеке Бодянского нет недостатка в пособиях. Неумолимый славист жертвует всем, чтобы иметь самое полное собрание книг словянских. Его ревность изумительна. Едва в прошлом году он уступил университетской библиотеке лучшую часть своего запаса, привезенного из-за границы, в настоящем он уже успел составить, покупкой Ганковой библиотеки, собрание гораздо больше прежнего. И чего здесь нет?" Донесения В.И. Григоровича..., стр. 35-36.

³ См. Н.М. Петровски и др. Путешествие В.И. Григоровича по славянским землям. — ИМНП, 1915, № 10, стр. 219.

1 июля Григорович прибыл в Харьков и, воспользовавшись приглашением Срезневского, заехал прямо к нему. В "Донесении" он отмечал: "Действительно, четыре сутки, проведенные в доме почтенного профессора, оставили во мне глубокое воспоминание о гостеприимстве его и готовности содействовать и делом и словом. Недавно возвратившийся из своего объезда земель словянских, Срезневский доказал мне свое просвещенное радушие. Он одобрял, предостерегая в опасностях, мою решимость узнать сперва страны, еще не тронутые русским путешественником, Румелию и Македонию, и в своих беседах указывал на предметы, важные в лингвистике и литературе".¹ Срезневский позднее вспоминал об этой встрече: "Теперь явился он мне еще в новом свете, как ученый, предпринимающий путешествие со строго обдуманною целию, понятою совершенно самостоятельно, совершенно отличною от тех целей, какие имели в виду все мы другие, прежде него ездившие в славянские земли, важную, тяжело исполнимую, но для его решимости неизменную".²

В середине июля Григорович приехал в Одессу. Но его надежды серьезно заняться изучением языков и подготовкой к дальнейшему путешествию не оправдались. Как он сам писал, "и краткость времени, и характер города, где торговые интересы поглощают все прочие, были тому препятствием". Месяц прошел в основном в официальных визитах и беседах. Правда, от одной болгарки удалось записать две народные песни, которые он потом переписал и дал Шафарiku. Здесь же он решил изменить свой первоначальный план, т.е. начать путешествие с Турции (по маршруту: Одесса - Константинополь - Солунь - Афон).

20 августа Григорович покинул Одессу и 10 сентября прибыл в Солунь, который привлекал его как родина Кирилла и Мефодия. Здесь в книгохранилищах он нашел полтораста греческих рукописей в самом жалком состоянии, изъеденных, просырелых, покрытых пылью. Осматривая рукописи, он должен был постоянно

¹ Донесения В.И.Григоровича..., стр.40.

² И.И.Срезневский, На память об И.М.Бодянском, В.И.Григоровиче и П.И.Прейсе, стр.18.

спешить, так как боялся наскучить монахам, которые неохотно показывали книги, хотя и не берегли их. Но особенно интересным было знакомство с австрийским консулом — хорватским поэтом и собирателем рукописей А. Михановичем, совершившим несколько поездок по Македонии и Фракии. Миханович показал ему свое собрание, содержавшее несколько редких глаголических рукописей, доказывающих широкое употребление глаголицы.

С 27 сентября началось странствие по афонским монастырям и скитам. Чтобы сколько-нибудь расположить к себе суровых монахов, а вместе с тем и открыть доступ к письменным памятникам, хранившимся вместе с хламом в чуланах, подвалах, погребах, на чердаках, он отстаивал с ними все службы, писал для них жалобные письма в Россию и т.д. В Хиландарском монастыре Григорович спускается в грязное подземелье, роется там среди гниющих рукописей и отыскивает два листка древнейшего кирилловского письма. Нередко же ему только показывали рукописи, пригвожденные к полу библиотеки. Почти везде его встречали грубость, "жестокосердие лукавого невежества", подозрительность. Несмотря на все эти трудности, Григорович за четыре месяца успел осмотреть 2800 греческих и 445 славянских рукописей. Из множества грамот, хранившихся в афонских монастырях, ему удалось снять копии со 120, имевших особенную важность для истории средних веков. Кроме того, он приобрел себе найденный в монастыре Богородицы один из древнейших глаголических памятников Мариинское евангелие, Хиландарские листки, два листа пергаментного сборника XIV века, послания Иоанна к папе Клименту, пергаменную псалтырь XIII в., Законник Стефана Душана, Сборник XV века, Житие св. Симеона Сербского и многое другое.

В начале февраля Григорович вернулся в Солунь. Особенно его интересовали здесь следы воспоминаний о Кирилле и Мефодии. С этой целью он осмотрел все церкви, училища, собрания книг. Однако поиски оказались тщетными. После этого Григорович посетил Охрид, Софию, Шипку, Габрово, Тырново и 11 июля прибыл в Руминию. Путешествие оказалось исключительно трудным. Тем не менее, после Афона он осмотрел еще около 470 греческих и славянских рукописей, собрал много болгарских

песен, сделал массу записей о языке и быте болгар, этнографических особенностях страны. Ему принадлежит первое обследование болгарских говоров и их классификация.¹ Он много интересовался также постановкой школьного дела и посетил 14 болгарских училищ из 49.

Григорович побывал также в Пеште, Вене, Любляне, Венеции, Триесте, Дубровнике, Черногории, Хорватии и Сербии. На этом пути он знакомился с виднейшими славянскими учеными и деятелями культуры (Коллар, Караджич, Милошич, Гай, Мажуранич, Бабукич, Враз), изучал славянские языки и диалекты, осматривал библиотеки, особенное внимание обращая на рукописные памятники, собирал материал по истории письменности и быта южных славян.

9 октября 1846 года Григорович прибыл в Прагу. В связи с этим газета "Květy" 17 (29) октября писала: "В настоящее время в Праге пребывает преподаватель славянских языков в Казанском университете г. Виктор Григорович, который, совершив путешествие по Турции, с целями разыскания древних памятников славянской письменности, останется у нас несколько недель, чтобы на месте приобрести необходимые сведения о нашем народе, его истории, языке и литературе. Во время двухлетнего путешествия своего он собрал много редких грамот, особенно - касающихся истории Сербии и Болгарии".²

Приезду Григоровича в Прагу был особенно рад Шафарик. Еще в Новом Саде он начал интересоваться южными славянами и много сделал для объяснения их прошлого. В Праге он продолжил эти занятия. Поэтому Шафарик внимательно следил за путешествием казанского слависта по Балканам. Ведь до Григоровича почти никто не отважился заглянуть в Болгарию и Македонию, хотя об этом мечтали еще Добровский и Копитар. Кенпен даже прямо заявил о их недоступности. Венелин побывал только на северо-востоке Болгарии. Когда Срезневский и Прейс выразили желание посетить эту страну, то черногорский владыка сказал

¹ См. об этом: С.Б.Бернштейн, Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР. - ВЭЛ, вып.2, 1957.

² В.А.Францев, К биографии В.И.Григоровича. - РГВ, 1899, № 1-2, стр.147-148.

им, что это можно сделать лишь в том случае, если имеется в запасе по крайней мере две головы. Робкий Григорович был первым ученым, который проник в неведомые земли и нашел там бесценные остатки южнославянской старины. Это был величайший подвиг в истории славяноведения, получивший высокую оценку у современников и потомков. Н.М.Петровский, в частности, писал: "Давно признано, что основой славянской филологии является изучение старославянского языка, алфавитов и памятников начальной поры письменности — Григорович спас для нас Хиландарские листки, Мариинское евангелие, Македонский (Рыльский) листок, такие рукописи, без которых мы теперь не можем и представить себе теории старославянского языка. Две из этих рукописей являются в то же время и памятниками глаголицы, этой загадочной азбуки, вопрос о которой теснейшим образом связан с проблемами древнеславянской культуры и до сих пор не решен; кроме них, Григорович спас так называемое Боянское евангелие, любопытнейший палимпсест, дающий материал для суждения о хронологической последовательности славянских алфавитов. Зографское евангелие, один из важнейших памятников и глаголицы, и старославянского языка, было впервые описано Григоровичем; на такой исторический источник первостепенной важности, как Синодик царя Бориса, Григоровичем было впервые обращено внимание; история жизни и деятельности Климента значительно подвинулась вперед благодаря путешествию Григоровича; он же положил основание изучению важных для истории православных церквей документов, которые до того чуть не три века пролежали в центральной библиотеке Европы неиспользованными. Из памятников более новой поры важно было для того времени спасение некоторых рукописей произведений далматской поэзии. Наконец топографические наблюдения в недоступных для путешественников краях и лингвистические — над еще менее доступными говорами болгар, полное, отчетливое подтверждение темных ранее слухов о носовых звуках их языка — вот что было сделано Григо-

ровичем за время его заграничной командировки".¹ Сам Восток прочли его на свое место в Академии наук, и только из-за оппозиции Билярского ему не удалось осуществить эту мысль.

Шафарик тоже очень высоко ценил Григоровича и его открытия. Даже расходясь во взглядах, они уважали мнение друг друга. Пражский славист надеялся почерпнуть у Григоровича новые сведения. Однако его ожидания не вполне оправдались. 2 декабря 1846 года он писал племяннику: "С Григоровичем говорю часто, и стараюсь, насколько могу, извлекать пользу, но добыча в общем незначительна".² Через некоторое время снова: "Григорович пробудет здесь до весны. Насколько возможно, я стараюсь пользоваться его присутствием; но добыча ниже ожидавшейся".³ Некоторое разочарование, очевидно, объясняется тем, что Григорович большую часть рукописей уже отправил в Россию и имел при себе немногие из найденных памятников. Например, из Мариинского евангелия Шафарик видел только один лист. Правда, Григорович доставил ему много сведений о славянских памятниках, находившихся в разных местах Турции (например, об афонских и охридских рукописях), перечень болгарских сел и монастырей, список рукописей Копитара, записи болгарских народных песен.

В Праге Григорович пробыл почти пять месяцев. Однако о его занятиях в это время сохранилось довольно мало сведений.

¹ Н.М.Петровский, Путешествие В.И.Григоровича по славянским землям, стр.235. См. также: А.А.Кочубинский, У могилы В.И.Григоровича. Записки Новороссийского университета, т.ХХVI, 1878, стр.260-261; А.А.Кочубинский, Виктор Иванович Григорович (1815-1876) в истории славяноведения, стр.12-13; С.Б.Бернштейн, Памяти В.И.Григоровича. (К 150-летию со дня рождения). Известия ОЛИЯ, т.24, вып.4, 1965, стр.361.

² Там же, стр.206.

³ Там же.

Из донесений известно, что он ознакомился с Чешским музеем, в университете посещал лекции по чешскому языку проф. Коубка, которые оказались полезны тем, что лектор "оживлял обыкновенное грамматическое изложение замечаниями, касающимися современной литературной критики".¹ Не имея возможности поехать к лужичанам, Григорович ходил на лекции о верхне-лужицком языке в Лужицкой семинарии, которой руководил Ганка. Занимаясь чешским языком и литературой, он поставил перед собой задачу ознакомиться с ее примечательными памятниками. Для древнейшей эпохи он ограничился "Выбором из чешской литературы", по отношению к XV и XVI вв. — чтением некоторых неполемиических сочинений Гуса, Велеславина и Коменского. Из предметов будущего преподавания он особенно много внимания уделял славянскому языкознанию, которому Шафарик придал "возвышенное значение науки". "Новые труды г-на Шафарика, — писал он в донесении, — заслуживают по своей зрелости особенного внимания. Целый ряд рассуждений сего перво-степенного ученого посвящен теперь общей славянской грамматике. С особенною точностью г. Шафарик применяет законы, выведенные из общего языкознания, к составу славянских языков и историческим изучением последних возводит к общему началу указанные прежде их особенности. Согласно с общим направлением германских языкоиспытателей, сей ученый пояснил уже различные видоизменения корней, переход твердых звуков, древнейшие формы словоизменений и, наконец, в исторической теории языка чешского поставил нам образец последовательного учения о других наречиях. Такие труды, в высшей степени соответствующие назначению моему, конечно, должны были быть предметом ближайших изучений. Я всегда притом усиливался воспользоваться благосклонным содействием г-на Шафарика".²

¹ Донесения В.И.Григоровича..., стр.251.

² Там же, стр.252. Ср. также: "С половины октября нахожусь в Праге, где при содействии господ Шафарика и Ганки изучаю чешский язык и его литературу. Не нахожу слов выразить признательность свою сим достойным ученым. Особенно г. Шафарик ласковыми своими наставлениями и поощрением превзошел мои ожидания". Там же, стр.249-250.

Из учителей Григоровича в Праге нельзя не упомянуть также Якуба Малого. Под его руководством казанский славист совершенствовался в чешском языке. Впоследствии Малый писал: "Человек этот останется для меня незабвенным, как человек всесторонне образованный и приятный собеседник".¹

Учителем Григоровича по чешскому языку и литературе был также А. Шембера, с которым он познакомился в Оломоуце по пути в Прагу. Покидая Чехию в марте 1847 г., Григорович писал ему: "Я хотел, согласно обещанию, выразить Вам мою благодарность и почтение на дорогом мне чешском языке, в котором делал не особенно быстрые успехи. Все время с приезда моего в Прагу я оставался здесь и, имея честь пользоваться советами мужей, заслуженных в славянской науке, занимался разнообразными предметами моей специальности. Чешский язык и литература занимали при этом первое место. Закончив, хотя и кое-как, то, что я себе определил, ныне я обратно уезжаю в отечество. Вам известно, что Прагой я должен был закончить свое ученое путешествие, начатое мною с пределов Турции. Расставаясь с отечеством знаменитых мужей, я не могу не выразить Вам, бывшему моим первым учителем в области отечественной литературы, что чувствую себя весьма обязанным за уроки и благосклонное внимание почтенных и знаменитых ревнителей просвещения".²

В Праге Григорович поделился с учеными результатами своих разысканий. 12 ноября 1846 года он выступил в филологическом отделении Чешского общества наук с докладом "Свидетельства о славянских апостолах в Охриде", который потом был напечатан в "Журнале Чешского музея" (1847, № I). В нем речь шла о двух греческих житиях св. Климента, в одном из которых говорилось об изобретении им письмен. Это предание важно как первое письменное свидетельство о существовании у южных славян двух азбук. Позднее оно было использовано

¹ Я к. М а л ы й, Воспоминания и заметки старого чешского патриота. — "Славянский ежегодник", 1877, стр. 78.

² В. Ф р а н ц е в, К биографии В. И. Григоровича, стр. 150.

Шафариком для создания новой гипотезы о происхождении глаголицы и кириллицы. Кроме того, Григорович поместил в газете "Květy" статью "О народных школах у болгар". Он присутствовал также на выступлениях пражских ученых. В частности, 26 ноября слушал доклад Коубна "О неправильно понимаемом панславизме", 23 декабря доклад Шафарика — "Объяснение некоторых грамматических форм в славянском языке".

В Праге у Григоровича появляется мысль еще раз совершить путешествие в Турцию и Албанию. Эта идея находила полную поддержку Шафарика. В письме Погодину 26 декабря 1846 г. он писал: "Что касается просьбы Григоровича, то мне нет надобности много писать Вам об этом. Сделайте, что возможно. Дело кажется мне весьма важным. Его литературные открытия и объяснения относительно Климента, Науна и прочих помощников Кирилла и Мефодия в Македонии и Албании уже теперь весьма интересны, особенно древнее свидетельство о Клименте, как создателе нового алфавита; второе путешествие в Албанию теперь, после лучшей подготовки, дало бы еще большие результаты. Особенно относительно происхождения и распространения глаголического письма мы, может быть, — если вопрос не решится окончательно — стали бы на несколько более твердую почву. Поэтому, если Вы можете замолвить слово пред его превосходительством графом Уваровым, то сделайте это в интересах литературы и науки. Одно только меня озабочивает — что времени слишком мало. Г. Григорович желает исклопотать фирман до весны, чтобы быть в состоянии выехать через Вену, Триест в Корфу и Албанию. Сделайте, что возможно".^I

Не дождавшись разрешения вновь отправиться в Албанию, Григорович 2 (14) марта 1847 года покинул Прагу. Несколько дней спустя в Вену пришло сообщение, что министр продлил ему срок пребывания за границей до 1-го октября. Но было уже поздно.

В Казань Григорович вернулся 19 июля. Нужно было гото-

^I Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. II. Письма П.И.Шафарика, стр. 340-341.

виться к предстоящим занятиям. О планах преподавания он подробно сообщает Ганке. "Начал свое преподавание, которого главным предметом на текущий год — познание юго-западных языков и преимущественно священного. Вообще, разделяю оное на три курса: а) обозрение племен и языков вообще, б) познание юго-западных и северо-западных племен и языков и в) сведения о литературе славянской с упражнениями. Славянский язык изучаю со слушателями по грамматике Добровского с замечаниями, заимствованными из ученых рассуждений новейших исследователей".¹ В ноябре 1848 г. пишет Шафарику "В преподавании положил я в основание языковедение и сравнительно с древним языком прошел обозрение юго-западных наречий и теперь занимаюсь северо-западными. Историю литературы понимаю более в сфере языковедения, как историю языков, и стараюсь постепенно знакомить с памятниками языка в дополнение обозрений своих".²

После возвращения в Россию Григорович решил прежде всего выполнить совет Шафарика и изложить результаты своих наблюдений во время поездки. В 1848 г. выходит "Очерк путешествия по Европейской Турции". Это исследование, по выражению М.Петровского, "открыло новый материк с его неведомыми доколе обитателями. Вся история древнеславянской письменности, все исследования об языке восточной половины Балканского полуострова должны были принять новый вид, постройка их должна была производиться из того вновь открытого материала, который лежал в забросе до прибытия туда нашего ученого славянина. Наука уже не могла обойтись без книги Григоровича, воскресившей память о первых просветителях славян и многочисленных безымянных продолжателях их дела. Книга Григоровича дала новую работу всем адептам славянской науки, и во главе их был Шафарик, торжественно приветствовавший вскоре затем труды Григоровича, поднятые на разработку собранного

¹ Korespondence Pavla Josefa Šafaríka s ruskými učenými, sv.I, str. 253.

² Там же, стр.266.

и описанного им материала".¹

В 40-е и особенно 50-е гг. Шафарик все свое внимание сосредоточил на вопросе о происхождении славянского письма. Особенно его интересовала проблема глаголицы. В 20-30 гг. ученый придерживался точки зрения Добровского, что глаголица намного моложе кириллицы. Но в 1838 г. Погодин обратил его внимание на Евгеньевскую псалтырь XI в., в которой встречаются глаголические буквы. Шафарик ответил на это, что глаголица, несомненно, древнее, чем полагал Добровский, но не так стара, как думает Копитар.² В статье "Взгляд на древность и судьбу глагольской письменности" он высказывает уже несколько иное мнение: "Глаголица, какую находим в древнейших болгарских рукописях, довольно близко достигает древнейшего века кириллицы, но никак не переступает его, и что она произошла из неведомых причин и начатков, старанием какого-либо тихого ревнителя и исправителя, где-либо в глубине юго-славянства, в Македонии и Иллирии, — где скоро упавши, возделываема была потом отчасти независимо от первоначальных образов в Кроации — древнейшей, может быть, и первоисточной области глагольских писем".³

Большой неожиданностью для Шафарика было открытие проф. А.С.Гейслером пражских глаголических отрывков (I4.II.1855).⁴ Это заставило его приступить к еще более серьезному изучению проблемы. В декабре 1855 г. он просит Погодина прислать какие-нибудь сведения о кирилловских рукописях, переписан-

¹ М.П. — с к и й, Виктор Иванович Григорович в Казани. — "Славянское обозрение", 1892, т. II, стр. 263-264.

² См. также: П.И.Шафарик, Расцвет славянской письменности в Булгарии. — ЧОИДР, 1848, кн. 7, стр. 39.

³ П.И.Шафарик, Взгляд на древность и судьбу глагольской письменности. — ЖМНП, ч. 87, стр. 96-97.

⁴ 23 декабря 1855 г. он пишет Григоровичу "Из прилагаемого листка увидите, какое важное открытие сделано у нас... Весь вопрос о начале глаголицы и кириллицы требует пересмотра. Когда-нибудь, вероятно, и я чем-нибудь помогу решению его. Теперь еще нельзя". Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М.Бодянскому. С приложением писем П.И.Шафарика к В.И.Григоровичу, стр. 224.

ных с глаголических, так как вопрос о происхождении славянских алфавитов требует пересмотра. Но вскоре пишет ему, что слухи, будто он считает глаголицу более древней, не соответствуют действительности. Однако в работе "О происхождении и родине глаголитизма" (1858) Шафарик выдвигает новую гипотезу. Суть ее сводится к следующему: "Во-первых: славяне до Кирилла и Мефодия не имели никаких собственных букв для писания книг...; во-вторых: Константин изобрел азбуку совершенно новую, то есть состоявшую из новых начертаний, которые не были ни греческие, ни еврейские, ни латинские; в третьих, если же Константин изобрел азбуку с новыми буквами, следовательно, глаголическую, то, так называемая, кирилловская, наиболее с греческими начертаниями, должна получить свое начало от Климента".¹

Григорович интересуется теми же вопросами. Особенно его занимала проблема глаголицы. "Он был предан глаголице как религиозной святыне, готов был всякого вводить в ее таинства".² Уже 18 ноября 1848 г. Григорович писал Срезневскому: "Давая волю предположениям, я связал бы глагол <игу> с русскими письменами Св. Кпр <иλλα> и утверждал бы, что глаголита не одним лишь южным подунайским слов <янам> была известна".³ Будучи избранным действительным членом Казанского общества любителей отечественной словесности, он прочитал несколько докладов: "Некоторые дополнительные сведения

¹ П.И.Шафарик, О происхождении и родине глаголитизма. — ЧОИДР, 1860, кн. IV, стр. 4. Срезневский в связи с этим писал Григоровичу: "Читали ли Вы новую брошюру П. Шафарика о глаголице. Бродя по разным мнениям, он наконец остановился на Вашем. Мнение, может быть, и справедливо, но доказательства его для меня вовсе не убедительны, и немногие, более других ценные, теряются в массе слабых. Новых доказательств фактических, как мне кажется, нет вовсе. — Новым одушевлением к вопросу о глаголице, может быть, проникнитеесь и Вы. Дай бог, Ваше слово более чем когда-нибудь было бы кстати". ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 2, ед. хр. 28, л. 86.

² И.И.Срезневский, На память об И.М.Бодянском, В.И.Григоровиче и П.И.Прейсе, стр. 20.

³ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 2, ед. хр. 28, л. 68.

о св. Кирилле и Мефодии, первоприсветителях славянских и изобретателях славянской азбуки", "О глаголите", "О древней письменности славян" и др. Некоторые из этих докладов и другие исследования составили сборник "Статьи, касающиеся древнего славянского языка" (1852). В них говорится о значении церковнославянского языка для изучения других славянских языков, для обогащения русского языка и развития русской культуры, рассматриваются труды по древнеславянскому языку до XVII в., характеризуются памятники церковнославянской литературы. Здесь же он сформулировал и свою гипотезу о происхождении кириллицы и глаголицы, а именно: "Св. Кирилл нашел глаголицу, а Мефодий (вместе с Кириллом?) после о б р а т и л ее и греческий алфавит в другую славянскую азбуку (кирилловскую)".¹ Григорович доказывал это формой начертаний знаков, кирилловскими текстами на выскобленных глаголических рукописях и т.д.

Эта гипотеза была сразу же оценена Шафариком. В работе "Взгляд на древность и судьбу глагольской письменности" он писал: "Первая часть Копитарова учения, а именно: что глагольское письмо гораздо древнее, нежели как полагал Добровский, получила полное подтверждение от путешествия по Турции казанского профессора В. Григоровича (1844-1845) и архимандрита Порфирия Успенского (1845-1846), и от появления некоторых важных глагольских памятников".² Однако сам Шафарик, как мы видели, придерживался иной точки зрения. В письме Григоровичу от 11 ноября 1852 года он писал: "С удовольствием я узнал, что Вы не перестаете с пользой трудиться на поприще литературы и особенно старого языка, доказательство чему я вижу и в ЖМНП, где я недавно прочел Ваше исследование о происхождении глаголицы (имеется в виду статья "Чтение о древней письменности у славян", ЖМНП, 1852, № 3 - С.С.). Вашим попыткам я с удовольствием придаю выс-

¹ В. Г р и г о р о в и ч, Статьи, касающиеся древнего славянского языка, Казань, 1852, стр. 67.

² П. И. Ш а ф а р и к, Взгляд на древность и судьбу глагольской письменности, стр. 36.

кое значение, хотя во взглядах с Вами не согласен".¹

Григорович был обладателем уникальных памятников славянской письменности. Ученые ждали от него публикаций и исследований. Но Казань не имела для этого соответствующей типографской базы. "Чтения в Обществе истории и древностей российских" были закрыты за опубликование перевода Флетчера. После 1848 года начала свирепствовать духовная цензура.

У Григоровича трудности с цензурой возникли уже при издании книги "Статьи, касающиеся древнего славянского языка". В 1852 году он приготовил к печати "Службы св. Кирилла и Мефодия", но смог их опубликовать только через десять лет под заглавием "Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов свв. Кирилла и Мефодия" (Казань, 1862). Таким образом внешние обстоятельства поставили ученого в трудное положение. В письме Срезневскому 17 октября 1852 г. он с грустью писал: "Благосклонным письмом Вашим извещен о затруднениях к печатанию служб св. Кирилла и Мефодия. Крайне опечален этим, ибо могу предполагать, что и впредь подобные затруднения не престанут препятствовать изданию подобных памятников. Готовя это издание, предварительно советовался со многими лицами, которым угодно было ободрить меня. Содержание его выше формы. Оно само за себя говорит и послужило бы ответом на несправедливые толки о значении в церкви наших апостолов. Прося покровительства Академии, чаял, что ее авторитет ослабит сомнения. Теперь убеждаюсь, что цензура не обращает внимания на это. Таким образом мне ни к кому нельзя будет прибегнуть. Несчастье, которое особенно чувствительно".²

Между тем Шафарик почти в каждом письме в Россию спрашивает, где Григорович, что делает с рукописями,³ почему не

¹ Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М.Бодянскому. С приложением писем П.И.Шафарика к В.И.Григоровичу, стр.223.

² ЦГАЛИ, ф.436, оп.2, ед.хр.28, л.77.

³ Ср., например, письмо от 5 декабря 1852 г.: "Напишите, пожалуйста, как поживаете и что поделываете? Не издадите ли нам целиком глаголического евангелия (Маринского. - С.С.), а также и других памятников из Вашего богатого со-

печатает, упрекает его в утаивании богатств, нежелании дать их науке. Григоровичу оставалось лишь отмалчиваться. Сознавая свою беспомощность, он выработал в себе проницательное отношение к явлениям жизни, с самоуничижением называл себя "смирненным гамалом науки".

Труды и рукописи Григоровича были необходимы Шафарiku для дальнейшей работы. Он постоянно обращается к казанскому слависту с просьбами прислать разные выписки и снимки. Особенно большая помощь потребовалась при подготовке к изданию Пражских глаголических отрывков. 23 декабря 1855 г. Шафарик извещает Григоровича об открытии этого памятника и интересуется кирилловскими рукописями, в которых есть следы того, что они списаны с глаголицы. 8 января 1856 г. посылает копию с прочтенной части глаголических отрывков с просьбой подобрать подходящий кирилловский текст, без которого трудно было бы восстановить полустертую пражскую рукопись. Отрывки из рукописей, найденных Григоровичем, имеются в книгах Шафарика "Памятники глаголической письменности" и "Памятники древней письменности южных славян". С рукописями Григоровича связана и последняя крупная работа пражского ученого о глаголице ("О происхождении и родине глаголитизма").

В 1863 г. Казанский университет присудил Григоровичу ученую степень доктора *honoris causa*. В том же году он уволился со служб по болезни. Лишь по ходатайству университета читал еще лекции до 1 января 1864 года. После этого Григорович переехал на жительство в Херсон. В мае 1865 г. Ришельевский лицей был преобразован в Новороссийский университет, куда Григорович был определен ординарным профессором. В первый академический год он читал "о землях, народах и языках славянских", а позднее — обзорное славянских языков и народов, древний славянский язык и предварительную историю славянской филологии, славянские древности, историю славянских литератур.

брания?" Письма Павла Иосифа Шафарика к О.М.Бодянскому. С приложением писем П.И.Шафарика к В.И.Григоровичу, стр.224.

В эти же годы Григорович много занимался научными исследованиями, публикуя их исключительно в одесских изданиях.¹ Почти все они посвящены изучению византийско-славянских отношений, судеб славян на Балканах, археологии, этнографии и географии юга России. Исключение составляет только его публичная лекция в Одесском славянском благотворительном обществе "И.А.Коменский, словянский педагог-реалист XVII ст.", посвященная жизни и деятельности этого великого чешского ученого.

х х

х

Путешествия Бодянского, Прейса, Срезневского и Григоровича в славянские земли имели исключительно большое значение в истории филологии в России. Они ознакомились со многими славянскими языками и диалектами, собрали огромный языковой, фольклорный и этнографический материал, открыли, осмотрели и отчасти переписали массу древнейших письменных памятников, приобрели солидные познания во всех областях славяноведения, установили прочные научные и дружеские связи со многими выдающимися славянскими учеными.

Вернувшись на родину, молодые ученые заняли кафедры истории и литературы славянских наречий в ведущих университетах страны и немало сделали для распространения в России самых разнообразных знаний о славянстве, создали стройную систему славистических дисциплин и положили начало у нас научной разработке истории, языков и литератур, этнографии и древностей славянских народов. Благодаря их научной и педагогической деятельности выросло второе поколение славистов, которое своими трудами способствовало дальнейшему развитию русского славяноведения. Бодянский подготовил таких видных ученых, как А.Гильфердинг, А.Майков, А.Котляревский,

¹ Позднее работы Григоровича этого периода были собраны М.Г.Попруженко и изданы в XXV томе "Летописи Историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете", Одесса, 1916.

А.Дювернуа, А.Кочубинский и др. Учениками Срезневского были братья Лавровские, В.Макушев, В.Ламанский, А.Пыпин, А.Будилович. У Григоровича учились А.Соколов, М.Петровский, А.Смирнов. Их научные достижения были настолько значительны, что уже в 70-е гг. встал вопрос о разделении славянских кафедр на несколько отделений с особыми профессорами, так как без этого стала невозможна дальнейшая специализация. В это же время неоднократно выдвигались проекты о введении преподавания славянских языков в гимназиях.

Труды первых русских славистов открыли новую область науки, которая оказала большое влияние и на изучение русских древностей. История, жизнь и быт русского народа, язык и народная поэзия начинают объясняться путем сравнения с аналогичными явлениями других славянских народов. Сравнительный славянский материал становится необходимой составной частью всех историко-лингвистических исследований. Если у Буслаева он еще не так значителен, то исторический синтаксис Потебни уже невозможно представить без данных других славянских языков. При этом славяноведение помогает не только глубже осветить исторические судьбы русского языка, но и исправить многие неверные представления, которые до того господствовали в науке (ср., напр., многие работы Потебни, "Заметки о звуках русского и старославянского языков" Колосова, "Записка о втором издании первой части исторической грамматики Ф.И.Буслаева" Лавровского и др.).

С середины XIX века славянская филология, достигшая уже высокого уровня в трудах чешских и русских ученых, становится европейской наукой и разрабатывается во многих странах. Этому немало способствовало открытие славянских кафедр в Берлине, Париже и Бреславле. Притом уже первые представители сравнительного языкознания (особенно Бопп и Гримм) убедительно показали, что без широкого привлечения славянского материала невозможно построение сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. Здесь большая заслуга принадлежит А.Шлейхеру, занимавшему в 1850-57 гг. славянскую кафедру в Праге. Его капитальные труды по сравнительному и славянскому языкознанию принесли ему широкую известность и

подготовили школу немецких славистов (Лескин, И. Шмидт, Бецценбергер). В Вене Миклошич создает сравнительную грамматику славянских языков, ряд трудов по церковнославянскому языку, издает древние памятники, изучает славянские заимствования в других языках, пишет исследования по южнославянскому эпосу, славянской этнографии и другим проблемам. Оживляется научная деятельность у словаков (Бернолак, Штур), лужичан (Иордан, Смолер), сербов, хорватов и словинцев (Даничич, Будмани, Новакович и др.).

Пребывание русских славистов в Чехии падает на годы расцвета чешского национального возрождения. Хотя это движение хронологически совпадает с европейским романтизмом, имеет с ним некоторые черты сходства, оно отличается глубоко демократическим характером. Деятели возрождения, сами выходя из народных низов, стремились прежде всего пробудить народ обращением к славному прошлому, изучением языка, народной поэзии, обычаям. Это изучение приводило к убеждению в непобедимости народа, сохранившего свою самобытность и пронесшего ее через века чужеземного ига. Появлялась вера в будущее, которое рисовалось в неясной форме славянского единства.

Наши слависты полностью усвоили эти романтические взгляды будителей на все славянское, прониклись самым искренним и горячим сочувствием к славянскому возрождению, стремились распространить в русском обществе интерес к славянским языкам, литературе, фольклору, истории. Тем самым их деятельность сыграла большую роль в укреплении дружеских связей русского и чешского народа. Однако, наблюдая во время путешествия большие симпатии к России, они никогда не ставили вопроса, в чем их источник и каковы результаты в будущем. Это уже вводило в область политики, от которой были далеки и сентиментально-романтический Срезневский, и трезвый Прейс, и твердый Бодянский, и скромно-боязливый Григорович. В этом отношении они далеко стояли от славянофильства и панславизма, появившихся в сороковые и пятидесятые годы. Например, Срезневский писал Ганке в феврале 1848 года: "Говоря о Петербурге и Западе, невольно вспоминаешь наши литерат. партии.

Самые ярые из них -- партия западников и партия (псевдо-) славоманов. Последним достается во всех журналах -- и подолом. Не зная славян, ни их быта, ни их истории, ни их литературы, эти люди кричат о славянах и своими возгласами только портят. Возгласы эти -- панегирики, где расхваливается то, что не очень стоит похвалы, и умалчивается о том, что стоит не только похвалы, но и удивления, а все от незнания. Когда то, что хвалилось, не было еще известно, дело сходило с рук; но чуть оно становится известным, люди видят, что рассыпанных похвал оно не стоит, и славянофилов хваливших начинают ругать вместе с тем, что они хвалили. Теперь по необходимости у нас отделились слависты и славянофилы, как две партии, ничем не связанные".¹

Этим заканчивается первый, народно-романтический, период в истории русского славяноведения, период, проникнутый беззаветной любовью ко всему народному, прошлому и настоящему, верой в будущее, чувством искренней дружбы ученых разных стран.

С п и с о к с о к р а щ е н и й

- ВСЯ - Вопросы славянского языкознания.
 ЖМНП - Журнал министерства народного просвещения.
 ИОРЯС - Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

¹ Письма Вячеславу Ганке из славянских земель, стр.1061. См. также высказывание А.Кочубинского: "Брат метафизического тумана, Бодянский не принадлежал к славянофилам: не причисляя себя ни к правоверным, ни к дисидентам, он не чуждался ни тех, ни других, но везде брал свободу своего мнения, самостоятельность суждения... В изданиях славянофилов он не участвовал. Его круг людей составляли земляки: Гоголь, Кулиш, Шевченко и пр.". А.А.Кочубинский в его дневнике. -- "Исторический вестник", 1887, декабрь, стр.512-513.

- ОЛИЯ - Отделение литературы и языка АН СССР.
- ОРЯС - Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук.
- РФВ - Русский филологический вестник.
- ЦГАЛИ - Центральный государственный архив литературы и искусства.
- ЦГИА ЭССР - Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР.
- ЧОИДР - Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЗАБЫТЫМИ СТРАНИЦАМИ
(к вопросу о лингвистической методологии)

З.Д.Попова

Идея основного (инвариантного, общего) падежного значения и принципы установления бинарных корреляций между падежами, как известно, выдвинуты представителями структурного направления в языкознании в 30-х годах XX века¹. А конкретное преломление идеи общего падежного значения на русском материале сделано, что также хорошо известно, Р. Якобсоном². Для цели, с которой написаны эти заметки, необходимо кратко изложить основания классификации русских падежей, представленные в труде Р.Якобсона.

Вслед за М.Дейчбайном³ и Л.Ельмслевом⁴ автор утверждает идею существования общего значения падежа. Соглашаясь с

¹Обзор литературы по этой проблеме за период с 1935 по 1956 год см. в статье: A. W. de Groot. Classification of cases and uses of cases "For Roman Jakobson". Mouton, 1956, The Hague. Далее (до 1961 г.) - в статье: Т. В. Булыгина. Некоторые вопросы классификации частных падежных значений. "Вопросы составления описательных грамматик". М., 1961.

²R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. TCILP, VI, 1936.

³M. Deutschbein. Bedeutung der Kasus in Indogermanischen. Atti del III Congresso internazionale dei linguisti. Firenze, 1935.

⁴L. Hjelmslev. La catégorie des cas. Acta jutulandica. VII, 1935; IX, 1937.

Брёндалем¹, он подчеркивает морфологическую природу этого значения, которое лишь конкретизируется в отдельных употреблениях. Общие значения русских падежей устанавливаются следующим образом.

Р.Якобсон находит в русском языке восемь падежей и разбивает их на четыре пары: имен. и твор.; вин. и дат.; род. I и род. II; предл. I и предл. II. Эти пары противопоставлены по признакам: направленность действия – ненаправленность действия; объемность – необъемность; оформленность – неформальность предмета.

Внутри каждой пары падежи противопоставлены по признаку центральности (основные, главные в высказывании) – периферийности (второстепенности, зависимости). Центральными являются имен., вин., оба родительных.

Таблица падежных корреляций, предложенная Якобсоном, выглядит так².

(N	↺	A)	↺	(G I	↺	G II)
↻		↻		↻		↻
(I	↺	D)	↺	(L I	↺	L II)

Эта система благодаря простоте и четкости получившихся соотношений завоевала широкое признание в зарубежной славистике, нашла сторонников и среди советских синтаксистов, служит предметом активного обсуждения.

На этом фоне на первый взгляд какой-то мистификацией выглядит заметка А.В.Барсова "Значение и зависимость падежей и их соотношение между собой", помещенная в журнале "Филологические записки" (1880, вып. III), выходившем в Воронеже во второй половине XIX – начале XX века. Автор этой заметки устанавливает ... основные значения падежей и определяет...

¹ Atti del III Congresso internazionale dei linguisti. Firenze, 1935, стр.146.

² R. J a k o b s o n. Указ.раб., стр.281.

бинарные отношения между ними.

А.В.Барсов, преподаватель словесности из г. Темир-Хан-Шура (ныне г. Буйнакск Дагестанской АССР), впоследствии инспектор Бакинского реального училища, неоднократно выступал на страницах "Филологических записок" по вопросам синтаксиса¹ и методики преподавания литературы². А.В.Барсов был одним из составителей "Синтаксического задачника", изданного в Темир-Хан-Шуре (1880)³.

Какова же русская падежная система в изложении малоизвестного синтаксиста прошлого века?

Примыкая к точке зрения А.А.Дмитриевского о второстепенной роли подлежащего в предложении⁴, А.В.Барсов считает, что именительный падеж принципиально не отличается от косвенных, однако в классификацию падежных форм его не вводит⁵.

Косвенные падежи разбиваются вначале на две группы:

- 1) вин. и дат. - падежи, указывающие на предметы, к которым прямо направляется действие;
- 2) род., твор., предл. - падежи, обозначающие предметы, которые стоят близко в каком-нибудь отношении к другим.

Затем автор забывает о предложном падеже, не объясняя причины.

¹"Филологические записки", 1880, вып. II, III; 1881, вып. I.

² Об этом см.: Н. В. С о к о л о в а. Вопросы методики преподавания литературы на страницах "Филологических записок". "Материалы по русско-славянскому языкознанию", Воронеж, 1964, стр. 202-205.

³ См. рецензию в "Филологических записках", 1880, вып. IV.

⁴ А. В. Б а р с о в. О частях предложения в связи с рассмотрением некоторых форм. "Филологические записки", 1880, вып. II. Подробно о дискуссии по поводу роли подлежащего в структуре русского предложения, которая велась на страницах "Филологических записок", см: В.В. В и н о г р а д о в. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, стр. 289-295.

⁵ А. В. Б а р с о в. Значение и зависимость падежей..., стр. 2.

Внутри каждой группы А.В.Барсов противопоставляет оставшиеся два падежа по дополнительным признакам¹. В качестве таких признаков он избирает первостепенность и второстепенность предмета, обозначаемого данным падежом, для действия. Первостепенными падежами у него оказываются дат. и род., второстепенными – вин. и твор.

Таблица А.В.Барсова выглядит так:

I группа	а) Винительный падеж (второстепенный предмет)	Падежи, означающие предметы, к которым направлено действие.
	б) Дательный падеж (первостепенный предмет)	
II группа	а) Творительный падеж (второстепенный предмет)	Предметы, близкие к предмету, означенному другим падежом.
	б) Родительный падеж (первостепенный предмет)	

На основе произведенных противопоставлений автор указывает основные значения падежей: 1) винительный – прямое дополнение, 2) дательный – цели, 3) творительный – орудия, 4) родительный – принадлежности или вообще отношения. Эти же падежи, выступающие в других значениях, автор рассматривает как видоизменения основных.

Опираясь на четыре падежа, А.В.Барсов произвольно упростил свою задачу и получил предельно четкую систему, члены которой различаются всего по двум признакам (направленность – ненаправленность, первостепенность – второстепенность). Доказательны ли корреляции, установленные А.В.Барсовым?

Не требуется приводить всех доводов труженика филологии прошлого века, чтобы убедиться в их наивности и случайности. Укажем некоторые.

Почему род. падеж отнесен к первостепенным? На примере "эта книга брата" автор объясняет, что брат важнее книги, потому что он может пользоваться книгой как вещью.

¹ Там же, стр. 3.

Близость вин. и твор. падежей, обозначающих второстепенные предметы, подтверждается тем, что у этих падежей похожие окончания (в жен. роде — *ж, ѣж* и *оѣж, ѣѣж*; в муж. роде — *ы, —а* и *—ы, —ами*), и тем, что вин. падеж легко переходит в твор. (бросил камень — бросил камнем).

Близость вин. и дат. падежей, обозначающих предметы, к которым направлено действие, основывается на случае их смешения (больно ноге и больно ногу), а близость противопоставленных им род. и твор. падежей на примере: был высоко роста — высок ростом.

Подмена синтаксических значений лексическими, случайное внешнее сходство окончаний, разрозненные синонимические соответствия вторичного характера — таковы основания классификации падежных значений в заметке А.В.Барсова. Ясно, что сделанная им группировка падежей — результат умозрительных заключений, иллюстрированных первыми попавшимися примерами, подчиненными схеме.

Но вернемся к таблице Р.Якобсона. Чем обоснована правомерность установленных им корреляций?

Рассматривая падежи, противопоставленные по признаку направленности-ненаправленности действия (имен., твор. — вин., дат.), Якобсон излагает положения, установленные трудами многих грамматистов и логиков прошлого о значениях субъекта и объекта, участия предмета в действии и направленности действия на него¹. При этом он перечисляет несколько падежных значений именительного, дательного и особенно творительного падежа², считая их семантическими типами общего значения.

Выделение объемных падежей, по существу, обосновано только одним из значений родительного (партитивным), аблативные значения объединяются с первым как частный случай (полное исключение объекта из действия)³, в определении

¹ R. J a k o b s o n. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. TCLP, VI, 1936, стр. 247, 254, 261.

² Т а м ж е, стр. 249-251, 264-268, 268-270.

³ Т а м ж е, стр. 259.

местного падежа признак объемности, собственно, не мотивируется¹. Здесь сообщаются также разные значения предложного падежа (временные, количественные и под.)

Падежи оформленности определяются по противопоставлениям на нескольких примерах (ложка перцу – без перца, сколько красоты в лесу – сколько красоты в лесе)².

Противопоставление центральных и периферийных падежей разъясняется таким образом: центральные падежи не показывают, на каком месте они стоят; периферийные члены свидетельствуют, что должен быть центральный член (огнем – мечом, Ивану Иванову), а центральные члены не свидетельствуют, что должен быть периферийный член³. Однако уже для вин. падежа (ср. карету!) такое определение центральности не подходит.

Несоответствие схемы общих значений языковым значениям привело к многочисленным переработкам и созданию новых теорий падежных значений. Даже те синтаксисты, которые опираются на схему Якобсона, расходятся с ним в определении конкретных дифференциальных признаков падежей⁴.

Бесспорно, концепции А.В.Барсова и Р.Якобсона не соотносимы ни по уровню выполнения, ни по значимости. Однако их сопоставление вызывает раздумья о методологии лингвистического исследования. Стремление к простоте и четкости описания, достигаемое путем умозрительных построений на основе случайных фактов, иллюстрирующих эти построения, не приводит к созданию надежного компаса для ориентации в сложной языковой действительности.

¹Т а м ж е, стр. 273–275.

²Т а м ж е, стр. 278–279. Подробно об этом см.: З. Д. П о п о в а. Чай–чая, сахара–сахару. – "Русская речь", 1968, № 4.

³Р. Я к о б с о н. Указ.раб., стр.262.

⁴См.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962, стр.43, 46, 256 и нек.др.; Е. В. Ч е ш к о. История болгарского склонения. М., 1970.

С.В.Смирнов

И.А.Бодуэн де Куртенэ был командирован в 1868 г. в Петербург для усовершенствования в славянской филологии. Здесь он впервые встретился с И.И.Срезневым, в то время деканом историко-филологического факультета. Академик, первый доктор славяно-русской филологии, автор многочисленных трудов по языку, мифологии, этнографии, археологии, палеографии, Срезневский был общепризнанным главой славянского и русского исторического языкознания. Его имя ставилось в один ряд с именами И.Добровского, А.Востокова, П.Шафарика. По словам А.Кочубинского, "трезвый, осторожный, строго методический ум, не допускавший ни малейшего фатовства в науке, осторожный до того, что только самой работой указывал конечный вывод, но не объявлял его; Срезневский с этими качествами, очевидно, был редкий наставник, руководитель для каждого, кто искал науки".¹ Более двух лет Бодуэн работал под руководством именитого ученого.

Летом 1870 г. Бодуэн уехал в Лейпциг, где выдержал экзамен и на основании уже опубликованных работ был удостоен степени доктора философии. В качестве диссертации он представил исследование "Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении" вместе с несколькими более мелкими статьями. Эта работа была своего рода протестом против "мертвящего формализма Шлейхера" и явилась одним из первых опытов применения принципа аналогии при объяснении звуковых изменений и происхождения падежных форм. Оппонентами на защите выступали А.Лескин и Г.Курциус. О первом из них Бодуэн писал: "Лескин, как главный офици-

¹А.А.Кочубинский, Итоги славянской и русской филологии, Одесса, 1882, стр.7.

альный рецензент этой "докторской диссертации", должен был прочитать ее внимательно, и она ему понравилась, тем более, что он сам имел уже наверное те же идеи об историческом развитии форм языка. Возможно тоже, что многочисленные примеры, почерпнутые мною из памятников в доказательство высказанных в названном труде выводов и соображений, заставили Лескина стать решительно на сторону психологического понимания изменений языка. Этим я вовсе не умаляю полной самостоятельности и независимости Лескина. Ведь часто случается, что у человека появляется совершенно новая мысль, но он не имеет храбрости высказать ее решительно, пока не найдет подтверждения ей у кого-нибудь другого".¹

В Лейпциге Бодуэн опубликовал свою магистерскую диссертацию "О древнепольском языке до XIV столетия" (1870). В предисловии он отмечал: "В окончание я считаю приятнейшим долгом засвидетельствовать здесь глубокую благодарность И.И.Срезневскому, который и предложил мне заняться этим вопросом и во время моих занятий не отказывался быть моим руководителем и наставлял меня своими советами, которые, преимущественно при составлении словаря, были для меня неоцененным пособием".² Позже работа была высоко оценена и Срезневским, который писал: "Задача состояла в доказательном раскрытии древнего строя польского языка, дотоле неизвестного большинству исследователей, — и она решена насколько было возможно полно и ясно. Приемы, употребленные исследователем для решения им избранной задачи, явились в его книге не в первый раз; но этим приемам ни для одного наречия никем не сделано было такого подробного и тщательного разыскания, какое находим в его книге по древнему польскому. Это, бесспорно, одно из необходимейших пособий не только для того, кто желает узнать историю польского языка, но и для всякого сла-

¹ Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович. — Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, под ред. С.А. Венгерова, т.У, 1897, стр. 30-31.

² И. А. Бодуэн де Куртенэ, О древнепольском языке до XIV-столетия, Лейпциг, 1870, стр. IV.

вьяниста"¹. Осенью 1870 г. Бодуэн защитил диссертацию в Петербурге и получил степень магистра сравнительного языковедения. В этом же году он был допущен к чтению лекций в университете в звании приват-доцента.

В начале 1872 г. Бодуэн был снова командирован с учёной целью за границу, где пробыл около трех лет. Преимущественно он занимался исследованием малоизученных славянских говоров в юго-западной Австрии и северной Италии. Позднее он писал об этом: "Исследованию народных говоров в среде самого народа Б. де К. предавался с особенным увлечением и даже слишком усердно. Желая быть до нельзя добросовестным и обстоятельным, Б., с одной стороны, никак не мог достигнуть настоящей точности и обстоятельности, с другой же стороны, набирал столько материала, что должен был впоследствии падать под его тяжестью, так что в течение многих лет он не в состоянии справиться даже с частью этого громадного материала. Вращаясь в среде народа, Б. с лихорадочною жадностью записывал все, что слышал, боясь выпустить хоть одно слово; а само собою разумеется, что подобное "фотографированье" слышимого с помощью невооруженного уха никогда не может быть вполне точным. Затем, Б. старался посещать по возможности больше местностей, относящихся к известному говору, с целью отметить по возможности все оттенки произношения даже между отдельными деревнями; а подобная мелочность и научный педантизм отвлекают внимание от более важных и существенных диалектических признаков, да кроме того заставляют ограничиваться только малым числом говоров, не позволяя расширять круга наблюдений. Но все-таки Б-ну удалось изучить и отчасти даже открыть довольно много прежде неизвестных народных говоров"². Естественно, что немалую помощь в этом ему оказали работы Срезневского "О наречиях славянских" (ЖМНП, 1841,

¹ И.И.Срезневский, Отчет о трех книгах И.А.Бодуэна де Куртенэ. - Сборник ОРЯС, т.21, 1881, стр.35.

² Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, под.ред. С.А.Венгерова, т.У., стр.27.

ч. XXXI) и "Донесение министру народного просвещения из Загреба от 2 (15) августа 1841 г." (ЖМНП, 1842, ч. XXXIII), в которых были изложены результаты наблюдений над этими говорами, проведенных весной 1841 г.

Весной 1875 г. Бодуэн вернулся в Петербург и защитил докторскую диссертацию "Опыт фонетики резьянских говоров". Срезневский был главным оппонентом на защите. Он же посоветовал Бодуэну представить свою работу на соискание Уваровской премии. Будучи официальным рецензентом, Срезневский отмечал, что в книге представлен богатый фактический материал, дан подробный разбор фонетических особенностей резьянских говоров, в приложении опубликован единственный письменный памятник резьянского наречия с грамматическими примечаниями и словарем. Все это позволило автору сделать ряд выводов, имеющих важное значение как для истории славянских языков, так и теории языкознания. Особенно интересными Срезневский считает замечания о взаимоотношениях между языками (взаимовлияние и скрещение родственных диалектов, взаимовлияние соседних языков, роль субстрата)^I. На основе этого отзыва Академия наук присудила в 1876 г. Бодуэну Уваровскую премию. Естественно, что в своих письмах он неоднократно выражает Срезневскому чувства признательности, называет себя его учеником и почитателем.

После защиты диссертации Бодуэн уехал в Казань (уже в 1874 году он был избран доцентом по кафедре сравнительной грамматики и санскрита). Из Казани он пишет Срезневскому о своей жизни, научных планах, сообщает разные новости.

В феврале 1880 г. Срезневского не стало. В У выпуске "Филологических записок" Бодуэн публикует рецензию на труды К. Аппеля, в которой дает уже иную оценку деятельности покойного. Говоря о некоторой устарелости своей работы о польском склонении, он добавляет: "Тема эта (собрание материала для истории польского языка из латинских грамот) была мне предложена покойным И. И. Срезневским, не желавшим вовсе понимать задач и метода настоящего языковедения... и не добивавшимся

^I См. И. И. Срезневский, Отчет о трех книгах И. А. Бодуэна де Куртена, стр. 33-47.

от молодых чернорабочих (какими были для него люди, "занимавшиеся под его руководством") ничего другого, кроме словаря, да и то обыкновенно словаря с каким-нибудь курьезным порядком слов. Подобная работа не могла удовлетворять ума, хоть сколько-нибудь живого и желающего понимать настоящие научные вопросы. Она действовала на крепостного почтенного палеографа подавляющим образом и вызвала потребность хоть кое-как вознаградить все бессмыслие и чисто механический труд навязанной работы, труд, который впрочем не был бы так тяжелым, если б "руководивший" согласился дать хоть какие-нибудь указания относительно приемов, делающих возможным самое скорое и целесообразное производство подобных работ. Отсюда-то и появились в сочинении "О древнепольском языке до XIV стол." недостаточно обдуманные выводы, незрелые и чрезвычайно смелые объяснения и обобщения фактов, не дающих сами по себе никакого права на это, и вообще то странное несоответствие, какое замечается, с одной стороны, между самым тщательным, самым строгим и самым добросовестным сопоставлением и обработкой всевозможных мелочей из грамот и других древнепольских памятников, а с другой стороны, между большою смелостью и отчасти фантастичностью общих выводов. Впрочем, несмотря на всю подавленность ума этою египетскою работой, мне все-таки удалось сделать несколько совершенно верных и до того неизвестных объяснений"^I.

Такая же характеристика Срезневского была дана и в автобиографической заметке, написанной по просьбе редакции "Критико-биографического словаря русских писателей и ученых". Ср.: Срезневский "не мог терпеть обобщений, и всякое проявление новой или хотя бы даже старой, но хоть сколько-нибудь смелой, научной мысли было ему противно. После этого легко понять, что подобный руководитель не хотел и не мог признавать ни малейшего значения за моим трудом: *"Einige Fälle der Wirkung der Analogie"*. Не допуская вовсе подобных обобща-

^I И.А. Бодуэн де Куртене, (рец.) Карл Аппель:
1) Заметки о древнепольском языке. 2) К славянскому народному словообразованию. — "Филологические записки", 1880, № 5, стр. 3-4.

ших работ, для диссертации на степень магистра сравнительного языковедения он требовал от меня составления словаря польских слов, встречающихся в латинских грамотах... Подобное бессмысленное занятие должно было иметь роковое влияние на молодой ум. Я стал апатичен, равнодушен ко всему, потерял почти все мое честолюбие, не находил никакого удовольствия в труде, никакого стимула ни в самом себе, ни в окружающей меня среде. Я, правда, оправился впоследствии; но то, что раз было потрясено, не могло уже никогда возвратиться к моей прежней энергии"¹.

Итак, перед нами столкновение двух крупных ученых, принадлежавших к двум разным эпохам, каждая из которых характеризуется своими особенностями. Уже Крушевский сделал попытку выяснить сущность каждой из них. По его мнению, прежнее языкознание стремилось раскрыть взаимное родство индоевропейской семьи и восстановить индоевропейский праязык и праязыки отдельных семейств. Причину такого направления в лингвистике он видит в том, что оно родилось в кругу историко-филологических наук и разрабатывалось людьми, воспитавшимися на истории и филологии и перенесшими свои взгляды и методы на науку о языке. Этот подход Крушевский отказывается признать наукой, конечной целью которой должно быть раскрытие законов, управляющих языковыми явлениями. (Кстати, за полвека до этого первые компаративисты так же отказывались признавать наукой описательную грамматику XVIII-нач. XIX вв.) Поскольку прежнее языкознание считало своей единственной задачей восстановление картины прошлого, то оно пренебрежительно относилось к языкам новым. "Но когда наша задача не восстановление явлений прошлого, а вообще — раскрытие законов явлений, тогда все новое, совершающееся на наших глазах, приобретает для нас особенную важность. В прошлом и мертвом или весьма трудно бывает раскрыть какие-нибудь законы, или совсем невозможно"². Здесь сформулирован лишь один из тези-

¹ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, под ред. С. А. Венгера, т. V, стр. 32; ср. также стр. 23.

² Н. К р у ш е в с к и й, К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма. — РФВ, 1881, № I, стр. 4.

сов, провозглашенных младограмматиками, в частности, Г.Остгофом и К.Бругманом уже в 1878 году. Но дело обстояло гораздо сложнее.

Первые представители сравнительно-исторического языкознания в России (Ф.Буслаев, И.Срезневский, П.Лавровский и др.), действительно, стремились выявить и сопоставить сходные черты в грамматическом строе и словарном составе и на этой основе восстановить более древнее состояние родственных языков, чтобы глубже и всестороннее рассмотреть пути их исторического развития. Правда, уже Буслаев подчеркивал, что история языка есть необходимое условие для понимания его современного состояния. Исторический анализ должен привести к открытию языковых законов, которые заменят прежние правила и исключения из них, выводившиеся на основе частоты употребления тех или иных форм. Таким образом, понятие закона существовало и раньше, но другое дело, что оно нигде не было четко определено. Исторический подход потребовал нового и громадного фактического материала, взятого из письменных памятников и народной речи. Поэтому первым компаративистам пришлось прежде всего заняться описанием и изданием рукописей, чтобы создать "материальную базу" для сравнительно-исторических исследований, за что позднее они получили пренебрежительное прозвище "археологов".

Для Бодуэна больше характерно стремление к обобщению фактов, а отсюда — более усложненное понимание сущности языка и его функционирования, разграничение на этой основе языка и речи, статики и динамики, внутренней и внешней лингвистики, стремление к более точным определениям, математизация языкознания и обусловленная этим сложная терминология. В ряде положений Бодуэн пошел дальше младограмматиков. Это, по мнению А.А.Леонтьева, "социальная детерминированность языка, единая системная организованность языка (понимание развития языка как развития системы) и противопоставленный лейпцигскому догматизму подход к развитию языка как к процессу, обу-

словленному целым рядом конкретных причин и условий"¹.

Самоутверждение нового происходит обычно через отрицание старого. У Бодуэна это самоутверждение нередко принимало форму безжалостной критики других ученых (напр., Срезневского и Шлейхера), а иногда и учеников, форму отлучения от науки всего предшествующего языкознания.

Очевидно, этим отчасти можно объяснить различное отношение к младограмматикам и Бодуэну, сложившееся в то время среди некоторых ученых. Младограмматизм рассматривался ими как последующий этап в развитии сравнительно-исторического языкознания. Например, Кочубинский отмечал, что младограмматическое направление "вызвано крайностью школы Шлейхера — необращением внимания на психологический момент в жизни языка, развилось из школы знам. Штейнталя; но оно — лишь поправка, контроль над несколько односторонней разработкой языка в старой школе одного Шлейхера, и потому явление желанное, как всякая серьёзная критика... Они те же лингвисты Б о п п о в о й школы, но иного направления"². Через несколько лет эту же мысль повторил К. Аппель: "Новограмматики не создали новых, неизвестных дотоле научных приемов, но требуют более строгого и последовательного применения приемов уже установленных. К Шлейхеровой школе они относятся почти так же, как Шлейхер сам относится к Боппу и его сподвижникам: значит, на новограмматическое направление следует смотреть просто как на дальнейший фазис (естественного) развития науки о языке"³. Концепция же Бодуэна воспринималась уже современниками не как продолжение линии Боппа, Гримма, Шлейхера и младограмматиков, а нечто отличное, призванное ниспровергнуть установившиеся традиции.

Ниже мы предлагаем вниманию читателей письма Бодуэна

¹ Предисловие к книге: Ф.М.Б е р е з и н, Очерки по истории языкознания в России (конец XIX-начало XX в.), М., 1968, стр.22.

² А.А.К о ч у б и н с к и й, Итоги славянской и русской филологии, стр.212-213.

³ К.Ю.А п п е л ь, Некоторые общие вопросы языкознания. — РФВ, 1886, № 4, стр.354.

де Куртенэ Срезневскому, хранящиеся в Центральном архиве литературы и искусства (Ф.436, оп. I, ед. хр. II67). Они представляют для нас определенный интерес как в плане биографическом, так и историко-лингвистическом.

Ж Ж

Ж

Ваше превосходительство

Милостивый государь

Измаил Иванович!

Я так долго не докладывал Вашему превосходительству о своих занятиях, потому что хотел сообщить уже что-нибудь положительное; а между тем я все это время находился только в положении переходном, приговорительном. Только две недели тому назад я получил паспорт, и вслед за этим уехал из Варшавы. Приехав в Лейпциг, я немедленно начал хлопотать о получении степени доктора в здешнем университете и о печатании диссертации.

Что касается первого, то, узнав, что можно получить степень доктора и на основании уже напечатанного труда, я избрал для этой цели и представил в факультет статью "*Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Declination*", напечатанную в "*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung*". Она одобрена уже одним из профессорспециалистов, именно Лескиным¹, и теперь находится в руках Курциуса², который тоже, по всей вероятности, одобрит ее в скором времени. После этого мне придется держать еще экзамен по 3-м избранным мною предметам: по славянским наречиям (Лескин), по санскриту (Брокгауз)³ и по сравнительной грамматике (Курциус).

Свою магистерскую диссертацию я печатаю не у Брокгауза, русские наборщики которого очень заняты в настоящее

время, а у Бэра и Германа. Печатный лист в большую 8° будет стоить около 30-и талеров. Всего вместе со словарем выйдет, кажется, не более 10-и листов. До сих пор я успел только условиться и передать рукопись наборщикам. Я буду стараться кончить печатание еще во время наших вакаций, так чтобы в самом начале будущего учебного года приехать в Петербург с уже готовою диссертацией.

Если б Ваше превосходительство удостоили меня с своей стороны какого-нибудь поручения, я считал бы непременно долгом исполнить его как только можно аккуратнее и добросовестнее.

С истинным почтением и совершенною преданностью, честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Иван Бодуэн де Куртэнэ.

Лейпциг, ^{27 мая}_{31 июня} 1870 г.

Мой адрес: Ritterstrasse, 16, 1.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Виноват, очень виноват перед Вами, что до сих пор не дал Вам отчета о моих заграничных занятиях. Но, во-первых, я боялся напрасно беспокоить Вас моим частным письмом, не имея возможности сообщить Вам что-нибудь особенно интересное, во-вторых же, я, так сказать, с лихорадочным рвением занялся моими исследованиями словенских говоров, что и поглощало все мое время.

Подобно многим молодым русским ученым, начинающим самостоятельно заниматься своею специальностью, я, вместо того, чтобы по возможности расширить круг своих исследований, увлекся одним весьма специальным предметом и до такой степени сузил область моих изысканий, что должен был ограничиться пока только маленькою частичкою югославянских говоров.

С общей точки зрения, занятие словенскими говорами может показаться совершенно излишним, так как они отлично охарактеризованы Вами, почтеннейший Измаил Иванович, еще в Ваших отчетах⁴ и преимущественно в Вашем рассуждении "О наречиях славянских" (Журн. мин. нар. просв. за 1841 г. XXXI ч.). Но дело в том, что Вы поставили было себе общую задачу и, обняв своим орлиным взглядом все пространство, занимаемое южными славянами, с этой общей точки зрения удивительно метко начертили общую характеристику отдельных говоров. Следовательно, если б я захотел повторить Ваш труд, он явился бы совершенно излишним; притом же подобное предприятие не всякому по силам, в особенности же оно не по силам научной посредственности, которая еще сумеет собирать материал и делать первичные общие выводы, но никак не в состоянии из этих первичных общих выводов вывести выводы еще более общие и, таким образом, озарить целое светом окончательно обобщающего гения. — Поэтому я, никак не думая снимать вторично план, так мастерски начерченный Вами более нежели 30 лет тому назад, поставил себе задачу, на общем, Вами нарисованном фоне и следуя Вашим драгоценным указаниям, изучить некоторые местности с всевозможной точностью и аккуратностью, то есть сделать для некоторых отдельных говоров то, что Вы сделали для славянских наречий и языков вообще. Но в стремлении к полнейшей точности и фактической безукоризненности я иногда заходил, может быть, слишком далеко, посещая в некоторых краях почти всякую деревушку с целью определить ее диалектические особенности, отличающие ее от других соседних. Все ж таки я успел подробно изучить все славянские говоры в северной Италии (в том числе 6 резьянских говоров), и кроме того, почти все в Горицкой земле и некоторые в средней и верхней Крайне, — одним словом, около 30-и резко друг от друга отличающихся диалектических оттенков. Таким образом у меня набралось громадное количество материала, значительная часть которого находится пока только в вполне сыром виде. Только маленькую часть я успел привести в научный порядок

(составляя словари и теоретические рассуждения об отличительных чертах отдельных говоров). По-настоящему, мне следовало уже давно оставить собирание материала и взяться за обработку того, что уже собрано; но, во-первых, я буквально увлекся все новыми явлениями, встречаемыми мною на каждом шагу, во-вторых же, все рассчитывал на то, что, может быть, мне удастся продлить мою командировку еще на один год. И в самом деле, для извлечения надлежащей пользы из моих прежних и теперешних заграничных занятий, мне необходимо было бы вполне свободно заняться обработкой собранных мною материалов в течение довольно продолжительного времени. Иначе я буду принужден прервать мои занятия по части диалектологии и, возвращаясь к ним только по временам, вместо одного года употребить десять лет, забывая притом многое, что теперь у меня еще в свежей памяти. Получить возможность остаться за границей еще некоторое время, было бы для меня настоящим благодеянием. Поэтому-то, будучи уверен в Вашем ко мне расположении и снисходительности, осмеливаюсь обратиться к Вам, почтеннейший Исмаил Иванович, с покорнейшею просьбой, чтобы Вы, пользуясь Вашим влиянием, как ученый и государственный деятель, изволили, если только возможно, содействовать продлению срока моей командировки еще на один год или же, по крайней мере, еще на полгода. Я безгранично буду благодарен Вам за то, что Вы избавите меня от необходимости возвратиться в Россию без извлечения возможной научной пользы из моих заграничных исследований.

Если нужно будет особое прошение или же докладная записка, я вышлю их немедленно.

В случае невозможности продлить мою командировку, благоволите известить меня, могу ли я рассчитывать на удовольствие, служить вместе с Вами и пользоваться Вашими советами и Вашим покровительством.

Всякое Ваше слово будет для меня освежающею росой и вольет новую жизнь в мой изнемогающий организм.

В уверенности, быть удостоенным благосклонного ответа, с глубочайшим почтением имею честь быть вашего превосход-

тельства поклонником и покорнейшим слугою

И. Бодуэн де Куртене

Горица, $\frac{9}{21}$ октября 1873 г.

Мой адрес: Германия

J. Baudouin de Courtenay
in Leipzig
poste restante

Милостивый государь
Измаил Иванович!

Долгом считаю уведомить Вас, что я уже оканчиваю печатанием "Опыт фонетики резьянских говоров" и приложение к нему, "Резьянский катехизис", и сейчас же по напечатании вышлю один экземпляр на Ваше имя. Так как Вы, почтеннейший Измаил Иванович, будете, конечно, моим главным оппонентом, то от Вас вполне зависит время, когда мне возможно будет приехать в Петербург для диспута. Само собою разумеется, что для меня, чем скорее, тем лучше; и поэтому Вы оказали бы мне величайшее благодеяние, если б согласились допустить меня к диспуту еще до vacations. Чтение моей книги не потребует много времени, потому что она состоит по большей части из примеров, объясняющих фонетические законы и т.п.; само же словесное изложение этих фонетических законов, равно как и мои общие заключения и выводы, занимают относительно только небольшую часть ее. Кроме того я приложил к своему сочинению подробный указатель, с помощью которого очень легко отыскать те места, которые покажутся оппонентам сомнительными или вообще требующими объяснений. Как бы то ни было, для меня чрезвычайно важно знать уже теперь, когда мне предстоит поездка в Петербург. Вследствие чего я осмеливаюсь обратиться в Вам, почтеннейший Измаил Иванович, с покорнейшею просьбой, известить меня об

этом, если не непосредственно, то, по крайней мере, через посредство В.В.Бауера⁵, как секретаря факультета. В Лейпциге я останусь еще, по крайней мере, 10 дней.

С истинным почтением и полной преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

И.Бодуэн де Куртене

Лейпциг, 21 февраля
5 марта 1875 г.

Мой адрес по 3
15 марта: Германия
J. Baudouin de Courtenay
Blücherstrasse 26, III. in Leipzig

С 3
15 марта: Варшава

В книжном магазине Э.Венде и К^о.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Я только что узнал из письма моего брата, что мне следовало бы быть в Петербурге уже 3 мая. Я непременно исполнил бы Ваше требование, если б меня не задерживали здесь разные дела, которых, к несчастью, у меня слишком много. Тем не менее я буду в состоянии, по крайней мере, выехать из Варшавы 3/15 мая и, таким образом, прибыть в Петербург на следующий день, в воскресенье, 4/16 мая. Я немедленно явлюсь к Вам, почтеннейший Измаил Иванович, чтобы поговорить об ожидающем меня докторском диспуте.— В остальном Вы можете вполне положиться на меня и сделать все относящиеся к этому распоряжения, как если бы я уже находился в Петербурге.

До скорого свиданья.

С истинным почтением и полной преданностью имею честь

быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

И. Бодуэн де Куртене.

Варшава, 30 апреля
12 мая 1875 г.

Извините меня, что я до сих пор не возвратил Вам корректуры Вашей статьи вместе с моими примечаниями. Я был в эти дни очень нездоров и положительно не в состоянии заниматься умственным трудом. Я думал даже, что заболел. Но теперь уже гораздо лучше, и я надеюсь, если не сегодня, то, по крайней мере, завтра исполнить мое обещание. Еще раз прося извинения, остаюсь вполне Вам преданным

И. Бодуэн де Куртене.

25 мая 1875 г. (Вознесенский пр. № 22, кв. 5)

Милостивый государь
Измаил Иванович!

Болезнь и другие неблагоприятные обстоятельства были причиною того, что я приехал в Казань только две недели тому назад. Точно также мое нездоровье не позволило мне прислать Вам статьи и записки, которые я обещался доставить Вам в самом непродолжительном времени. Теперь же я мог бы приготовить названные статьи и приложения к Вашей статье о резьянах и других фриульских славянах⁶, но, может быть, уже слишком поздно. Поэтому я позволяю себе, почтеннейший Измаил Иванович, покорнейше просить Вас, известить меня, считаете ли Вы еще упомянутые мною записки годными для напечатания или же нет. Я мог бы, между прочим, послать Вам: I) список некоторых резьянских слов, замечательных в культурно-историческом отношении или даже хотя бы только по своей не-

обыкновенности, 2) несколько образцов резьянских говоров.— Кроме того, я мог бы постоянно доставлять в Академию отдельные монографии и статьи, если б только знал, что они будут годиться для "Ученых записок".

У меня есть тоже несколько статей, написанных разными словинцами на словенском языке об отдельных говорах крайнско-словенских (хорутанских) и о говорах славянских в северной Италии. Эти статьи могут сейчас же быть печатаемы. Между прочим, я мог бы послать Вам статью Антона Клодича об особенностях славянских говоров в "*distretto di S.-Pietro*" провинции "*Udine*". Во время моего пребывания в Петербурге Вы изволили сказать мне, что эту статью можно напечатать в Ученых записках так, как она есть в подлиннике. Я спрашивал позволения на это у автора, г. Клодича, и он мне ответил выражением полнейшего согласия. Следовательно, если Вы еще желаете поместить названную статью в "Ученых записках", в таком случае я вышлю Вам ее сейчас же по получении Вашего ответа. Если же печатание этой статьи в "Ученых записках" было бы сопряжено с какими-нибудь затруднениями, или же если б пришлось отложить ее печатание на неопределенное время, в таком случае я мог бы передать ее редакции здешних (Казанских) университетских записок, которая помещает статьи не только на русском языке, но и на языках иностранных.

В случае печатания в "Записках Академии" доставленных мною статей и рассуждений, я непременно желал бы читать по крайней мере две корректуры; ибо только тогда я мог бы ручаться за исправность издания.

За Ваше ходатайство в мою пользу относительно получения Уваровской премии позвольте, почтеннейший Измаил Иванович, выразить Вам живейшую признательность и искреннюю, никогда не уменьшающуюся благодарность. Я в самом деле не знаю, чем мог заслужить в такой степени Ваше ко мне расположение: ведь же Вы сами посоветовали мне представить мой труд в Академию, и Вы тоже хлопочете теперь в мою пользу.

Распространившись столь подробно о собственных делах,

перехожу теперь к делам третьих лиц:

Один из моих бывших товарищей по Университету, учитель III-ей Варшавской гимназии, природный литовец (литвин), Георгий Иванович Гилюс, приготовил к печати литовско-русский словарь, составленный весьма добросовестно, на основании чисто самостоятельного труда. Литовские слова передаются в этом словаре русскою азбукой. Но Гилюс не знает, где бы он мог напечатать свою работу, стоившую ему несколько лет труда. Поэтому он просил меня ходатайствовать перед Вами, почтеннейший Измаил Иванович, о напечатании названного словаря, как издания II-го Отделения императорской Академии наук. Итак, сообщая Вам об этом, жду с нетерпением благосклонного Вашего ответа.

Я не смею даже просить Вас, прислать мне Вашу карточку (фотографию), но смею Вас уверить, что, прислав ее, Вы мне доставите величайшее удовольствие.

Покорнейше прошу Вас передать мой низжайший поклон Екатерине Федоровне, Ольге Измайловне и вообще всем членам Вашей многоуважаемой семьи.

С истинным почтением и полною преданностью честь имею быть Вашим, почтеннейший Измаил Иванович, покорнейшим слугою

И. Бодуэн де Куртенэ.

Казань, 25 октября 1875 г.

P. S. Я еще из Петербурга просил моих знакомых в Удине, прислать мне два экземпляра газеты "Giornale di Udine" со статьею о резьянах, но, к сожалению, не получил до сих пор ни требуемой газеты, ни даже вообще какого бы то ни было ответа.

Мой адрес: Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ
доцент Казанского университета
в Казань.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Ваше предсказание сбылось. Схваченный университетской машиной, я оказался в ней таким беспомощным и вполне страдательным колечком, что никак не мог совладать надлежащим образом с своими занятиями и должен был по преимуществу читать лекции, готовить студентов к экзамену, экзаменовывать и т.д. На посторонние же занятия у меня почти не хватало времени. Ту незначительную часть времени, которая оставалась у меня от университетских занятий, я посвятил составлению нескольких давно обещанных статей, тем более, что, находясь не в слишком блестящем материальном положении, нуждаюсь в пособиях, доставляемых мне гонорарами. Вследствие всего этого я только теперь в состоянии выслать Вам статью Клодича и Валенте⁶, которые обещался доставить еще в прошлом году. Утешаюсь мыслию, что лучше поздно, чем никогда. Статью Клодича я списал с находящегося у меня списка, и списал ее без всяких изменений, сохраняя даже очевидные погрешности автора, например, против старославянского языка. Статью Валенте я хотел послать Вам в подлиннике, то есть в печатном виде (в "Giornale di Udine"). Но, к сожалению, высланные на мое имя два экземпляра газеты, в которой она помещается, были возвращены "retro" от русской границы, на основании существующих цензурных правил. Поэтому посылавший мне эту газету вырезал из одного экземпляра одну только эту статью и прислал мне ее в письме. Другого экземпляра он не послал, чтобы не платить двойных почтовых пошлин.— Вы, почтеннейший Измаил Иванович, изъявили желание напечатать эти статьи в виде приложения к Вашим "Резьянам и фриульским словянам" (которых, говоря мимоходом, мне до сих пор не удалось видеть в новом издании, то есть в "Записках Академии". Может быть, теперь уже слишком поздно.— Если

статьи эти (Клоди́ча и Валенте) будут Вами напечатаны, в таком случае я покорнейше просил бы Вас 1) велеть прислать мне их корректуру, 2) велеть приготовить особые оттиски (статьи Клоди́ча, по крайней мере, 200 экземпляров, статьи же Валенте, по крайней мере, 50 экземпляров). Если же статьи эти уже не могут быть напечатаны, в таком случае я позволяю себе просить Вас возвратить мне, по крайней мере, рукопись статьи Клоди́ча. Во время вакаций я опять постараюсь выслать Вам несколько отрывков, представляющих материалы для южнославянской диалектологии. А сколько их у меня! Нужно только найти время заняться ими, частью списать, частью же обработать.

Сколько мне помнится, Вы несколько лет тому назад имели намерение издать вторично свои знаменитые "Мысли об истории русского языка". Вы не можете себе представить, какую громадную услугу оказали бы Вы этим всем ученым, занимающимся славянскими языками. Уже несколько моих заграничных знакомых просили меня приобрести для них названную книгу. Но где ее достать? вот вопрос. Поэтому все они должны были обойтись одним только желанием. — Прилагаю фотографич. карточку знаменитого словинского деятеля, недавно застрелившегося в Горице, Карла Лаври́ча, и позволяю себе напомнить Вам обещание, прислать мне еще одну Вашу карточку. За уже присланную несказанно Вам благодарен.

Посылая душевный поклон и выражение глубочайшего уважения всей Вашей семье, с истинным почтением и полною преданностью остаюсь вашего превосходительства покорнейшим слугою

И. Бодуэн де Куртэнэ.

Казань, 16 мая 1876 г.

Мой адрес сообщен в конце статьи Клоди́ча.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Если б не Ваш совет, я и не вздумал бы представлять свои сочинения о резьянских говорах на соискание наград графа Уварова⁷. Затем, если б не Ваш отзыв об этих книжках, мне никогда не была бы признана премия. Говорю я это по глубокому убеждению, ибо знаю невеликую цену моих трудов. Поэтому позвольте, почтеннейший Измаил Иванович, выразить Вам от всей души глубокую признательность Вашего ученика и почитателя.

Я только 10 дней в Казани, и еще не начал читать ни в Университете, ни в Духовной академии. На днях я был выбран в факультете в ординарные профессора большинством 5 голосов против 1; в будущую же субботу, если соберется достаточное число членов, будет происходить баллотировка в Совете.

Коль скоро устроюсь с своими лекциями и др. официальными занятиями, я непременно опять займусь южными словами, и между прочим от времени до времени стану присылать и Вам отдельные статейки для напечатания их или в приложениях к Вашему труду, или же вообще в изданиях Академии. Окончен ли уже печатанием Ваш сборник статей о фриульских словянах? — Если не напечатаны еще присланные мною статейки Клодича и Валенте, то я непременно желал бы читать хотя одну их корректуру. Во всяком случае точность и безошибочность только выиграли бы от этого.

Другую Вашу фотографическую карточку Вы весьма одолжили бы меня.

Если б Вы, глубокоуважаемый Измаил Иванович, пожелали перепечатать Ваши "Мысли об истории русского языка", — что для русской грамматики принесло бы громадную пользу, — то я

зесь к Вашим услугам. Можете вполне рассчитывать на меня? Я готов и держать корректуру и делать, с Вашего согласия, те или другие изменения частностей. В текущем академическом году я, между прочим, читаю русскую грамматику, и поэтому Ваш прекрасный и незабвенный труд у меня постоянно будет под руками. В виду всего этого я позволяю себе не только от своего собственного имени, но и от имени всех специалистов, повторить свою просьбу о новом издании "Мыслей об истории русского языка"⁸.

Посылая всей Вашей семье мой сердечный поклон, остаюсь с истинным почтением и полною преданностию Вашего превосходительства покорнейшим слугою

И. Бодуэн де Куртэнэ.

Казань, 4 октября 1876 г.

Милостивый государь,
глубокопочитаемый Измаил Иванович!

Вы, должно быть, отчасти удивляетесь, отчасти сердитесь на меня за мое долгое молчанье и за неаккуратность и неисправность относительно "Мыслей об истории русского языка". Но Вы меня извините, коль скоро узнаете, что я, по своей собственной вине, уподобился в этом году колесу в машине, которое лишено собственной воли и должно вертеться так, как ему приходится по общему складу машины. Я взял на себя непосильную задачу, и читаю 9, в последнее время даже 10 лекций в неделю (6 в Университете, 4 в Духовной академии), приготовление к которым отнимает у меня все время, свободное от исполнения служебных обязанностей. При таком положении дел я не находил ни минуты даже для того, чтоб отдохнуть, а не то чтоб прочесть со вниманием какую-нибудь интересующую меня, но все-таки для официальных занятий постороннюю книгу. А хотя Ваши "Мысли об истории русского языка" и входят в круг читаемых мною курсов, но тем не менее чтение их с

определенною целью способствовать второму изданию потребовало бы особого внимания и совершенно другого умственного процесса. Только теперь, когда лекции в строгом смысле этого слова уже кончены, и я только повторяю свои курсы со студентами, чтобы таким образом облегчить им приготовление к экзамену, только теперь я могу взяться за внимательное чтение и изучение Вашего знаменитого сочинения, и надеюсь в скором времени кончить эту работу. При этом я позволяю себе спросить Вас, глубокопочитаемый Измаил Иванович, предназначен ли присланный Вами экземпляр "Мыслей" лично для меня, или же я должен его возвратить?

В первой половине мая я уезжаю отсюда и желал бы побывать тоже в Петербурге. Если мне удастся это сделать, в таком случае доставлю Вам свои замечания лично. В противном случае вышлю их по почте, или вместе с экземпляром "Мыслей" или без него, согласно Вашему приказанию. Недавно спрашивал меня кончивший в прошлом году Казанский университет, ныне же учитель гимназии в Тобольске, К.М.Вяткин, можно ли достать еще где-нибудь Ваши "Мысли об ист.рус.яз.". С такими же точно вопросами обращались ко мне тоже другие лица. - Что касается изменений во 2-м издании, то я полагаю, что их должно быть по возможности меньше. Они должны касаться только частных, отдельных недосмотров или же соображений, опровергнутых впоследствии, но никак не должны затрагиваться до сущности дела. "Мысли об ист.рус.яз." это такой памятник самостоятельной работы русской мысли в области лингвистической науки, что его желательно иметь воспроизведенным и во 2-м издании так, как он вышел первоначально от первого, так сказать, удара художника-ученого. И даже я думаю, что не мешало бы перепечатать первое издание целиком без всяких изменений, прибавляя только, где нужно, примечания ко 2-му изданию. Это будет самый лучший способ. Тут будут удовлетворены потребности и истории языковедения в России, и теперешнего состояния языковедения вообще.

Теперь я позволю себе обратиться к Вам, почтеннейший Измаил Иванович, с вопросом, напечатаны ли уже статьи Ва-

ленте и Клодича, и прежде всего Ваш труд о фриульских словянах? Я во всяком случае желал бы читать корректуру статей Валенте и Клодича. Затем, у меня есть пропасть диалектологических материалов, которыми я не имел пока времени заниматься, но часть которых я желал бы приготовить к печати во время вакаций. Если я передам их Вам для издания в Записках Академии, то когда они могут быть напечатаны?

Получили ли Вы "Чувашско-русский словарь" и "Заметки для ознакомления с чуваш.нар." Золотницкого⁹, посланные Вам автором по моему поручению.

Д.А.Корсаков¹⁰ просил меня извинить его перед Вами, что он не мог быть у Вас до выезда из Петербурга. Он заходил в субботу, но Вы тогда, по случаю болезни, не принимали. Затем у него не было уже времени.

Жду с нетерпением Вашего ответа.

Посылая выражение искреннего уважения и дружеский привет Екатерине Федоровне, Ольге Измайловне и всем прочим членам Вашего семейства, с полною и безусловною преданностью и готовностью к услугам остаюсь, глубокопочитаемый Измаил Иванович, весь Ваш

И.Бодуэн де Куртене

II апреля 1877 г.

Милостивый государь,
глубокопочитаемый Измаил Иванович!

Посылая Вам мои частные замечания на Ваши "Мысли об истории русского языка"^{II}, я вместе с тем позволяю себе повторить то, что и говорил Вам и писал уже несколько раз, а именно: хотя и в некоторых общих положениях трудно было бы с Вами согласиться, но тем не менее я считаю необходимою перепечатку "Мыслей об истории русск.яз." без существенных изменений; так как это сочинение принадлежит к разряду самостоятельно составленных трудов по языковедению, столь

редких не только в русской, но и во многих других литературах. Даже простую перепечатку без всяких изменений приветствовали бы с благодарностью все люди истинно научные и интересующиеся этим предметом.

Печатаются ли уже сообщенные Вам мною статьи Валенте и Клодича? Если да, то я просил бы Вас, почтеннейший Исмаил Иванович, прислать мне их корректору по сообщенным внизу адресам.

Вследствие военного времени и низкого курса русских кредитных билетов, я уеду за границу только на несколько недель. Надеюсь, что война кончится в этом году и что уже в будущем можно будет ездить за границу с ученою целью без всяких необыкновенных препятствий.

Посылая свой низайший поклон Екатерине Федоровне и всей семье Вашей, с истинным почтением остаюсь Вашего превосходительства вполне преданный

И.Бодуэн де Куртенэ.

Радом, $\frac{8}{20}$ июля 1877 г.

Мой адрес: 1) до $\frac{20 \text{ сентября}}{2 \text{ октября}}$:

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ

(J.Baudouin de Gourtenay)*

Варшава

Книжный магазин Э.Венде и К^о

(E. Wende et Co)

2) после: Казань

профессору университета
И.А.Бодуэну де Куртенэ

* Латинскими буквами на случай, если письмо придется отсылать из Варшавы за границу.

Милостивый государь,
Измаил Иванович!

Сегодня я получил из Комитета Правления Академии наук корректуру "Приложений" к Вашему сочинению "О фриульских славянах", но, к сожалению, без рукописей. Я говорю "к сожалению" потому, что без рукописей мне никоим образом невозможно читать корректуру, тем более, что одна часть "Приложений" состоит из образцов языка, другая же из чужих, не моих, трудов. Поэтому я осмеливаюсь покорнейше просить Вас, глубокопочитаемый Измаил Иванович, велеть немедленно выслать мне тоже рукописи всех этих "Приложений". В противном случае, т.е. если я не получу этих рукописей, мне необходимо будет отложить корректуру до приезда в Казань, где у меня хранятся подлинные рукописи, сборники и газеты. Между тем я сам еще не знаю, когда мне окончательно возможно будет вернуться в Казань; семейные обстоятельства задержат меня в Варшаве, может быть, еще каких-нибудь две недели. — Вследствие всего этого я позволяю себе еще раз повторить мою покорнейшую просьбу о присылке мне тоже моих рукописей.

Рукописи эти я, конечно, отошлю вместе с корректурой.

Нельзя ли было бы получить, например, 25 или 50 экземпляров особых оттисков "Приложений"?

С истинным уважением и полною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою

И. Бодуэн де Куртенэ

Варшава, 23 сент. 1877 г.
5 окт.

Казань, 14 декабря 1877 г.

Милостивый государь,
глубокоуважаемый Измаил Иванович!

Покорнейше прошу у Вас извинения за то, что только теперь отсылаю корректуру "Приложений" к Вашему сочинению о славянах во Фриуле. Я был ужасно занят лекциями, и лишь в последнее время нашел несколько свободных часов для того, чтобы прочесть эту корректуру. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы изволили приказать приготовить для меня 200 (двести) экземпляров особых оттисков названных "Приложений" с особым заглавием и с отдельною пагинацией. Если нельзя 200, то, сколько будет возможно, во всяком случае не меньше ста (100) экземпляров. Эти особые оттиски я постараюсь отчасти выслать Клодичу, отчасти Валенте (как авторам помещенных в них статей), отчасти же сохраню их себе. Нельзя ли бы выслать Клодичу и Валенте прямо из Петербурга. Так как оба эти господа, Клодич и Валенте, являются, так сказать, сотрудниками этих "Приложений", то не сочтете ли Вы, почтеннейший Измаил Иванович, уместным выслать им по одному экземпляру всего Вашего сочинения? На всякий случай я сообщаю Вам внизу их адреса. —

Не существуют ли как-нибудь в продаже Ваши "Древние глаголические памятники сравнит. с пам. кириллицы (СПб., 1866)" (вместе со снимками) и "Памятники русского письма"? Мне непременно хотелось бы приобрести эти драгоценные издания, особенно ввиду моих учений в Духовной академии.

Когда выйдет 2-е издание Ваших "Мыслей об истории русского языка"?

За Вашу карточку, переданную мне Д.Ф. Беляевым¹², приношу Вам здесь мою благодарность.

С истинным уважением остаюсь Вам, глубокопочитаемый
Измаил Иванович, вполне преданным.

И. Бодуэн де Куртенэ.

- 1) Мой адрес: И.А. Бодуэн де Куртенэ,
профессор университета
Казань
- 2) Адрес Клодича: Австрия - Триест
Herrn Anton Klodič
k.k. Landesschulinspektor in Triest
- 3) Адрес Валенте: Италия - Ревья
Egr. Signore D. Stefano Valente
in S. Giorgio di Resia
via Udine.

В случае, если особых оттисков будет 200, и Клодичу и Валенте будут высылаться прямо из Петербурга, я просил бы Вас сделать распоряжение о высылке Клодичу - сорока (40) экземпляров, Валенте - десяти (10). При ста (100) экземплярах особых оттисков вообще - половину этого числа (Клодичу 20, Валенте 5). Остальные мне.

Казань, 24 февраля 1878 г.

Милостивый государь,
глубокопочитаемый Измаил Иванович!

Я гораздо раньше ответил бы на Ваше последнее письмо, если б не то обстоятельство, что в последнее время меня постигло величайшее несчастье. ³~~15~~ февраля скончалась моя жена, оставленная мною в Варшаве у родных в ожидании скорого разрешения. Это происшествие повергло меня в состояние какого-то безвыходного оупения, не позволявшего мне ни думать, ни взяться за что бы то ни было. Только теперь я начал понемногу успокаиваться и приходить в себя.

А.М. Осипову¹³, редактору "Изв. и Ученых записок Казанск. унив." я постоянно напоминаю об его обещании выслать Вам по возможности полный экземпляр этого издания; но до

сих пор безуспешно. Здесь уже заведен такой порядок, что исполнения даже гораздо более пустяжных и легких обещаний и поручений можно добиться только с большим трудом. Я уже думаю, не подать ли мне г. редактору официальное прошение о том, чтобы он наконец выслал Вам то, что обещал. Сегодня опять отправляю к нему письмо, но опять с плохой надеждой на успех.

Речь М.П.Петровского¹⁴ о Григоровиче до сих пор не напечатана и, по всей вероятности, вовсе напечатана не будет. Мемнон Петрович принадлежит к числу ученых скромничающих и кокетничающих. В этом он, кажется, или подражает своему идолу, В.И.Григоровичу, или же просто является самостоятельным изобретателем.

Д.Ф.Беляева я знал еще в Петербурге, и очень ценю и его знание своего предмета и характер. Он выбран доцентом греческого языка в здешнем Университете по моему представлению. С И.В.Юшкевичем я познакомился два года тому назад.

Приношу Вам мою искреннюю благодарность за присланные мне снимки Ваших "Древних памятников русского письма и языка". О самих "Древних памятниках русского письма и языка", равно как и о "Древних глаголических памятниках" не смею даже и думать, хотя получение их доставило бы мне величайшее удовольствие.

Как Вы находите взятые Вами из соловецкой библиотеки¹⁵ здешней Духовной академии две древние рукописи? Представляют ли они что-нибудь особенного, как в палеографическом, так и в лингвистическом отношении? — Один из моих слушателей в Духовной академии (лучший студент ее, Плотников) представил мне описание довольно интересной рукописи 1532 г. среднеболгарской рецензии. Это служебник, писанный в "Изуграфском монастыре на Афонской горе" для Сучавы. Я еще не прочел работы Плотникова, но по беглому взгляду на нее заключаю, что она очень хороша.

Из лиц, поименованных в Вашем письме, не со всеми еще успел повидаться. Но всем тем, которых видел, передал Ваш поклон. Они весьма Вам благодарны за память и ведали

переслать Вам их поклон.

На днях я получил приглашение Академии написать отзыв о книге Кочубинского "К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий"¹⁶. Я с удовольствием принял это лестное для меня предложение.

С искренним почтением остаюсь, глубокоуважаемый Измаил Иванович, Вам вполне преданный

И. Бодуэн де Куртене.

Глубокоуважаемый Измаил Иванович!

Спешу ответить на только что полученное письмо Ваше от 14-го мая, и при этом случае отвечу тоже и на предпоследнее письмо (от 13 апр.), доставленное мне И. Я. Порфирьевым¹⁷.

Если только возможно, я просил бы Вас велеть выслать пятьдесят (50) экземпляров особого оттиска со статьей Клодича ему же, как автору, десять (10) экземпляров особого оттиска со статьей Валенте, Валенте же, как автору, — все же остальные оттиски мне. Посылать за границу лучше всего под рекомендованною бандеролью; это самый удобный и самый дешевый способ. Особенно в Италию отправлять книги в виде посылки (в холсте и т. п.) все равно, что подвергать получателя строгому наказанию. Стало быть, рекомендованная бандероль — единственный способ пересылки. Адреса Валенте и Клодича я сообщаю на отдельном листке, здесь прилагаемом. — Если Отделение Академии сочтет почему-нибудь неудобным посылать непосредственно за границу, в таком случае я покорнейше просил бы все имеющиеся особые оттиски статей прислать на мое имя в Казань, а уж я займусь высылкою за границу. — Будут ли тоже особые оттиски отрывков, записанных мною на словинских говорах Северной Италии и напечатанных в "Приложениях" к Вашему труду, или же отдельные оттиски ограничатся только статьями Клодича и Ва-

ленте? А Ваше сочинение о резьянах и фриульских словянах готово ли уже, и можно ли мне надеяться получить один экземпляр? — Одновременно с этим письмом я отправляю тоже письмо к Я.К.Гроту¹⁸.

Завтра у меня экзамен в Духовной академии. Там я увижусь с И.Я.Порфирьевым и передам ему Ваш поклон.

Исследований А.О.Патеры¹⁹ о глоссах "Mater verborum" я не успел до сих пор прочитать. Просматривал только извлечение из них, напечатанное Ягичем в "Archiv für slawische Philologie". Когда получу Ваше возражение, прочту зараз оба труда, и Ваш, и Патеры.

Лучший студент здешней Духовной академии, Плотников, представил мне очень хороший разбор Служебника 1532 г. (единственного, сколько мне известно, памятника "среднеболгарской" рецензии Соловецкой библиотеки). Могло ли бы II Отделение Академии напечатать этот труд в одном из своих изданий?

Думаете ли издать глаголическое четвероевангелие Григоровича?²⁰ Мне, конечно, не нужно Вас уверять, какую громадную услугу оказали бы Вы этим всем исследователям старославянской письменности.

Не находится ли исчезновение белезового списка Очерка путешествия Григоровича с напечатанием в прошлом году в Москве II-го издания этого "Очерка"? Изданием этим (довольно небрежным) занимался, как Вам, конечно, известно, брат покойного Григоровича²¹. — М.П.Петровский, по семейным обстоятельствам, выехал из Казани несколько недель тому назад.

Получили ли Вы мою "Программу чтений в 1876-77 гг."? Подобные программы (только, конечно, не все таких же размеров) я хочу выпускать ежегодно, хотя, впрочем, не знаю, будет ли от них какая-нибудь польза.

Выпусков "Записок Казанск.унив.", не достающих в высланном Вам экземпляре, уже нет: они печатались, но все экземпляры разошлись (даже 1872 г. нет уже). Во всяком случае я просил бы Вас прислать мне список не доставленных Вам выпусков. Может быть, мне удастся найти для Вас хоть некото-

рые из них.

За Ваши добрые слова и за Ваше сострадание к моему несчастью сердечно Вам благодарен. Теперь я немножко успокоился, но все еще ужасно тяжело живется.

Остаюсь искренно Вас уважающий и вполне Вам преданный

И. Бодуэн де Куртенэ.

Казань, 18 мая 1878 г.

Казань, 26 Февр. 1879 г.
10 марта

Милостивый государь
глубокопочитаемый Исмаил Иванович!

Я получил через посредство Д.А. Корсакова "Чешские глоссы в *Mater verborum*" и премного Вам за них благодарен. Но мне желательно было бы иметь тоже "Фриульских славян", изданных Вами в 1878 г., тем более, что в этой книге напечатаны тоже кое-какие мои сообщения. Поэтому я осмеливаюсь покорнейше просить Вас прислать мне, если возможно, это сочинение: "Фриульские славяне. Статьи И.И. Срезневского и приложения. СПб., 1878".

Я надеюсь, что Вы получили уже два экземпляра моего разбора книги г. Кочубинского. Один экземпляр предназначен для Вячеслава Измайловича.

В ожидании скорого известия, с истинным почтением остаюсь Вам, глубокопочитаемый Исмаил Иванович, вполне преданный

И. Бодуэн де Куртенэ.

Мой адрес: И.А. Бод. де Курт.,
профессор Университета
г. Казань

Казань, 5 апреля 1879 г.

Глубокоуважаемый Исмаил Иванович!

Пишу к Вам в день Вашего юбилея, и потому позволяю себе и письменно присоединиться к общему хору Ваших почитателей и пожелать Вам еще долгое время действовать на пользу науки в России.

Премного Вам благодарен за присланные Вами книги: "Фриульских славян" и "О Прейсе, Григоровиче и Бодянском"²². М.П.Петровскому и И.Я.Порфирьеву переданы мною предназначенные для них экземпляры. Они Вам кланяются и благодарят за подарок.

Если возможно, я просил бы Вас, глубокоуважаемый Исмаил Иванович, прислать мне еще три (3) экземпляра "Фриульских славян" для моих слушателей-специалистов, и даже, если Вам это не покажется с моей стороны требованием, выходящим из пределов возможного, пять (5) экземпляров. В таком случае я передал бы из двух лишних один экземпляр Д.Ф.Беляеву и еще кому-нибудь.

И.В.Юшкевичу я передал Ваше письмо. Он Вам очень благодарен за внимание.

Насчет Совия, упоминаемого в рассматриваемом Вами сборнике и имеющего соотношение с литовским язычеством, я справлялся и в книгах и у разных лиц, от которых надеялся получить какие-нибудь указания, но, к сожалению, напрасно. Если б у меня были под рукою более точные данные, например, выписки мест, относящихся к Совию, то, может быть, мне удалось бы добиться какого-нибудь более или менее определенного ответа на заданный Вами вопрос.

Екатерине Федоровне и всей семье Вашей мой нижайший поклон и сердечное поздравление. — Желая же Вам, глубокопо-

читаемый Измаил Иванович, здоровья, невозмутимого спокойствия и вообще всего лучшего, остаюсь Вас искренне уважающий и вполне Вам преданный

И. Бодуэн де Куртэнэ

Казань, $\frac{16}{28}$ октября 1879.

Глубокопочитаемый Измаил Иванович!

Я только на днях вернулся в Казань; раньше приехать мешал мне ужасный ревматизм в правой половине грудной полости и в правом плече, равно как и сильный катарр дыхательного горла, вместе с другими, не столь докучливыми, недугами. Теперь я еще не совсем оправился, но все-таки несравненно лучше.

Приехав в Казань, я застал И. В. Юшкевича²³ чуть ли не в отчаянии. Как Вам, конечно, известно, Второе отделение Академии согласилось напечатать представленные им труды по литовскому языку только в таком случае, если он согласится переписать все литовские слова, как в песнях, так и в словаре, русскими буквами.

Подобное решение со стороны Отделения равняется отказу издать эти труды. Переделывать рукописи 4000 (с вариантами же почти 7000) песен и словаря (в 70000 слов с многочисленными объяснительными фразами) в указанном Отделением смысле представляет египетский труд, сделать который не был бы в состоянии не только человек в летах Ивана Васильевича, но даже человек молодой, со свежими силами. Ведь это значит — не просто переписывать, но и транскрибировать с одного алфавита на другой и изменять в словаре и в указателях порядок слов. При этом были бы неизбежны разные недосмотры и ошибки, даже при самом внимательном отношении к делу авто-

ров и издателей.

Правда, Отделение ссылается на распоряжение, изданное 15 лет тому назад, о том, чтобы "памятники" литовского языка печатались впредь только русскими буквами. Но ведь, во-первых, трудно считать памятником языка словарь, во-вторых же, в виду важности издания, Отделению нетрудно было бы исходатайствовать разрешение напечатать труды братьев Юшкевичей в том виде, как они представлены. Это было бы тем легче, что ведь уже несколько (4 или 5) лет печатаются, с разрешения цензуры, разные литовские книги, предназначенные для народа, обыкновенною польско-латинскою азбукою и правописанием. Раньше печатались они только в Петербурге, теперь же (в этом году) печатаются даже в Вильне.

Труды Юшкевичей не предназначены вовсе для народа, а только для ученых. Литовские слова пишутся в них не обыкновенным латино-польским алфавитом, но алфавитом, общепринятым в лингвистических сочинениях, с такими добавочными знаками, которые сами по себе затрудняют распространение книг между народом. С другой стороны, обыкновенною русскою азбукою невозможно было бы передать все литовские звуки и следовало бы прибавить чуть ли не половину новых; а подобный "русский" алфавит не многим отличался бы от научного латинского. Чтобы, наконец, застраховать себя в этом отношении, Академия могла бы обязать гг. Юшкевичей не отдавать в продажу данных им отдельных оттисков, ограничив при этом число этих оттисков, напр. до 100 или 150.

С своей стороны могу Вас уверить, почтеннейший Измаил Иванович, что оба сочинения братьев Юшкевичей имеют громадное значение для науки, как драгоценные материалы для языковедения, для этнографии, мифологии и т.д. Впрочем, мне нечего уверять Вас в том, в чем Вы сами несомненно вполне убеждены. Следовательно, было бы, по-моему, несколько странно, если б Русская Академия отказывалась издать эти драгоценные материалы для ознакомления с одним из народов, живущих в России, и если б авторам пришлось искать в России или же за границею другого пути для обнародования сочине-

ний, стоивших уже столько хлопот и труда, столько времени и столько издержек. — Я, не колеблясь, позволю себе заявить, что мешать И.В.Юшкевичу значит мешать успеху филологических наук.

В надежде, что Вы своим просвещенным участием поддержите Ивана Васильевича, с истинным почтением и полной преданностью остаюсь Вашим, глубокоуважаемый Измаил Иванович, почитателем и покорнейшим слугою

И.Бодуэн де Куртене.

П р и м е ч а н и я

1. Лескин Август (1840—1916) — профессор Лейпцигского университета, представитель младограмматической школы, видный немецкий славист.

2. Курциус Георг (1820—1885) — немецкий языковед-компаративист, видный специалист в области классических языков.

3. Брокгауз Герман (1806—1877) — профессор Иенского и Лейпцигского университетов, известный немецкий санскритолог.

4. См. Донесение адъютанта Срезневского министру народного просвещения из Загреба от 2(15) августа 1841 г. — ЖМНП, 1842, ч. XXXIII, янв.

5. Бауер Василий Васильевич (1833—1884) — профессор истории Петербургского университета.

6. И.И.Срезневский, Фриульские славяне, СПб., 1878. В качестве приложения опубликованы: С.Валенте, О славянском языке в Резьянской долине во Фриуле; А.Клодич, О наречии венецианских словенцев. Антон Клодич (1836—1914) — словенский писатель и педагог. О Стефане Валенте нам, к сожалению, ничего неизвестно.

7. В 1876 г. Бодуэн получил от Академии наук Уваровскую премию за книгу "Опыт фонетики резьянских говоров", Варшава—Петербург, 1875.

8. Второе издание "Мыслей об истории русского языка" вышло в 1887 году.

9. Золотницкий Николай Иванович (1829-1880) - русский этнограф и языковед. Будучи инспектором чувашских школ, положил начало научному изучению чувашского языка и пытался создать чувашскую письменность на основе живой разговорной речи. Труды З.: Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен, Казань, 1875; Заметки для ознакомления с чувашским наречием, Казань, 1871.

10. Корсаков Дмитрий Александрович (1843-1920) - профессор истории Казанского университета.

11. Мы опускаем замечания И.А.Бодуэна де Куртене, так как они действительно носят частный характер и касаются преимущественно некоторых неудачных выражений или ошибочных толкований. Напр., на стр.68 Срезневский пишет: "Язык в первом начале своем есть собрание звуков без всякого внутреннего строя". По мнению Бодуэна, "в таком случае это не язык. Неосмысленные звуки без внутреннего строя стоят вне языка. Притом же все подобные положения совершенно априористичны и не находят подтверждения в наблюдении действительных фактов". К стр.173: "Понятие "сокращенных предложений", по-моему, противоречит истории языка". К стр. 210-211: "Слово "оружие" не может быть того же корня, что "орудие". И т.п.

12. Беляев Дмитрий Федорович (1846-1901) - профессор греческой словесности в Казанском университете.

13. Осипов Адольф Михайлович (1842- ?) - профессор гражданского права в Казанском университете. В 1874-83 гг. был редактором "Ученых записок Казанского университета".

14. Петровский Мемнон Петрович (1833-1912) - ученик В.И.Григорovichа, профессор славянской филологии в Казани. Очевидно, имеется в виду его работа "В.И.Григорovich в Казани" ("Славянское обозрение", 1892, т.2, кн.7-8, т.3, кн.9).

15. Соловецкая библиотека была перевезена в Казань в 1855 г., так как в связи с русско-турецкой войной боялись вторжения англичан в Белое море.

16. Кочубинский Александр Александрович (1845-1907) - профессор славянской филологии в Новороссийском (Одесском) университете. Его книга "К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий" (т.1-2, Одесса, 1877-1878) - докторская диссертация, защищенная в Киеве. За свою рецензию, опубликованную в "Известиях и Ученых записках Казанского университета" (1879, т.XV, янв.-февр.) Бодуэн де Куртене получил золотую уваровскую медаль.

17. Порфирьев Иван Яковлевич (1823-1890) - профессор истории русской словесности в Казанской духовной академии.

18. Грот Яков Карлович (1812-1893) - русский филолог, вице-президент Петербургской академии наук.

19. Патера Адольф (1836-1912) - видный чешский филолог. Его главный научный труд - "Чешские глоссы в *Matex verborum*", СПб., 1878 (с примечаниями Срезневского. Чешское издание вышло в 1877 г.).

20. "Мариинское четвероевангелие" было найдено В.И. Григоровичем на Афоне в монастыре Богородицы во время его путешествия по славянским землям. Издано В.Ягичем в 1883 г.

21. "Очерк путешествия по Европейской Турции. (С картой окрестностей охридского и преспанского озер) Виктора Григоровича. Издание второе, Москва, 1877". "Вместо предисловия" с подписью А.И.Г., т.е. А.И. Григорович.

22. И.И. Срезневский, На память об И.М. Бодянском, В.И. Григоровиче и П.И. Прейсе, первых преподавателей славянской филологии. - Сборник ОРЯС, т. XVIII, № 6, 1878.

23. Братья Антон Васильевич Юшкевич (Антанас Юшка, 1819-1866) и Иван Васильевич Юшкевич (Йонас Юшка, 1815-1886) - собиратели литовских народных песен и обрядов. Академия наук в 1883 году издала на литовском языке сборник "Литовские свадебные песни", составленный И.В. Юшкевичем из материалов его брата. И.В. Юшкевич занимался также подготовкой к изданию словаря, составленного братом, но успел отредактировать только 10 листов. Выходил под названием "Литовский словарь А. Юшкевича с толкованием слов на русском и польском языках".

ОБ ОДНОМ ПОСОБИИ ПО ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(Milka Ivić. Pravci u lingvistiki. Ljubljana, 1970)

З.Д.Попова

Вышла вторым, значительно расширенным изданием книга Милки Ивич "Направления в лингвистике".

Первое издание уже получило оценку и освещение в советской печати (см. "Вопросы языкознания", 1970, № 5, стр. II7-II8). Однако, богатство информации, содержащейся в книге, и своеобразие ее композиционной организации позволяет высказывать еще целый ряд соображений как по поводу самой книги, так и по поводу принципов изложения истории языкознания. Предлагаемая заметка является не столько рецензией на второе издание книги, сколько изложением некоторых методических соображений, вызванных этой книгой.

По сравнению с первым изданием второе несколько изменено: дополнены имевшиеся тексты, особенно в библиографической части; написаны новые разделы о концепциях Пайка, Хомского, о порождающей фонологии и семантике, об алгебраической лингвистике (Бар-Хиллел, Кулагина, Гаус, Сгалл, Шаумян), об уровневой грамматике, грамматике содержания, о теории Халлидея и др. Книга М.Ивич кратко освещает все современное языкознание Европы и Америки — как его основные течения, так и концепции отдельных ученых. Для советского читателя представляют интерес некоторые детали в характеристике американских и европейских лингвистических школ, знакомые автору в силу контактов с учеными разных стран; полезны

комментарии к трудам зарубежных авторов, дающие общее представление о каждом из них.

Книгу можно рекомендовать и читателям, не владеющим сербским языком, в качестве ценнейшего библиографического пособия: к каждому разделу дается указатель литературы на европейских языках; учтены статьи в различных лингвистических журналах, выходящих в основных научных центрах Европы и Америки.

Разные возможности изложения истории лингвистических учений обсуждались и были реализованы советскими языковедами. А.С.Чикобава представил, например, развернутый и детальный анализ теорий сущности языка¹, не ставя своей задачей изложить историю лингвистических направлений, отбирая только те концепции лингвистов, которые содержали материал по указанной проблеме.

В.А.Звегинцев, ведущий советский историк языкознания, издал фундаментальное пособие для изучения истории лингвистики, но и он оговаривает объем и отбор источников, освещающих два основных момента: проблему предмета (природа и сущность языка) и проблему научного метода лингвистического исследования².

Своеобразие систематизации материала в книге М.Ивич позволяет рассмотреть и оценить еще одну возможность представления историко-лингвистических концепций.

Основным направлением в языкознании, которое выступает в виде вершины исторического развития нашей науки, для М.Ивич является структурализм. Этому тезису подчинено и изложение материала: все неструктуральные направления даны кратко, в виде подготовительных этапов или фона, на котором подробно и в деталях разворачивается характеристика структуралистских концепций. Для стройности принятой концепции допускается смещение хронологических рамок. Название книги "На-

¹А. С. Ч и к о б а в а, Проблема языка как предмета языкознания, М., 1959, стр. 4.

²В. А. З в е г и н ц е в, История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях, ч. I, М., 1964, стр. 3-4.

правления в лингвистике" показывает, что М.Ивич не имела в виду создания истории языкознания как таковой, поэтому соблюдение хронологической последовательности в смене концепций не обязательно и ни в коей мере не может быть поставлено в упрек автору. Но получившееся соотношение в характеристике направлений поучительно. Оно выглядит следующим образом.

Кратко, на нескольких страницах (стр. II-28) приводятся сведения об изучении языка до XIX века. Это совершенно разумно, так как в настоящее время соответствующие лингвистические традиции имеют чисто исторический интерес.

В XIX веке помещаются только неструктуралистские течения (компаративизм, биологический натурализм, гумбольдтианство, психологизм, младограмматизм, представитель "независимых" Шухардт). Здесь же упомянуты авторы XX века, развивающие идеи XIX века (Мартин, Гардинер, Бюлер). Описание выполнено сжато (стр. 31-54).

Основное внимание автора обращено на XX век (стр. 57-266). Направления XX века разделены на неструктуралистские и структуралистские. В составе неструктуралистских направлений - лингвистическая география, французская лингвистическая школа, эстетический идеализм, прогрессивные славистические школы, марризм, экспериментальная фонетика. В составе структуралистских направлений - Ф. де Соссюр, женеvская школа, фонологическая эпоха в лингвистике (Трубецкой, Праг, Якобсон), американские школы (Боас, Сепир, Блумфильд, дистрибуционализм, Пайк, антропологическая лингвистика, психолингвистика), копенгагенская школа, логический символизм, лингвистический синтаксис и генеративное описание языка, математическая лингвистика неалгебраического характера, алгебраическая лингвистика, уровневая грамматика, неомёрсанская грамматика, грамматика содержания (Трир, Вайсгербер).

Как можно отнестись к смещению хронологических рамок? Очевидно, что в отдельных случаях продолжить развитие какого-либо направления в следующий век рационально, если данное направление не пережило решительных изменений в теорети-

ческих и методических основах (например, компаративизм). Однако, направления, принципиально обновляющие свои методы, выдвигающие новые проблемы и предмет изучения в зависимости от требований времени, вряд ли удобно излагать непрерывно. Например, представляется более приемлемым рассказать о Гардинере и Бюлере уже в рамках XX века в связи с новыми проблемами этого времени (язык-речь, функции языка) и их новой постановкой, весьма условно связываемыми с проблематикой Штейнтала, Вундта, Потемби.

С другой стороны, вынесение в XX век направлений XIX века неминуемо модернизирует и схематизирует их. Казанская и Фортунатовская школы, включенные в состав неструктуралистских направлений XX века, оценены соответственно лишь в плане тех идей, которые предвосхищали структурализм. Остались необозначенными фундаментальные труды представителей этих школ в плане сравнительно-исторической методики, в плане открытия новых объектов изучения, описания новых для лингвистики XIX в. фактов и т.д.

Для построения курса истории языкознания смещение хронологических рамок надо признать нерациональным.

Второй вопрос, который мы хотели бы обсудить, — это вопрос о выдвижении одного из направлений в центр внимания. Для истории данного направления такое выдвижение является естественным. Безусловно, описание структуралистских направлений сделано в книге М.Ивич в высшей степени содержательно. Автор представляет читателю и разногласия иельской и гарвардской школ в США, и особое положение в системе структуральных направлений концепций Р.Якобсона и Пайка, находит место для характеристики лингвистических построений Аванессова, Куриловича, Бенвениста, Теньера, де Гроота, Шаумяна. В этой части лежит основное информационное богатство книги М.Ивич.

Что же касается неструктуралистских направлений, то они характеризуются в общих чертах, причем, главным образом, с той стороны, которая обращена к структурализму. Нисколько не отрицая правомерность такого построения данной книги, мы ду-

маем, в принципе при описании лингвистических течений определенного периода желательно в большей степени соблюдать равномерность распределения внимания.

И последний вопрос. М.Ивич рассматривает без дополнительной дифференциации направления общетеоретического характера, течения, предложившие новые методы изучения языка, авторов, углубивших исследования одного из разделов языкознания и под. Такое изложение дает читателю широкую картину современных поисков в лингвистике, но предоставляет ему самому решать, в чем именно заслуга или кредо того или иного ученого (новая концепция, новый метод, новый предмет изучения и т.п.). В советской историко-лингвистической традиции новые концепции общетеоретического характера принято четко отличать от создания новых методов изучения языка. Правда, направления, выступившие с новым предметом изучения, в советской лингвистической историографии остаются в тени. Очевидно, надо углубить и уточнить классификацию критериев выделения лингвистических направлений и расширить круг авторов, открывавших новые объекты изучения.

Высоко информативное описание лингвистических направлений, изобилующее подробностями и комментариями разного характера, серьезно обогащает кругозор лингвиста и вызывает чувство глубокой признательности талантливой сербской исследовательнице, выполнившей колоссальный труд по изучению современных лингвистических школ и авторов.

Содержание

П. С г а л л. О развитии теории порождающих моделей языка	3
С.В. С м и р н о в. Первые русские слависты и Чехия	47
З.Д. П о п о в а. Размышления над забытыми страницами (к вопросу о лингвистической методоло- гии)	177
С.В. С м и р н о в. И.А.Бодуэн де Куртенэ и И.И.Сре- зневский	183
З.Д. П о п о в а. Об одном пособии по истории языко- знания	220

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XXII

Из истории русского языкознания

На русском языке

Тартуский государственный университет

ЭССР, г. Тарту, ул. Княкосоли, 18

Ответственный редактор А. Метса

Сдано в печать 21/VI 1973 г. Бумага печатная № 2,
30x45. 1/4. Печ. листов 14,25. Учно-издат. листов

12,11. Тираж 500 экз.

МВ 00714. Зак. № 694.

Ротапринт ТГУ. ЭССР, г. Тарту, ул. Пяльссони, 14

Цена 1 руб. 21 коп.